

1928

Красное студенчество

1928-1929 УЧЕБНЫЙ ГОД

28-29,
3-4
502

3-4

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ЛИТЕРАТУРА К XI-ЛЕТИЮ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Ленинскому Комсомолу приветствие ЦБПС . . .	1
В. ЯНАУ.— Промышленность и вузус	2
А. ВЫШИНСКИЙ.— Подготовка специалистов средней квалификации	5
Ф. ЗЙДЕМАН.— Общественно-политическое воспитание студенчества	10
Н. СЕМАШКО.— Вузовец, береги силы и здо- ровья	13
С. КАМЕНЕВ.— Оборона СССР и студенчество .	14
С. СМИДОВИЧ.— Как должен быть органи- зован студенческий быт	16
Амир. САРГИДЖАН.— Рабфанова (<i>стихи</i>) . . .	18
Б. НОВЫНЕВ.— Приговор лет	19
А. ДОРОГОЙЧЕНКО.— Молодые растут	20
Э. ШИПЕРОВИЧ.— Моя патерисна воспомина- ния	26
А. ПИНКЕВИЧ.— К истории высшей школы в СССР	28
Д. БОГОЛЕПОВ.— В борьбе за высшую школу .	31
О. ЛЕПЕШИДСКАЯ.— Во вражеском стане . . .	34
А. ТИМИРЯЗЕВ.— За высшую советскую школу	38
Г. ВОСКАНИЯ.— Пять лет Бюро пролетстуда .	41
Е. МАРЦИНОВСКИЙ.— 10 лет	48
И. УДАЛЬЦОВ.— Советские вузус	49
10 лет И. В. П. И.	51
Д. ЛАСТОЧКИН.— Институт им. т. Фрунзе . .	51
А. КАМЕНСКИЙ.— Вузус и промышленность .	55
Е. ГИБШМАН.— Наш институт за 11 лет . . .	60
П. ГОРБЕНКО и И. САНЕВИЧ.— Вузус Каменет- чины	64
ПРИЛОЖЕНИЕ.— Резолюция пленума ЦБПС.	

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

Москва 11, Солянка, 12,

Дворец Труда, ном. № 214

тел. 3-55-54.

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Работы исторического семинария Института Красной профессуры. Под общей ред. М. И. Покровского (ИСПАРТ ЦК ВКП (б)). Том I. Стр. XI—318, Ц. в/п, 4 руб. Том II. Стр. VII—452, Ц. в/п, 3 руб. 50 коп.

ЦЕНТРАРХИВ

1917 год в материалах и документах. Под редакцией М. И. Покровского и Я. А. Яковлева.

Разложение армии в 1917 году. Подготовлено и печатает И. Е. Кауриным. С пред. Я. А. Яковлева. Стр. 192—марта. Ц. 1 р. 50 к.

Рабочее движение в 1917 году. Подготовлено и печатает В. Л. Меллер и А. Панкратова. С пред. Я. А. Яковлева. Стр. 371. Ц. 4 р.

Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов. Протоколы заседаний Исполнительного Комитета и Бюро ИК. С предисловием Я. Яковлева. Стр. 375. Ц. 2 р. 75 к.

Первый Всероссийский съезд рабочих и солдатских депутатов. Протоколы заседаний. (Печ.)

Второй Всероссийский съезд рабочих и солдатских депутатов. Протоколы заседаний. Стр. XI—180. Ц. 2 р.

Всероссийское совещание советов рабочих и солдатских депутатов. Март—апрель 1917 г. Протоколы заседаний. Стр. 356. Ц. 4 р. 50 к.

КАК СРАЖАЛАСЬ РЕВОЛЮЦИЯ

АНТОНОВ-ОВСЕНКО, В. Записки о гражданской войне. Том I. С 4 фотографиями и 4 схемами. Стр. 297+4 отд. листа. Ц. 2 р. 25 к. Том II. С 6 схемами и 17 фотогр. Стр. 300. Ц. 1 р. 90 к.

ОКТЯБРЬ И СОСЕТСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

ЛАЗОВСКИЙ, И. и БИБИН, И. Советская политика за 10 лет по национальному вопросу в РСФСР. Систематический сборник действующих актов правительства Союза ССР и РСФСР по делам национальной РСФСР (октябрь 1917—ноябрь 1927 г.). С предисловием секретаря ВЦИМ А. С. Исеева. Под общей ред. Г. К. Клангера. Стр. XXXVI+499. Ц. 6 р.

ОКТЯБРЬ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

МИРКИН, З. И. СССР, царские долги и наши контрпредложения. Стр. 124. Ц. 70 к.

ТАНИН, И. 10 лет внешней политики СССР (1917—1927 гг.). Стр. VII+260+1 карта. Ц. 1 р. 80 к.

ОКТЯБРЬ И ХОЗЯЙСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

ЛЕНИН, В. И. Об индустриализации СССР. Составил и снабдил вступит. статьей и примеч. Л. Палерный. Стр. 205. Ц. 80 к.

БУТКОВСКИЙ, Вл. Иностраные концессии в народном хозяйстве СССР. Предлс. В. Н. Исандрова. Стр. 121. Ц. 1 р.

ВЕЛЬМАН, В. И. Одиннадцатый год диктатуры пролетариата по контрольному цифрам Госплана СССР на 1927/28 год. Стр. 20. Ц. 1 р.

К вопросу о социалистическом переустройстве сельского хозяйства. Материалы исследования ИИ РНИ СССР. Под ред. Я. А. Яковлева. Стр. VI+450. Ц. 2 р.

ОКТЯБРЬ И КУЛЬТУРНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

ЛУНАЧАРСКИЙ, А. В. Десятилетие революции и культуры. Стр. 24. Ц. 6 к.

На пороге второго десятилетия. Приветия социального воспитания. Под ред. М. С. Эпштейна и С. И. Фришмана. Стр. 218. Ц. 1 р. 50 к.

Красное студенчество

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

О Р Г А Н
Ц Б и М Б
ПРОЛЕТАРСКОГО
СТУДЕНЧЕСТВА

1928 — 1929
УЧЕБНЫЙ ГОД

6 ГОД ИЗДАНИЯ

ЛЕНИНСКОМУ КОМСОМОЛУ.

В день славной десятилетней годовщины существования Комсомола Центрального бюро пролетстуда от лица 370-тысячной массы пролетарского студенчества шлет пламенный привет авангарду рабоче-крестьянской молодежи, стальной когорте молодых ленинцев—ВЛКСМ.

В деле пролетаризации высшей школы комсомольская организация проделала большую работу, сementировав советские вузы, рабфаки и техникумы испытанными пролетариями и батраками-комсомольцами.

Комсомол крепко, побольшевистски, взялся за дело подготовки кадров для нашей промышленности. Также упорно и настойчиво в своей дальнейшей работе Комсомол должен проводить в жизнь решения партии о еще большем участии комсомольцев в деле подготовки кадров пролетарских специалистов для успешного продвижения вперед нашего социалистического хозяйства.

Своей работой, своей преданностью интересам пролетариата Комсомол доказал, что он с честью носит имя вождя, гения пролетарской мысли и действия—Ленина.

Начав с разрозненных кружков молодежи 1918 года, Комсомол вырос в миллионную организацию молодых рабочих и крестьян—это можно было сделать только под руководством своего вождя—ВКП(б), проводя четкую, классовую, пролетарскую линию, правильно поленив традиции разрешая возникающие задачи, воспитывая комсомольцев на славных традициях большевистской партии.

Пролетарское студенчество Советского союза вместе с Коммунистической партией и рабочим классом гордится своим Краснознаменным Комсомолом—детищем Октябрьской революции.

Первое десятилетие пройдено. Но на пути Пролетариата новые трудности. Товарищи комсомольцы! Так же как и раньше под руководством Коммунистической партии, продолжайте бесстрашно вашу работу. Сплачивайте под победные знамена Ленина новые и новые слои рабоче-крестьянской молодежи. Готовьте из них к будущим боям подлинных ленинцев, смелых в любую минуту штурмовать капиталистический мир. Будьте всегда с большевистской партией. Все силы на дело индустриализации страны! Беспопоясная борьба с неверием в дело социалистического строительства! За культурный подъем комсомольцев! За четкую классовую ленинскую линию! За подготовку новых кадров для социалистического хозяйства!

ВЫШЕ ЗНАМЯ ЛЕНИНА, ОНО НЕСЕТ НАМ ПОБЕДУ!
ДА ЗДРАВСТВУЕТ ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ!
ДА ЗДРАВСТВУЕТ НАШ ВОЖДЬ—ВКП(б)!
ДА ЗДРАВСТВУЕТ КРАСНОЗНАМЕННЫЙ КОМСОМОЛ!

Председатель Центрального бюро пролетстуда Ф. Эйдеман.

7
Н О Я Б Р Я

3-4

1928

P.10542

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

И ВТУЗЫ

К вопросу о проведении в жизнь решений правительства о реформе втузов.

Сейчас будто и не найдется никого, кто бы стал оспаривать положение, что дело подготовки нужных для индустриализации промышленности технических кадров обстоит веблагополучно. Пленуму ЦК партии и решениям правительства по вопросу о реформе высшей технической школы, как известно, предшествовала широкая дискуссия по этим вопросам. Специальная правительственная комиссия тщательно изучила все материалы, касающиеся подготовки наших технических кадров, и в результате пленум ЦК и правительство основательно вскрыли весь вопрос, проанализировали состояние этого дела и наметили пути, по которым должна идти реформа технической школы.

Анализ показал, что реализация плана индустриализации далеко не обеспечена необходимыми кадрами. Ряд ответственных участков индустриализации оголен, важнейшие рычаги технического перевооружения народного хозяйства и — в первую очередь, — промышленности находятся нередко в руках недостаточно подготовленных лиц из инженерно-технического состава и даже не имеющих специального технического образования. Налицо малый приток новых кадров молодых специалистов, их недостаток научно-технической подготовки, крайний недостаток инженеров-производственников нового типа, инженеров, могущих обеспечить проведение социалистической рационализации, применительно к особенностям экономики СССР.

Правительство констатировало «резкое несоответствие между потребностью в квалифицированных специалистах для технически перестраивающейся промышленности и для разветвляющегося капитального строительства — с одной стороны, и состоянием дела подготовки новых кадров специалистов через существующие втузы и техникумы — с другой».

Существующая «система подготовки отражает пережитки старой, несвязанной с производством, высшей технической школы — наличие известного консерватизма в существующей постановке дела и — отсутствие должного внимания к развитию новых способов подготовки специалистов».

В результате анализа состояния дела подготовки, правительство принуждено было поставить вопрос о

том, что требуется «решительный перелом в темпе и методах всей подготовки новых кадров специалистов» и, в соответствии с этим, — установление органической связи втузов и техникумов с производством, с обеспечением значительного усиления их материальной базы.

Подготовка новых специалистов претворяется в важнейшую задачу всей партии.

По каким основным линиям должна идти реформа высшей технической школы?

Система подготовки специалистов должна быть органически увязана и приспособлена к требованиям и темпу развития промышленности, для чего отрыв высшей технической школы от производства должен быть ликвидирован путем установления органической связи всех втузов и их составных частей с соответствующими производственными единицами, и должно быть введено производственное обучение, как обязательный равноценный элемент во всей системе единого теоретически-производственного обучения. Во-вторых, должны быть пересмотрены учебные планы программы и объем учебного материала, — в целях обеспечения усвоения новейших достижений науки и техники и реальных потребностей производства. Необходимо и целый ряд других мероприятий в этой области (обновление оборудования, удешевление учебников, упорядочение внутренней втузовской жизни, вообще, и, в частности, быта студенчества и т. д.).

Кроме того должна быть улучшена материальная база втузов и техникумов, в частности, — улучшено материальное положение студенчества. Усилено рабочее ядро в составе студенчества втузов.

Для создания организационных рычагов, способствующих значительному поднятию всего дела воспитания и образования кадров специалистов намечена и проведена передача ряда втузов в ведение ВСНХ. В настоящее время при ВСНХ для обеспечения решающего влияния промышленности во всем деле подготовки специалистов для промышленности организовано новое Главное управление передельными в ведение ВСНХ втузами и техникумами.

Это — громадная, ответственная и трудная задача, поставленная перед промышленностью, и немалосильно выполнить ее без организации вокруг Главтуза всех творческих сил, которые имеются как в промышленности, так и во втузах.

Мы должны будем твердо и неуклонно, по строго выработанному плану, проводить в жизнь намеченные

правительством мероприятия, борясь со всеми теми, кто будет пытаться тянуть партию назад на старые, уже оставленные позиции, т. е., будет, вместо проведения в жизнь намеченной положительной программы, заставлять вновь возвращаться к уже решенным вопросам.

Ясно, что должен быть произведен перелом во всех втузах.

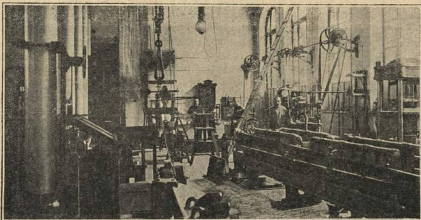
Можно ли констатировать его сейчас?—К сожалению, перелом, даже и имеющийся налицо, недостаточен,—мы не можем констатировать того, что среди профессоров и в студенческих массах уже пушены в ход все те творческие силы, которые скрыты в них.

Мы подошли вплотную к реальному осуществлению самых серьезных, основных мероприятий в этой области — к проведению в жизнь органической связи втузов с производством. Студент должен пройти непрерывную производственную практику в течение всего времени пребывания во втузах. Учитывая, что производственное обучение инженеров должно быть включено в общую систему теоретически-производственного обучения, должен быть твердо поставлен вопрос о том, что производственная практика не будет являться чем-то второстепенным при теоретическом обучении, а явится составной его частью, закрепляющей приобретенные теоретические знания и дающей возможность немедленного приложению их в живой практике.

Формы чередования теоретического и производственного образования, разумеется, должны быть различными, в зависимости от характера и месторасположения данного втуза, его факультета или отделения. Для лучшего и более рационального использования студентов на производстве, производственное обучение должно проводить в течение круглого года, причем во втузах, имеющих в районе своего расположения собственную производственную базу, одной из основных форм явится чередование дней недели. Во втузах (или в отдельных факультетах и отделениях), не имеющих производственной базы, ясно, придется применять чередование производственного обучения и производственной практики по месяцам, по сезонам в году.

Совершенно естественно, что в этой области всем втузам, как и Главтузу, приходится проводить большую ответственную работу по разработке детального плана проведения производственного обучения на каждом факультете и на каждом отделении. Студенческие организации при реализации основных положений, выработанных ВСНХ совместно с Наркомпросом и НКПС, в этой области должны будут принимать самое активное участие. Творческая энергия профессуры и студенчества должна быть мобилизована во всех втузах вокруг конкретного разрешения этой задачи. И — одно положение должно быть ясно: возвращаться к старым формам проведения производственной практики мы не имеем права, — эти пути отрезаны.

Здесь попутно необходимо указать на следующие неверные положения, которые иногда выдвигаются

Товароиспытательная станция
Харьковского Технологического Института.

Считают, что, усиливая роль производственного обучения, вводя это обучение в качестве составного элемента в общую систему обучения, мы тем самым якобы можем сократить общеобразовательную, общетехническую подготовку. Эти неосновательные опасения должны быть самым решительным образом отброшены. Наоборот, обще-техническая база инженеров должна быть еще больше усилена. Разумеется, так же должны быть отброшены и разговоры о том, что — так как, по сравнению с европейским и американским уровнем, наше производство является отсталым, то мы можем только „испортировать будущего инженера“, ориентируя его на отсталую технику и, — что, вообще, производственным обучением инженера должно заниматься уже после втуза.

Требуется ли доказывать, что с такой отжившей, в корне неверной идеологией нам не по пути? Нужно ставить вопрос только о том, как лучше и как удобнее в данном втузе, — на данном факультете, — на данном отделении, — провести через непрерывную производственную практику максимальное количество студентов — в течение круглого года, установив при этом наиболее гибкие формы чередования теоретического и производственного обучения.

Перейдем к следующему основному вопросу: к рационализации всей учебной жизни, пересмотру учебных планов и программ.

Сейчас, после головной дискуссии и решений правительства, уже излишне говорить о том, что нужен перелом в темпе и методах подготовки, нужен пересмотр учебных планов и программ для обеспечения усвоения молодыми специалистами новейших достижений науки и техники и реальных потребностей — производства в период индустриализации.

Вряд ли следует еще доказывать, что в этой области коллективная работа и профессоров, и студентов, и работников промышленности должна быть развернута на полном ходу с проявлением максимальной энергии и активности. Такого нужного нам перелома еще нет. Не исключены отдельные попытки (они уже налицо) вместо искания путей лучшей реализации этой директивы правительства, возвращаться

к старым, отвергнутым положениям. Не исключены (и весьма вероятно) попытки завуалировать совершенно четкую директиву правительства и партии о сокращении сроков обучения с одновременным усилением обще-технической базы будущего инженера. Вместо проведения в жизнь этой четкой, ясной, недвусмысленной директивы, есть попытки выдвигать и новую теорию, которую в основном можно свести к следующему: быстрый темп индустриализации, требующий больших знаний для руководства той или иной определенной областью работы, вступает, мол, в конфликт с ограниченными лимитами физиологических возможностей человека. Какой делается на этом основании вывод?

Вместо того, чтобы указанный выше конфликт решать путем реального искания путей для решительной внутренней рационализации: пересмотра методов, программ и всего учебного материала в целях его уплотнения, изыятия или сокращения всего того, что может быть без действительного ущерба для дела сокращено, — путем обхода такого „пустяка“, как необходимость этой внутренней рационализации, выдвигается путь механического увеличения сроков обучения, механического добавления к существующему материалу — материала добавочного.

Налицо — и другой признак неблагоприятности положения: есть товарищи, которые понимают директиву правительства в том смысле, что ВСНХ — Главтуз дает и с черпывающие учебные планы, программы и для втузов. Такая постановка весьма опасна и в корне неправильна. Надо учесть то обстоятельство, что втуз — достаточно мощный организм, объединяющий значительное число научных сил, которые в первую очередь сами должны искать источники реального пересмотра всех планов и всех программ. ВСНХ же, как центр, объединяющий вокруг себя промышленную периферию и втузовские силы, должен лишь обобщать результаты работ втузов в этой области и вносить в них требуемые коррективы.

Основное положение, которое должно быть учтено при пересмотре учебных планов и программ, — это то, что время студента ограничено, и в кратчайший срок он должен получить максимум знаний, получить серьезную общетехническую базу. Поэтому ни одного лишнего дня он не должен терять на усвоение того материала, который без ущерба для дела может быть сокращен, уплотнен, изъят. Кроме того дискуссия показала, что сплошь и рядом методы преподавания оставляют желать много лучшего. Если еще до революции, может быть, и можно было смотреть сквозь пальцы на некоторую нашу „расплавчатость“, то теперь быстрый темп наш требует решительного пересмотра и по этой линии.

Качество усвоения пересмотренных программ может получить значительное снижение, если уплотненный учебный курс будет преподнесен допотопными методами.

Излишне останавливаться на том, что рационализация внутривтузовской жизни самым решительным образом следует проводить с таким расчетом, чтобы ликвидировать те остатки азиатчины, которые у нас имели и имеют место в ряде втузов.

Материальное положение студенчества в этом году значительно улучшено. Правильно же организованная производственная практика в свою очередь даст также и улучшение материального положения, в частности

тех втузов, которые сумеют более гибко перейти на новые рельсы.

Прорабатывается вопрос о хозстипендиях, чтобы возможно большее количество студентов последних курсов, обеспечив их стипендиями, закрыть за определенными трестами и заводами, что, в частности, поможет рассовать те „пробки“, которые сейчас имеют место на последних курсах. Разумеется, что рассасыванию этих „пробок“ должна способствовать целая система и других мероприятий, — например, пересмотр тем дипломных проектов — в сторону значительного их приближения к реальным потребностям производства.

ВСНХ проведена большая работа по проработке бюджетов и штатов втузов в целях: 1) обеспечения финансовой базой тех мероприятий, предложенных правительством, которые не могут быть проведены в жизнь без этого обеспечения, и 2) пересмотра норм работ втузов в сторону установления нормы, обеспечивающих, хотя бы относительно, нормальную работу по разрешению тех ответственных задач, которые возложены на втузы.

Итак, правительством даны четкие директивы. Втузы должны развернуть колоссальную энергию всех своих творческих сил — и профессуры, и студенчества, и всех своих общественных организаций, чтобы найти наилучшие рычаги для проведения в жизнь этих директив. Поменьше жадать „исчерпывающих директив“ и циркуляров „из центра“, — и любознательные развернуть собственную инициативу, преодолевая и решительно отбрасывая все старое, отжившие традиции и беря твердый курс на то, чтобы в кратчайший срок произвести перелом в области подготовки технических кадров для индустриализации.

Студент МВТУ у токарной машины.

ПОДГОТОВКА СПЕЦИАЛИСТОВ СРЕДНЕЙ КВАЛИФИКАЦИИ

В настоящее время одним из наиболее острых вопросов, привлекающих к себе внимание всей советской общественности, — а, в том числе, и профессиональных организаций, — является вопрос о подготовке новых специалистов, новых кадров рабоче-крестьянской технической интеллигенции.

Этот вопрос в наши дни приобрел такое серьезное значение не только в связи с рядом обстоятельств, вскрытых так называемым шахтинским делом, но и независимо от них, в силу той органической связи, которая существует между этой проблемой и проблемой всего нашего социалистического строительства.

Уже на XV съезде партии этому вопросу было уделено подобающее его значению внимание, причем, что особенно характерно, вопрос о подготовке новых специалистов оказался поставленным в связи с вопросом о директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства.

Именно здесь, при установлении директив, относящихся к социалистической рационализации и роли массовых организаций, XV съезд высказал мысли, являющиеся основными вексами всего последующего развития этого вопроса.

XV съезд, говоря о рационализации индустрии, торгового и государственного аппарата и т. д. и т. п., установил, что „эта рационализация не может быть проведена без повышения роли науки и научной техники“. Указывая на необходимость широкого развития научно-исследовательских индустриальных институтов и фабрично-заводских лабораторий, на необходимость решительного приближения академической, научной работы к промышленности и сельскому хозяйству и о ряде других мероприятий аналогичного характера, XV съезд далее прямо говорил о необходимости „приложить все усилия к улучшению технического и агрономического образования и к наиболее быстрой подготовке кадров таких квалифицированных и научных сил, которые, стоя на уровне мировой науки и техники, были бы активными участниками социалистического строительства“.

Таким образом здесь, в этом постановлении, *expressis verbis* (всеми буквами) была высказана мысль о неразрывной и глубочайшей связи между делом социалистического строительства и делом подготовки новых кадров специалистов.

Но в деле социалистического строительства имеет такое значение не только проблема подготовки специалистов, но также — и притом в меньшей степени — и проблема темпа, сроков быстроты этой подготовки.

Тов. Сталин в своем докладе в Ленинграде на партякоме летом 1928 г. вопросу о темпе придавал достаточно серьезное значение, когда говорил: „Партия считает, что новую смену надо создать ускоренным темпом“.

Вот почему можно утверждать, что проблема подготовки специалистов уже далеко вышла за пределы

Студенты Полтавского с.-х. техникума на полевых работах.

вопросов народного просвещения, как такового, и приобрела значительно более глубокое значение, чем вопрос о типе специалистов или о системе построения профессионально-технической школы в узком и замкнутом понимании этого слова.

Нет, наша проблема стала проблемой грандиозного общегосударственного значения, органической частью всей проблемы социалистического переустройства нашего хозяйства и нашей культуры.

Вот почему решение этой проблемы должно было пойти (и пошло) законодательным путем, найдя свое внешнее оформление в таких законодательных актах, как, например, декрет 27 июля 1928 г. и... 12 августа того же года, где дается первое и, — если позволено будет так выразиться, — генеральное отображение руководящих партийных директив по интересующему нас вопросу.

Рассматривая вопрос о подготовке новых кадров специалистов вообще и специалистов средней квалификации в частности, мы должны исходить из основного понимания этой проблемы, целиком лежащей в плоскости всего социалистического строительства, в плоскости индустриализации страны и социалистической рационализации.

С этой точки зрения мы и должны рассмотреть и данную проблему и весь вопрос о системе народного образования, который является одним из элементов всей системы нашего государственного строительства.

В области народного просвещения мы, наконец, должны сделать большой и решительный шаг вперед. Недаром же мы говорим о культурной революции — именно, о революции, а не о реформе, и, тем более, не о „реформочке“.

Но революцию надо и делать пореволюционному: надо усвоить необходимую для этого решительность,

Студенты КУТВ за книгой.

В „анатомиче“ Воронежского университета.

„Новички“ узбекского педагогического техникума.

смелость, дерзание, не останавливаясь перед неизбежностью известных издержек, известного риска, связанного с применением новых приемов, новых методов, порывающих с рутинностью старого.

В деле народного образования и, в частности, в деле профессионально-технического образования, мы должны быстро рвануться вперед, в кратчайший срок добиться громадных успехов.

Эта задача выражает собой назревшие и уже сформулированные жизнью требования, которые нам уже предъявлены. Дело теперь за нами.

Что же означают эти требования, — в чем состоит поставленная перед нами задача? Если иметь в виду, что дело подготовки новых кадров является, — как это мы доказывали выше, — составной органической частью всего дела нашего государственного социалистического строительства, ответ напрашивается сам собой. Сущность его сводится к признанию необходимости устранения диспропорции, наблюдающейся у нас в настоящее время между потребностью и количеством специалистов, между отдельными типами и степенями квалификации этих специалистов, — потребностью и качеством подготовки специалистов.

Коротко говоря, вся задача может быть выражена краткой формулой: необходимое количество, необходимое качество, необходимый срок (=темп).

С этой тройного порядка задачей оказывается неразрывно связанным целый ряд больших и серьезных частных задач, имеющих однако первостепенное значение. Это — задачи типа или профиля специалиста, типа школы, характера и содержания учебных планов и программ, методов и способов их осуществления, приемов преподавания, связи и форм этой связи с производством, материального обеспечения учащихся и т. д. и т. п.

Все эти вопросы имеют чрезвычайно большое значение в деле профессионально-технического образования вообще и в деле так называемого среднего технического образования, о котором идет сейчас речь, в частности.

Как у нас сейчас обстоит дело в области средне-технического образования в отношении количества? Чрезвычайно неудовлетворительно. Отношение инженеров и техникумов у нас определяется, как один к одному (1:1), что никак нельзя признать благополучным и что вызвало директиву об изменении этого соотношения на два к трем (2:3).

У нас имеется довольно сильно развитая сеть техникумов, конечно, развитая относительно: 540 техникумов с количеством учащихся около 100 000 человек, причем в отношении сети мы имеем несомненный рост, движение по восходящей. Мы имели в 1926 г.

А. Вышинский
ПОДГОТОВКА СПЕЦИАЛИСТОВ СРЕДНЕЙ КВАЛИФИКАЦИИ

педагогических техникумов — 188, через год — 192, маленький рост, но все же рост на $2\frac{1}{2}\%$. Сельскохозяйственных техникумов в 1926 г. было — 115, в 1927 г. — 118, что составляет прирост на $1,7\%$. В медицинских техникумах роста никакого, в индустриальных — рост в обратном направлении: в 1925/26 г. было 77, стало 62, т. е. меньше на $2,5\%$. Правда, это сокращение произошло за счет рационализации сети, но в наших условиях социалистического строительства никак нельзя удовлетворяться тем, что в целях перестройки и рационализации сокращается количество технических школ, если это не сопровождается одновременным и значительным притом ростом количества учащихся и улучшением качества работы. Этого последнего в должной степени как раз мы пока и не находим.

Если обратиться к контингенту учащихся в 1927/28 г. по отношению к 1923 г., то получим рост контингента, но, преимущественно, в области педагогических и отчасти сельскохозяйственных техникумов. Сейчас нам очень нужны педагоги. Это верно. И мы имеем значительное количество педагогических техникумов: из общего числа 540 техникумов 132 педагогических. Но нам нужны не менее остро специалисты для различных областей промышленности. Всего же сразу дать мы не можем.

Отсюда совершенно естественно возникает мысль о необходимости некоторого пересмотра самой сети техникумов: нужно соблюсти какую-то пропорциональность между различными отраслями технического образования и притом такую, которая соответствовала бы и сегодняшним запросам промышленности и сельского хозяйства и перспективе их развития.

Следовательно, нам нужно более правильно планировать, нужно правильнее установить соотношения, которые необходимо соблюсти, исходя из реальных условий и реальных потребностей хозяйства и государства. Нам нужно заранее решить и указать конкретно, в какие сроки, какое количество и каких специалистов мы должны и можем подготовить. И, в первую очередь, надо готовить тех специалистов, потребность в которых является наиболее срочной.

Нужно, следовательно, установить правильное соотношение между потребностью промышленности и сельского хозяйства в специалистах и их количеством, и между отдельными категориями этих специалистов, инженеров и техников, между той или другой частной специальностью, в зависимости от срочного требования, которое нам предъявляет страна.

В отношении подготовки специалистов этого правильного соотношения мы еще не имеем, и если не сделаем решительного усилия в этом направлении, иметь не будем. В самом деле, обращаясь к наличному составу учащихся индустриально-тех-

БЕЛОРУССКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕХНИКУМ.

Класс скульптуры.

Класс рисунков.

Студенты ТХСА на тракторных испытаниях

Тяпы студентов узбекского пед. института

нических вузов и техникумов на 1 октября 1928 г., мы видим, что на 48 000 студентов мы имеем 17 000 учащихся в техникумах. Вот пример достаточно резкой диспропорции.

Устранение этой диспропорции есть одна из существенных наших задач. Не надо также забывать, что у нас 39% технических должностей замещены практиками, т. е., больше трети — практиков, не имеющих никакого технического образования. Мы, конечно, отлично понимаем, что в известных условиях может выручить практический опыт, сноровка, но на сноровке нельзя строить нашего промышленного социалистического развития, которое связано с радикальной перестройкой самых основ хозяйства.

Так стоит вопрос. Говоря вообще, т. е. не касаясь отдельных отраслей промышленности, можно считать, что количество техников является недостаточным для удовлетворения наших хозяйственных потребностей.

Если же коснуться вопроса о качестве специалистов-техников, то и здесь не все оказывается благополучным. Вполне понятно, что по сравнению с

предыдущими годами, за последние годы в деле подготовки специалистов заметны некоторые улучшения. Но улучшения эти слишком незначительны для того, чтобы можно было думать, что это есть именно то, что нам нужно.

Несмотря на то, что наш средний технический персонал легко находит применение на государственной, культурной и хозяйственной работе, и работа его в общем оказывается удовлетворительной, было бы неосторожно считать, что с качеством дела у нас обстоит благополучно. Несомненно, качество подготовки техников еще настолько слабо, настолько

недостаточно, что если мы не сделаем в этом деле решительных шагов вперед, то не разрешим тех задач, которые стоят перед нами и которые мы должны разрешить во что бы то ни стало.

Мы много говорим о качестве подготовляемых нами специалистов. Это качество стоит в весьма существенной степени в зависимости от тех затрат, какие мы делаем на подготовку этих специалистов. За последние 3 года эти расходы значительно увеличились. Стоимость обучения одного учащегося государственного техникума составляла в 1925/26 г. 176 р., в 1926/27 г. — 239 р., в 1927/28 г. — 279 р., что составляет 159%, роста к 1925 г.

В гораздо худшем положении оказывается материальное положение учащихся: мало степендий, нет общежитий, имеющиеся — недостаточны, плохи, нередко даже безобразно, чудовищно плохи. Размер стипендий все еще далек от желательного. Правда, с 8 р. в 1925 г. размер их в 1928 г. поднялся до 18—20 р., но и этого еще очень недостаточно.

А все это не может не отзываться на качестве учебной работы и ее результатах.

Вот почему, нисколько не преувеличивая значения материальных условий, мы все же должны заметить, что достижение определенных успехов в борьбе за качество подготовки специалистов может быть обеспечено только при наличии определенных материальных ресурсов.

Материальная необеспеченность и учащихся, и самих техникумов не может не оказывать, и действительно оказывает, определенное влияние и на темп прохождения учебных планов.

И это особенно нужно иметь в виду в отношении рабочей крестьянской части учащихся. Чрезвычайно важным вопросом средне-технического обра-

На занятиях в узбекском пед. техникуме.

зования является вопрос о профиле техника, о типе специалиста. Мы имеем до 80 видов специальностей, но мы не имеем еще достаточно ясного и бесспорного ответа на вопрос о том, специалиста какого именно типа готовит наш техникум, каким является этот так называемый профиль специалиста.

Профиль техника определяется как помощника инженера для мощных предприятий и самостоятельного ответственного технического руководителя для предприятий средней и малой мощности. Но эта общая формулировка не дает уверенности в том, что каждый техникум подготовит именно такого специалиста средней квалификации, который необходим промышленности и хозяйству.

Поэтому, для того чтобы наши технические школы придвинуть к промышленности и сельскому хозяйству и удовлетворить запросы народного хозяйства, необходимо детализировать этот вопрос. А это значит поставить вопрос о системе среднего технического образования, вопрос об учебном плане, о соотношении отдельных частей этого плана между собой; и общеобразовательной, и специальной и общеинженерской. Соотношение между количеством времени, отведенным специальным и общеобразовательным предметам в техникумах разной специальности может и не совпадать вполне. Но оно везде должно быть таково, чтобы обеспечить достижение основных учебно-производственных установок техникума в максимальной степени. Установить такое соотношение — задача трудная и большая.

Наша система среднетехнического образования имеет много недостатков. Эти недостатки нам хорошо известны. Так, например, в учебных планах и программах не учитываются слухом и рядом новейших достижений науки и требований жизни. Целый ряд техникумов отклоняется от тех программ и учебных планов, которые построены на некотором учете этих требований. Сами методы преподавания в средней технической школе являются чрезвычайно отсталыми и мало активными. Немалую роль в этом играет недостаток подготовленных для преподавания людей: у нас ведь имеется только 75% преподавателей, имеющих высшее образование. Практика стажеров поставлена очень скверно. Бывали случаи, когда студенты-строители на практике занимались „постройкой гробов“.

Можно привести массу таких анекдотических примеров, которые говорят о том, что производственная практика поставлена у нас ненормально, что вопросам производственной практики надо уделить особое внимание. Однако одного внимания мало; необходимо еще, чтобы под ногами была и прочная материальная база. У нас до сих пор эта материальная база в значительной степени отсутствовала. „Практика“ производственной практики должна быть, наконец, решительно изменена. Над этим мы сейчас работаем в контакте с хозяйственными органами, но нам придется запастись некоторым терпением, пока мы получим результаты в такой форме и в таком объеме, которые могут нас удовлетворить хотя бы до некоторой степени.

Сейчас в области среднего технического образования перед Главпрофобром стоит ряд задач. Для разрешения их ППФ должен учесть ту критику, которая подвергалась его деятельности, учесть все недостатки своей работы в прошлом, научиться познать

самого себя и в этом познании найти источник исправления тех ошибок, которые омрачают наше прошлое. Главпрофобру нужно сделать решительный шаг вперед, чтобы не ограничиваться словами о величайших задачах социалистического строительства, рационализации, индустриализации страны, но чтобы на деле доказать свою способность, свое умение принять участие в этом строительстве. Ближайшие мероприятия Главпрофобра отражены в его производственном плане на 1928/29 учебный год.

В ряду этих задач стоят такие, как, например, задача коренной реорганизации производственной практики. Здесь приобретает большое значение вопрос о том, должна ли непрерывная производственная практика осуществляться уже с первого курса или же со второго и третьего? Или вопрос о фабрично-заводских лабораториях, — не могут ли они быть той же школой? Между тем, сейчас они — сами по себе, а школа — сама по себе. Мы говорим о связи школы с производством. А если бы связать школу с лабораторией и производством? Затем ряд вопросов методического порядка, вопросы пересмотра учебных планов, преподавательский состав и т. д. и т. п.

Серьезный вопрос — о снабжении учащихся учебниками. В этом году мы впервые делаем попытку организовать снабжение учебниками студентов и учащихся техникумов. Мы подписываем генеральный договор с Госиздатом: для техникумов на 150 000 рублей и для высших школ на 450 000 рублей из сумм, которые даны на учебное оборудование.

Если нам удастся это осуществить, то это будет вполне реальным достижением.

Вопрос о правовом положении оканчивающих техникумы. Что представляют собой оканчивающие техникумы? Какими правами они пользуются? Весьма неопределенными, между тем эта правовая сторона приобретает громадное значение, ибо в этой области есть очень много недоговоренности.

Правильное использование оканчивающих техникумы является задачей немалой, — она также стоит в очередном поле нашего внимания. Вопрос о комплектации техникумов. Данные за последние годы свидетельствуют, что мы сейчас имеем в техникумах 45% рабочих и 19% крестьянства, — т. е., 64% рабоче-крестьянского кадра, что свидетельствует, что в этом отношении дело обстоит лучше, чем это можно было предполагать. Что касается партийного и комсомольского состава, то он в значительной степени хромает: партийцев имеется в техникумах 8%, комсомольцев — 36%. Тут, конечно, играет роль возраст: в техникумах не может быть большого количества взрослых и, следовательно, партийцев. Но вопрос об улучшении состава техникумов является одной из очередных наших задач в этой области.

Таково у нас состояние дела среднего технического образования, таковы наши недостатки в этом деле, таковы наши очередные задачи.

В заключение, хотелось бы указать на те методы работы, какие Главпрофобром имеет в виду применять в своей практике, начиная с этого года: Главпрофобром считает необходимым держать теснейшую связь с профессиональными и, в частности, со студенческими организациями, совместно прорабатывая наиболее важные, узловые вопросы профессионально-технического образования.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ СТУДЕНЧЕСТВА

XV съезд партии, наряду с повышением научно-технической квалификации молодых специалистов, поставил также перед нашей школой задачу воспитать молодые кадры специалистов так, чтобы они были активными участниками социалистического строительства. Эта директива партии во весь рост ставит вопрос об усилении значения работы общественно-политического воспитания массы студенчества.

Важность его обуславливается сейчас еще и тем обстоятельством, что мы в наших вузах и техникумах уже имеем значительное количество молодежи, не прошедшей через производство и не имеющей стажа гражданской войны, т. е. людей, не имеющих соответствующей революционной закалки. Значение вопроса социалистического воспитания нашей молодежи особо подчеркивалось еще в постановлениях XIV съезда партии:

„Развертывающиеся классовые противоречия и рост новой буржуазии в городе и деревне означают, таким образом, и развертывающуюся борьбу за молодежь, следовательно, сейчас нужно в особенности упорно подчеркивать необходимость преисполнения в области социалистического воспитания, притом в условиях, коренным образом отличающихся от условий дореволюционного периода и от условий военно-коммунизма и даже от условий первого периода впа“.

Несмотря на эти важнейшие директивы партии, состояние работы общественно-политического воспитания студенчества нельзя признать благополучным. Оно неблагополучно в этом вопросе говорит хотя бы то, что за последние два года мы наблюдаем оживление непролетарских групп студенчества.

Вот почему июльский пленум ЦК ВКП (б) в своих постановлениях отметил, что:

„В отношении общественно-политического воспитания новых кадров специалистов, во вузах, несмотря на большой размах деятельности студенческих организаций в них, дело также обстоит неблагоприятно“. (Курсив наш. Ф. Э.) Это положение целиком может быть отнесено на все вузы и техникумы.

В чем же причины этого неблагоприятия? Прежде всего этим вопросом очень мало занималась сама школа. Преподавание общественного цикла поставлено плохо и элементарно и не связано с будущей специальностью студента. Не интересовались вопросами воспитания студенчества также и профсоюзные организации, под руководством которых работают эти студенческие организации.

„Профорганизации не наблюдают за их работой, не знают жизни и быта студенчества, не интересуются ни академической успеваемостью студентов, ни их общественной работой“. (Директивное письмо № 9 ВЦСПС.)

Тут же отметим, что вопросам быта и настроений студенчества мало уделялось внимания также и со стороны советской общественности и особенно печати.

Занимались этим вопросом студенческие организации, но плохо и, конечно, не справились.

Если студенческими организациями и проводилась огромная работа по вопросу улучшения материального положения студенчества, по упорядочению учебной жизни школы и т. д., то все-таки в этом вопросе еще очень и очень мало сделано.

Прежде всего нашу студенческую общественность должно интересовать, как вскрыть и исправить свои недостатки. Главнейшими недостатками работы студенческих организаций в области общественно-политического воспитания является, во-первых, *оторванность* от студенческой массы, — все еще часто процветают методы командования, — и, во-вторых, *неувязка* всей общественной работы с учебной работой студента, неувязка ее с его будущей специальностью (работой).

Оторванность студенческих организаций подтверждается тем фактом, что наши организации не сумели завоевать себе у студенчества должного авторитета. Прежде всего нужно отметить отсутствие в студенческом активе необходимого чувства *ответственности* за выполняемую работу. В большинстве случаев наш активист привык смотреть на выполняемую работу сквозь пальцы. Очень часто он перегружен и физически не может добросовестно отнестись к возложенной работе, нередки случаи, что он имеет до десяти различных обязанностей. Объясняется это обычно отсутствием *работничка*, что в свою очередь можно объяснить лишь полным отсутствием *работы наших студорганizations* над созданием и воспитанием нового, широкого студенческого актива. Особенно плохо обстоит вопрос со втягиванием в профстудорганizations в общественную и руководящую работу беспартийного студенчества. Это можно наблюдать хотя бы на студенческих конференциях, на которых беспартийное студенчество представляется в малом количестве (не выше 25—30%). При выборах профстудорганizations с большим трудом приходится втягивать рядовое студенчество.

Это положение нельзя считать нормальным. Объясняется же оно недостаточной работой большинства вузовских комитет среди беспартийного студенчества. Приводит все это к тому, что образуется как бы перегородка между студенческим активом и студенческой массой, перегородка, которая отталкивает эту массу от общественной работы и ослабляет интерес студенчества к своей организации.

Это положение должно быть изжито, и одной из основных работ вузовских комитет должно стать создание и воспитание новых кадров актива, на которые можно будет переложить значительную часть работы чрезмерно перегруженных старых его кадров.

Директива ЦК ВКП (б) о широком *вовлечении беспартийного студенчества* (особенно его пролетарской части), во всю работу студенческих организаций должна быть выполнена. Воспитательная работа должна быть направлена в такое русло, чтобы ка-

ждый студент чувствовал себя ответственным за работу своей организации в целом. Мы должны поставить задачу, чтобы *каждый* студент был активистом. Не имея этого чувства ответственности за выполняемую работу, мы работы не дадим.

Запросы студенчества в работе студенческих организаций не получают должного отражения. Наша культурно-просветительная работа очень плоха и не удовлетворяет культурных потребностей студенчества. Обычно мы привыкли строить прекрасные обширные планы, но в конце планового периода графа выполнения этого плана бывает, обычно, весьма бледной. Насколько неудовлетворительна наша массовая культурно-просветительная работа, это показывает то обстоятельство, что студент ищет удовлетворения своих культурных потребностей на стороне, где они не всегда идеологически выдержаны.

Неудовлетворенность запросов студенчества в нашей практической работе приводит к тому, что студент начинает искать других форм проявления своей активности. Вот почему и неудивительно, что мы за последние два года имеем в нашей среде усиление тех или иных непрелестных настроений. Взять хотя бы вопрос об антисемитизме, который за последнее время усилился. Имеются даже отдельные случаи избиения и издевательства над студентами-евреями. (Харьковский геодезический институт, Ленинградский техникум точной механики и т. д.) Причем нужно отметить, что студорганизации проходят мимо этих фактов.

Нередки случаи, когда отдельные группы студенчества, не находя приложения своей активности в пределах студенческих организаций, ищут своих собственных форм общности путем образования различных обществ, лиг и т. д. Примеров этих много, и они общеизвестны. Но главное то, что студенческие организации не всегда реагировали на это в должной мере, не занимаясь изучением причин отдельных антипролетарских настроений.

Мало осуждать те или иные идеологические уклоны в нашей среде, надо заняться изучением причин, чтобы предупредить их в дальнейшем. Ведь, нельзя отрицать того факта, что условия, в которых приходится жить и работать студенту (оторванности от непосредственного участия в новом строительстве и т. д.) создают благоприятную почву для образования тех или иных непрелестных настроений.

Слабая постановка внутривузовской общественной работы вызывает безразличное отношение к ней студентов и, как следствие, — недостаточную авторитетность студенческих организаций. Мы считаем, что основным недостатком всей работы является *отсутствие* развернутой деловой *самкритики*. В методах работы наших организаций еще крепко сидят элементы командования, что пора изжить в корне.

Нельзя сейчас говорить о хорошей постановке работы и о поднятии студенческой общности, не втянув студенчество в это дело органически.

Поэтому нам как первоочередную задачу необходимо поставить развертывание самкритики. Правильно развернутая самкритика должна являться основным средством борьбы с оторванностью студенческих организаций от студенчества, только она поможет изжитию недостатков и грубых нарушений интересов студенчества, привлечет внимание к работе студорганизаций, поднимет студенческую общность, поможет выявлению и созданию нового актива, даст возможность выявить интересное студенчество направ-

ление массовой работы и формы организации культурного отдыха и, наконец, действительно, даст возможность втянуть студенческую массу в орбиту влияния студорганизаций, что, в свою очередь, облегчит задачу общественно-политического воспитания студенчества.

Говоря о самкритике, тут же надо условиться, что развертывание ее не должно быть понято как ударная кампания, а должно являться составной частью студенческой общности. Необходимо, чтобы студенческие организации широко ознакомили студенчество с целями и задачами самкритики.

Особая роль по улучшению всей нашей работы должна быть отведена студенческой печати. Хотя по линии ее и имеются некоторые улучшения, но все же роль ее как организующего центра студенческой общности все еще очень слаба. Необходимо, чтобы студенческие организации обратили на эту сторону большее внимание. Студпечать должна стать подлинным коллективным организатором студенчества и зеркалом его общности.

Второй основной большой вопрос работы профстудорганизации — *неувязка* всей общественной работы с работой учебной, неувязка общественно-политического воспитания студенчества со специальной учебной студента. Этот недостаток работы приводит к тому, что студенчество рассматривает общественную работу как повинность, мешающую учебе. На устранение этого недостатка должно быть обращено наше главное внимание.

Студенческий работник всегда должен помнить, что *основной* работой студента является учеба. Мы сейчас должны прямо поставить вопрос о том, что какая бы то ни было общественная работа в вузе, если она не увязана с учебной работой, не принесет *никакой* пользы. Надо увязать общественную работу с учебной не только в смысле времени, но с производственным уклоном данного вуза, факультета и техникума. Лишь только при такой постановке вопроса мы сможем втянуть в общность широкие слои студенчества, заинтересовать его общественной работой, построить ее таким образом, чтобы она не мешала учебным занятиям, а являлась бы *составной частью* подготовки специалистов для социалистического строительства.

Особое значение в общественно-политическом воспитании студенчества, в связи с быстрым омоложением состава студенчества, приобретает *общественная работа вне вуза*. Молодые кадры студенчества, в большинстве своем не имеющие революционной закалки, но революционного по своему духу, могут получить правильное социалистическое воспитание лишь при тесном общении с рабочими и тем производством, где прилетит ему работа.

Между тем, с постановкой общественной работы вне стен школы дело обстоит хуже всего как в количественном, так и в качественном отношении. В наиболее передовых организациях по этой работе часто используемых на общественной работе студентов достигает максимум 10%. Это более, чем нормально.

На основании последних директив, сейчас по линии учебной устанавливается тесная связь между учебным заведением и предприятиями. Необходимо создать точно такую же *связь* и по линии общественной работы, перенеся центр ее тяжести на предприятие. В этих целях студенческие организации должны внимательно пересмотреть всю свою внутривузовскую

работу, чтобы все ненужное выкинуть и тем самым освободить время студента для общественной работы вне вуза.

Осуществление связи студента с производством и рабочими должно стать одной из основных задач студенческих организаций. Решение этой задачи расширит возможности улучшения дела общественно-политического воспитания студенчества и рационального использования студентов на общественной работе. Нужно тут же отметить невнимательное отношение профсоюзных организаций при использовании студенчества на предприятии. Профсоюзы должны изменить свое отношение, ибо лишь только при активном участии профсоюзов мы сможем поставить эту работу, так же как и все дело общественно-политического воспитания студенчества. По этому вопросу имеются директивы высших профсоюзных организаций, надо раскатать места. И инициатива должна исходить от местных профгудорганizations.

Несколько слов о внутривузовской общественной работе. Выше мы уже отметили, что тут должна быть внимательно пересмотрена вся работа. Нельзя отрицать, что здесь накопилось много ненужного хлама, мешающего учебным занятиям. Здесь меньше всего можно давать готовые, конкретные рецепты, что делать и как делать. В различных вузах постановка внутривузовской работы может быть различна, в зависимости как от социального состава студентов, так и уклона данного учебного заведения.

Сейчас необходимо одно, — чтобы студенческие организации вплотную занялись этими вопросами, *втягивая* в их разрешение *все студенчество*.

Находим необходимым указать на одну сторону внутривузовской работы, которая не пользовалась достаточным вниманием студенческих организаций, это на *научно-технические кружки*.

Рост научно-технических кружков за последние два года показывает, что они интересуют студенчество (уместно упомянуть про интересный факт: в работах научно-технических кружков самое активное участие принимает рядовое студенчество). Тенерший же актив студенчества в работе этих кружков принимает самое незначительное участие. Это более, чем ненормально. Нужно в корне изменить свое отношение и всемерно способствовать максимальному развитию этих кружков, работа в которых должна быть приравнена к общественной нагрузке.

Этим кружкам необходимо придать общественный характер, связать их с задачами культурной революции и использовать их для внедрения марксистского мировоззрения. И, наконец, в индустриально-технических вузах связать работу научно-технических кружков с задачами социалистической рационализации.

Одельно, вкратце, необходимо остановиться на вопросах *быта* студенчества. Вопрос чрезвычайно тяжелый, так как он тесно связан с все еще недостаточной материальной обеспеченностью (скудность в общежитиях и недостаточность стипендий). Многочисленные факты указывают на массу нездоровых

явлений в бытовой жизни студенчества. Работа по оздоровлению студенческого быта все еще продолжает стоять во весь рост и требует максимального внимания наркомпросов, хозорганов и местных советских организаций.

Не забывая всех возможностей дальнейшего улучшения быта студенчества, в материальном отношении многое можно сделать даже и при существующем положении.

На борьбу с бытовыми извращениями (выпивка, половая распущенность, ругань, хулиганство, нетоварищеские отношения, грязь в общежитиях и т. д.), студенческими организациями недостаточно уделяется внимания. Есть случаи, когда постановка этих вопросов со стороны отдельных студентов и целых студенческих групп не встречает поддержки студенческих организаций. Это более, чем преступно.

Мало осуждать отдельные факты бытовых извращений, надо заняться вплотную вопросом внедрения культурных навыков в студенчестве. Ноль цена будет тому молодому специалисту в социалистическом строительстве, который будет невежей в культурном отношении. Студенчество в массе уже стремится оздоровить свой быт (организация коммун в Ленинграде, на Северном Кавказе и т. д.), нужна лишь ему энергичная поддержка его же организаций. Вопросы оздоровления быта, воспитание чувства товарищества, прививание коллективистических навыков, организация разумного отдыха и т. д., — должно стать основой всей внутривузовской воспитательной работы.

Как мы отметили вначале, одной из причин неблагополучия дела общественно-политического воспитания студенчества является то, что сама школа не занималась этим вопросом. Прежде всего должен быть в направлении постановлений июльского пленума ЦК ВКП (б) реорганизован общественный цикл. И студенческие организации должны принять в этом деле самое активное участие. Но этого мало, — органы школы должны принимать участие *во всей* общественно-бытовой жизни студенчества, оказывая в этом всемерное содействие студенческим организациям (устройство читален, красных уголков, физкультурных площадок, увеличение ассигнований на культпросветработу и т. д.). Это в значительной степени облегчит дело общественно-политического воспитания студенчества.

И, наконец, *участие профсоюзных организаций* в деле общественно-политического воспитания студенчества. Без постоянного участия профсоюзных организаций в этом большом деле одни студенческие организации не справятся. Профсоюзы должны в корне изменить свое отношение в направлении имеющихся в ВЦСПС директив.

Мало отмечать недостатки работы по докладом организаций Пролетстуда, — надо, чтобы профсоюзные организации помогли студенческим организациям исправить их и оказали свое влияние в урегулировании всей общественной жизни школы.

Дело трудное и новое для профсоюзных организаций, но надо за него взяться.

ВУЗОВЕЦ, БЕРЕГИ СИЛЫ И ЗДОРОВЬЕ!

Положение вузовской учащейся молодежи еще остается нелегким. Несмотря на некоторые улучшения материального положения (увеличение размера стипендий), на некоторое улучшение жилищных условий (рост общежитий и большее благоустройство их), все же условия жизни и занятий остаются еще довольно тяжелыми. Поэтому вузовцы должны напрячь все усилия к тому, чтобы в пределах возможного, т. е. всюду, где нет непреодолимых „объективных“ препятствий, сохранить свои силы и трудоспособность. Будет прямым преступлением со стороны каждого студента, если он сам собственными руками будет подрывать свои умственные и физические силы. Чем тяжелее „объективные“ условия, тем энергичнее надо работать над созданием более благоприятных для работы жизненных условий. Не хныкать надо по поводу „затруднений“ и „лишений“, а оглянуться внимательно кругом и спросить себя: „Все ли сделал я сам для создания нужной обстановки?“

Всем известно то простое правило, что человек утомляется и расстраивает свое здоровье не только от чрезмерной нагрузки (физической или умственной), но и от неправильной организации и труда. В жизни (особенно в области умственной работы) последний фактор играет даже значительную роль: переутомляются и делают неспособными неврастениками не столько от „нагрузки“ и „перегрузки“, сколько от неумения работать и нерациональной, порою бессмысленной организации труда.

Достаточно привести простой опыт. Можно долго и успешно заниматься без особого переутомления в помещении и в условиях, когда соблюдаются хотя бы элементарные гигиенические правила (чистый воздух, тишина и порядок в занятиях и т. д.). Наоборот, можно легко „обалдеть“ через два-три часа занятий в помещении, где в сизом табачном дыму „топор висит в воздухе“, где шум, гам и беспорядок.

Можно совершенно восстановить свою работоспособность после шести, семи, восьми часов ночного сна, если спать с соблюдением хотя бы элементарных гигиенических правил, т. е. в проветренном помещении, на чистой кровати, с открытым лицом. И, наоборот, можно десять-двенадцать часов проваляться в постели в душной, вонючей комнате, с головной заматанной ватным одеялом, дыша всю ночь неблагоприятными испарениями и выделениями собственного тела, — и не освежится, не восстановит своей работоспособности.

Так и бывает в жизни.

Переутомляются и нервно издерживаются не столько от объективных непреодолимых внешних условий, сколько от некультурности, неумения элементарно организовать свой труд, свою жизнь, свой отдых.

Основными моментами рационализации жизни и труда для вузовца являются:

Во-первых, рационализация университетских занятий. Надо распределить толково их часы,

чтобы не было ни сутолоки, ни гонки, ни беспорядочности, которые, к сожалению, встречаются нередко. В расписание занятий непременно должен входить хотя бы небольшой перерыв для завтрака и обеда. Не надо забывать, что своевременный прием пищи предохраняет организм от истощения и дольше сохраняет работоспособность. Без такого приема пищи организм работает „на резервах“, сама съедая себя.

Во-вторых, надо урегулировать домашние занятия. Нужно выбрать комнату для занятий, гигиенично ее содержать и особенно внимательно обращать на чистоту воздуха и помещения, а также — на освещение. Нужно, чтобы во время занятий была абсолютная тишина и никто не мешал.

В-третьих, надо позаботиться о физкультуре. Абсолютно необходимо, особенно для молодого организма, чтобы после долгих сидячих занятий „размяться“ в физкультурных упражнениях и спортивных играх.

В-четвертых, надо позаботиться о жилищных условиях: чем они объективно труднее, тем больше нужно подумать об устранении „субъективных“ беспорядков: грязи, мусора, грязного нательного и постельного белья, плевок на полу и т. п.

И наконец, в-пятых, нужно решительно позаботиться о гигиене быта. Борьба с наркотиками (алкоголем и никотином), борьба с половой распущенностью (самым опасным путем, ведущим к физическому и умственному истощению), борьба за правильный сон и разумный отдых — главные элементы оздоровления быта.

Такими путями вузовец, даже при нынешних тяжелых объективных условиях, сохранит свое здоровье и укрепит свою работоспособность. А работоспособность и здоровье будущих командиров социалистического строительства (самым опасным путем, ведущим к физическому и умственному истощению), борьба за правильный сон и разумный отдых — главные элементы оздоровления быта.

За работой в общежитии рабфакта им. Бухарина.

ОБОРОНА СССР и студенчество

С. НАМЕНЕВ

Наше пролетарское студенчество в деле обороны занимает совершенно определенное, регламентированное законами место.—Пролетарское студенчество является кадром командиров запаса. Свою командную подготовку студент получает в стенах вузов, проходя ее по особой программе, в порядке особо выделенных занятий, затем путем внесения в общий курс, по ряду кафедр, военных уклонов, кроме того от-

бывает студенческий лагерный сбор и, наконец, по окончании вуза поступает в ряды Красной армии, где он, после годичного пребывания, держит по определенной программе экзамен на командира запаса. Это, так сказать, официальная сторона вопроса.

Другая сторона — это участие студенчества в ряде общественных организаций, прямо или косвенно действующих обороне Союза. И, наконец, третья — это, когда студенчество, проходя курсы военных отделений в соответствующих технических институтах, или находясь на военных стипендиях, заранее определяет свою дальнейшую службу в рядах Красной армии.

Перечисленные стороны вопроса характеризуют те пути, по которым наше пролетарское студенчество приобщается к делу обороны Союза и тем самым защищает завоевания Октября. Условия, при которых не один вид работы, так другой, позволяет пролетарскому студенчеству принять самое активное участие в деле обороны, уже создают широкие возможности. Однако, успех дела требует еще чего-то иного, кроме хороших законов и многосторонних возможностей. И это особенно чувствуется именно в таком деле, как военное, участие в котором не связано с материальными и другими дающими какие-нибудь выгоды интересами, но в то же время требует и большой умственной работы, и большого физического напряжения. Естественно, каждый предпочтет работу или занятие, интересующее его и дающее какую-либо выгоду, работе или занятию, обязывающему, но материально ничего не дающему. Это последнее обстоятельство во многих случаях является решающим моментом в вопросе добровольного участия в деле обороны. Только высокая сознательность и безграничная преданность основному делу — делу революции — перемещает у нас оборону в первые ряды занятий, производимых в добровольном порядке.

Благополучно ли в этом отношении у нашего пролетарского студенчества? На этот вопрос ответить трудно. Трудно потому, что одинаково будет верным ответ и —, да*, и —, нет*.

Имеется налицо некоторая индифферентность в среде студенчества к вопросам обороны. Есть и непонимание значения в наших условиях дела обороны. Особенно ясно это проглядывает, когда анализируете занятия, которые носят общественный характер, — работу вузовских ячеек Осоавиахима

Ведь ячейки Осоавиахима целиком должны работать на оборону, почему их работа является лучшим показателем общественного интереса данного вуза к вопросам обороны. Очень и очень немногие вузы

могут похвастаться работой своих осовавиахимовских ячеек. Но даже лучшие в этом отношении вузы не смогут сказать, что проводимая ими работа действительно крепит оборону. Работа, производимая в них, подобна работе «на холостом ходу»: замкнута и потому бесперспективна. Тут сказывается и оторванность ячеек вузов от других рабочих ячеек, и от районных организаций, и от Красной армии. Даже ячейки таких вузов, как химические, изучающие авиационные и воздухоплавательные дисциплины, и многие другие, которые по роду изучаемых дисциплин легко могут быть использованы в интересах той же обороны, не только в военное время, но и в своих повседневных занятиях, по сути дела, слабо связаны с Красной армией, хотя бы общественными нитями. А между тем, это сделать было бы очень нетрудно. Минувшей зимой ко мне обратился один студент-химик за советом — стоит ли работать над одним из вопросов, причем вопрос, поднятый им, имеет исключительное — если не сказать больше — значение. Меня даже поразило, чем и кем был навеян столь актуальный военно-прикладной вопрос. Разумеется, я все это выказал обратившемуся ко мне товарищу-студенту. В ответ получил обещание, что он соберет ребят и они займется проработкой рдвившейся у него идеи.

Прошло уже много месяцев, и я так и не знаю, чем закончился ценный почин. Печально, конечно, если он не закончился ничем. Но факт остается фактом — почин был, значит, такие случаи возможны. Но пока что они, в прямом понимании слова, единичны.

Наше студенчество на военное дело смотрит несколько узко, ограничивая его изучением только предложенных программ и тем самым не доисследует свои силы и возможности. У него, например, во время часов, уделяемых военной подготовке, или во время тех же занятий в ячейках Осовавиахимы не возникает вопросов, как, в каких случаях, в каком виде будут или могут быть использованы в целях обороны накапливаемые им в вузе сведения. А, между тем, нет никакой науки, дисциплины, предмета, которые, той или иной своей частью, не нашли бы своего отражения в деле обороны. Особенно такие науки, как химия, физика, метеорология, механика, гидравлика, авиационные дисциплины, дисциплины по двигателям внутреннего сгорания, авто-мотостроение и многие другие, которые сейчас занимают центральное место в обороне.

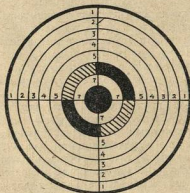
Почти в каждом вузе имеются солидно оборудованные лаборатории, научные кабинеты; при многих вузах имеются научные институты, которые по Союзу ежедневно проводят много опытов, часто заключающих в себе величайшие возможности в смысле использования их для военного дела, но мысль, наталкивающая на такого рода использование научных достижений, в этих высококвалифицированных учреждениях отсутствует. А, между тем, аудиторы, следящие за этими опытами, насчитывают десятки тысяч будущих командиров запаса.

Этот еще недостаточный интерес в наших вузах к вопросам обороны, которые при учете нашей международной обстановки являются актуальнейшими вопросами, должен быть повышен.

Для обороны Союза необходимы молодые квалифицированные силы, и наше красное студенчество должно представлять собою этот молодой, хорошо подготовленный кадр.

Занятие стрелового взвода ТСХА.

КАК ДОЛЖЕН БЫТЬ ОРГАНИЗОВАН СТУДЕНЧЕСКИЙ БЫТ

Июльский пленум нашей партии своим постановлением о создании ускоренным темпом новых кадров технической интеллигенции ставит перед молодежью задачу прийти на помощь партии и советской власти в выполнении этой важнейшей проблемы нашего строительства.

Шахтинское дело показало нам, что с техническими спецами, действительно советским, действительно преданными социалистическому строительству, обстоит из рук вон плохо, но принятые партией и соввластью меры могут обеспечить наше социалистическое строительство такими техническими силами только в том случае, если молодежь возьмется за дело с полным сознанием важности поставленной перед нею задачи.

Прежде всего этот кадр учащихся, лучше обеспеченный в технических вузах в смысле учебы и в материальном отношении, должен дать и примерную по своему качеству работу.

Сколько раз приходится слышать, что виною некоторой расхлябанности, недостаточной академической успеваемости, наконец, той бытовой распушенности, которая все еще встречается среди нашей учащейся молодежи, являются главным образом плохие материальные условия. У нового кадра учащихся в технических вузах материальные условия должны быть улучшены, а, следовательно, и основные причины неуспеваемости будут устранены. Так как вопрос о

стипендиях в этих технических вузах в достаточной степени урегулирован, то это должно сказаться и на социальном составе новых кадров, по крайней мере первого, вновь набранного курса. Новые технические силы будут расти главным образом из рабочего класса, во всяком случае они будут набираться из детей рабочих и крестьянской бедноты. Это обеспечивает и определенную классовую установку нового кадра технической интеллигенции, которая через несколько лет придет на смену спецам, не за совесть, а только за страх помогающих нашему строительству в данный момент, не говоря уже об определенных вредителях.

Все эти условия должны в значительной мере повлиять на быт вузовцев, учащихся в технических вузах. Мы имеем ввиду главным образом быт, складывающийся в общежитиях.

Не так давно в „Известиях ЦИК“ были помещены статьи, рисующие кошмарность положения с жилплощадью для студентов. Около 2 000 студентов до сих пор не имеют жилплощади. Они ютятся в самых фантастических помещениях, начиная с анатомки, где занимают места трупов на столах, и кончая комнатой при университетской библиотеке, временно отданной вузовцам под общежитие. Не только в этих, надо надеяться временных, общежитиях, но и вообще в условиях большинства существующих общежитий заниматься серьезно, конечно, нет никакой возможности.

Вот как описывает один, видимо, веселый студент свое общежитие: „сидят—кто на кровати, кто—на вещах, а один даже жалобно играет на скрипке, а я, бедный, на чужбине без окон и без дверей“. Прибавьте к этому холод и скудное освещение, получаемое от „лукаво подмигивающей накаленным волоском лампочки в 25 свечей“, и вы получите полную картину этой обстановки. Бывают в общежитиях и случаи пьянства с вызовом милиции для ликвидации дебоша. Тут, конечно, не до серьезных занятий...

Все же имеются уже примеры упорядочения быта в общежитиях путем организации коммун. Правильное распределение комнат, выделение отдельных учебных комнат, спален, столовой, комнаты отдыха ведет к урегулированию быта, общественная кухня удешев-

„За чаем“ (Вхутеин, Москва)

ляет и регулирует питание. Такие коммуны успели себя зарекомендовать как организации, помогающие разрешить трудности, связанные со студенческим бытом.

В этой области придется приложить свою руку самим вузовцам. Прежде всего нужно начинать с создания нормальных условий жизни. Устройство коммуны, развитие самостоятельности, жесточайшая критика безобразий, ни в коей мере не объясняющихся бедностью, а только халатностью и распущенностью, — все эти пути к урегулированию быта должны быть применены. Для того чтобы выполнить свою задачу, наша молодежь, учащаяся в технических вузах, должна прежде всего за время своей учебы не только педагогически, но и организационно не отрываться от своего класса и его задач. Здесь трудность заключается в том, чтобы не дать академической работе всецело поглотить все время учащегося в техническом вузе, хотя недопустима также и перегрузка всевозможными заданиями партийно-общественного характера, отвлекающая от выполнения академической работы. Только точнейший учет времени и рациональное его использование может помочь выйти из тех трудностей, которые встретятся на пути к достижению некоторой гармонии между выполнением академических и партийно-общественных задач.

До сих пор едва ли найден вполне приемлемый выход из трудности совмещения академизма с общественностью в вузах. Одно — почти как правило — достигается в ущерб другому. Общественники не сдают во-время зачетов, а если и сдают, то плохо. Академики только и делают, что сдают зачеты, только и интересуются зачетами и выполнением академических заданий. В технических вузах следовало бы еще раз пересмотреть этот вопрос и постараться более удачно его разрешить.

Общий подъем культурности учащихся технических вузов, несомненно, поможет его разрешению. Вопрос культурной революции в технических вузах, несомненно, должен встать во весь рост, если мы хотим в результате обучения специальным техническим наукам, подучить пригодных для социалистического строительства специалистов-инженеров. Суметь покоммунистически увязать полученные технические знания с общими задачами социалистического строительства, со всей идеологией рабочего класса необходимо для техники строителя социализма. Недостаточно быть узким спецом в узкой технической области, с маленьким кругозорчиком техника-специалиста, который дальше своей специальности ничего не видит и не смыслит.

Как бы узка ни была специальность техника, готовящегося к участию в социалистическом строительстве, она должна иметь прочный марксистский фундамент и войти частью в великое целое. Каждый живой винтик в строящейся сложной машине должен хорошо понимать свою роль.

Работа без всякого подъема, пообывательски, исключительно с целью заработка, не характерна даже для хороших буржуазных спецов, состоящих на службе у капитала. Тем более такая бескрылая работа не может быть приемлема при строящемся новом обществе.

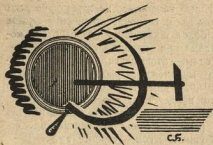
Технические силы, готовые взять в свои руки руководство миллионами рабочих, строящими здание социализма, должны быть достойны той живой силы, которой им придется руководить. Тут должно быть полное соответствие между вышедшими из недр рабочего класса руководителями технических процессов и самим рабочим классом — строителем.

Вышедши из недр рабочего класса, выделанные из того же металла, они должны отличаться от его рядовых представителей только полученной втечение учебы высокой квалификацией. Старший товарищ-инженер — это работник при социализме, готовый в любой момент по призыву своего класса взять на себя выполнение той или другой сильной задачи социалистического строительства, но ни в каком случае не благополучный обыватель, который рассматривает государство как некую дойную корову или как общественный пирог. А разве нет у нас примеров, что мы выращиваем в своих вузах таких именно обывателей? Недалеко ходить за примером. Жорж Лычковский у всех в памяти. Еще будучи в МИИТе, он подавал большие надежды, присоветавшись в качестве практиканта к семье ткачих, дочь которой эксплуатировал, считая себя сверхчеловеком, которому все позволено. Исключенный из партии, он как „незаменимый“ был все же послан в качестве технического работника и, обманув организацию, уже исключенный из партии, получил на месте новой работы новый партбилет. Жоржик Лычковский — преступник, но „жоржиков“, гуляющих по лицу земли советской в качестве „незаменимых“, сколько угодно. Объявить беспощадную борьбу этому злу и его носителям можно с успехом, только уже имея резерв высококвалифицированной своей пролетарской технической силе, имея новые кадры специалистов, которых у нас еще мало.

Студенческий „стол“

РАБФАКОВКА

Из поэмы „Птицы“

АМИР САРГИДЖАН

Изба темна и высока,
А дед и мал, и тих, и светел.
Как ветку серебристых ветел,
Колышет сурак старика.
То возле волн он лодку ладит,
А то, задумавшись, поет
О птицах был, и в старом ладе
Он чует легких птиц полет...
Но дочь милее старику,
Милее птиц, озер и песен,
К ней мысли целый день текут...
Бывает, мысли будто плесень
Насядут в сердце, — мгла и мрак,
Тоски не одолеть никак.
Все будто скользко и постыло.
„Жизнь клонится, а то, что было,
То будто не было, — оно
С мечтами спуталось давно...“
Но дочь внесет крутой изгиб
Походки ласковой и гибкой,
И парой серебристых рыб
Плеснется вдруг ее улыбка.
И снова старый просветлен,
Как с неводом, вновь с жизнью дружит:
Его починишь, смотришь — он
Опять пригоден, снова служит...
Но вдоль земли текут дороги,
Текут дороги и пути.
Мы, если крепки наши ноги,
Всю жизнь не устаем идти.
Так можно ль девушке веселой,
Которой впору песни петь,
На каменной земле, на голой
Недвижным сиднем просидеть?
И вместо репы, вместо мака
Сбирать иные семена —
В лаборатории рабфака
Командирована она.
Не первая, и не вторая,
А третья канула весна,

Труба рожком, зарей сгорая
Над тленем старческого сна.
Три года канули в разбеге,
Но кратки годы для того,
Кому открылись Маркс и Гегель
И много разного всего.
У старика — изба и рыба,
Землячка сказывала — жив.
Ну и живи — судьба не дыба,
А городской мир суетлив...
Здесь, в шуме душногo рабфака
Такие встретились слова,
Что будто рухнул купол мрака,
И закружилась голова.
Она прошла — скорей, скорее! —
Не два-три года, а века, —
От допетровской душегреи
До комсомольского платка.
Матросу выдержка нужна,
На твердом берегу — жена
В платке из красного сатина.
И чем матросу не жена
Рабфакoвкa, ее ль не сини
Глаза, как водные пустыни,
А сердце — трюм, где тишина
Густа над бочками вина.
Муж прибывает, отбывает,
Он рад жене, но равно рад,
Когда качает круговая —
Дым Гамбурга, Марсель, Царьград.
Как хлеб с серебряною солью,
С ученьем смешана тоска, —
Глядит с брошюр по многополюю
Широкopлечье моряка...
И можно ль девушке веселой,
Которой впору песни петь,
Когда-нибудь на мизе голой
Опять плести и ставить сеть?
У дочерей своя тревога,
Свои моря и невода, —
Назад их волная дорога
Не повернется никогда.
Но в час, когда устанут взоры
От книг, реторт и моряков,
Пусть в памяти всплывут озера
И тихий вечер стариков.

Б. КОВЫНЕВ

Голубеет туман рассвета,
 Даже месси,
 И тот погас.
 Над прочитанной вновь газетой
 Я сижу, не смыкая глаз.
 А на улице
 Гром и топот.
 На курантах пробило пять.
 Годы знойные Перекопа
 Вспоминаются мне опять.
 Не хватает угля и ситца,
 Но рабочим не до станков:
 Степь советская колосится
 Урожаем стальных штыков!
 Соль и хлеб
 По стальным дорогам
 Не проносятся, с громом гроз,—
 Меж Ростовом и Таганрогом
 Надрывается паровоз.
 Надрывается...
 Дышет глухо...
 И хрипит, как голодный конь;
 Пожирая последний уголь,
 В топке вздрагивает огонь.
 Далеко от его стоянки,
 Там, где высохшая река,
 Хлебоборбы на полустанке
 Не дожидутся его гудка.
 Закукует в лесу кукушка,—
 Люди думают:
 — Вот он!.. вот...
 Эта — рыжая деревушка
 Провианта и ситца ждет.
 Издыхают под знойным небом
 Солнцем выжженые поля...
 Людям чудится горы хлеба,
 Паровозу — горы угля...

А в Донбассе
 Шахтер упорный
 Рубит землю, за взмахом взмах,
 И не знает,
 Что уголь черный
 Скрыт в неведомых закромах;
 Что злодей,
 За спиною кроется,
 Заливает проходы шахт,
 Для того, чтоб советский поезд
 Не гремел у него в ушах...
 — Сквозь газету
 Я вижу снова
 (Хоть давно пронеслась гроза),
 Как горят
 На лице былого
 Фосфорические глаза.
 Злобы лютый и многолетней
 Не погасит суровый суд!..
 Близок!
 Близок удар последний,
 Тот, который года несут!
 Зацветают горячим маком
 Наши фабрики
 И луга.
 Каждый новый диплом рабфака —
 Смертный приговор для врага,
 И, окончив свой труд огромный,
 И — осилив рабфак
 И вуз,
 Повесем мы в поля
 И в домы
 Драгоценный и нужный груз:
 Светлый разум
 И бодрость в теле,
 И сердце молодую дрожь,—
 Для того,
 Чтобы шахты пели
 И сильнее колосилась рожь!..

МОЛОДОЕ РАСТЕТ...

Скрутолобой Чиха-горы — бескрайний во все стороны вид. Сзади осталась большая Каменка, опоясанная зеленой лентой леса, и две горы, Мордовская и Русская, насунулись на нее. Справа — разноцветный веер полей и вдалеке на горизонте в синей дымке — горы Жигули. Прямо посмотришь: Сокрека приотливо извивается по широченной равнине, и лениво ползут за нею выхрастые леса, гнбая причесные поселки и коллективы.

А налево в углу в гигантском букете разлившихся по Соку лесов вкраплен монастырь, весь ослепительно красный.

— Эх, какой революционный с виду! — в буйном восторге восклицает мой случайный спутник, бойкий развездной корреспондент и фото-репортер самарской газеты.

На самой вершине Чихана он становится в позу и поет верблюдьям басом:

„О, дайте, дайте мне палитру...“

Он с тросточкой, на ногах краги, за спиной у него фотоаппарат. Легко мы — вперегонки — сбегает с Чихана вниз, и не верится, что до монастыря шесть верст. Вот он — руку только протянуть!

У подножья скрылись дали, и в прозрачном воздухе повисли кресты монастырских церквей. Где-то за горой угрозоно занывает-тарактит артельный трактор, пугая полевое великодушное безлюдье, пророча безлюдью беду. А под высокими непробойными стенами монастыря охватывает детское волнение.

Помню: под этими стенами билось людское полове, со всей округи текли потоки богомольцев к чудотворной иконе божьей матери, „всех скорбящих утешение“... Вижу себя в новых лапотках, крепко впившимся в материн подол... Слышу, величественный звон монастырский сотнями отгулов катится по лесам, по горам, гудит плывет по воде. Слышу...

Но слышать нечего: молчат каменные громады обонх соборов, и сирые, будто разобившие кем-то, в голубую глубину неба воткнулись колокольни. Нет колоколов. Как разваленные пасти чудовищ, зияют черные провалы колоколен.

Сквозь узкие ворота проникаем внутрь. Беспризорный вид у монастырских поместий: неловко им стоять ничемными в 1928 году. Только деревья шумят, и взметнулась резво между крестами стройная радиомачта с красным флагом, трепетно бегущим по ветру.

— Куда мы попали! — озирается мой спутник, оставившая у пышной могилы с железной оградой. Долго стонет, как ударенный, потом встряхивает вихрастой головой и нарочито громко читает, ободряя себя:

„За отца нашего и благодетеля скромные служительницы господа вечно будут возносить молитвы к престолу всевышнего“...

— Эх, какой-то монастырский производитель упокоился!

Ходим по широкому двору: пусто, безлюдно, буйный бурьян, столетние липы и под ними — часовни, могилы, мраморные плиты и кресты в оградках, корпуса и церкви. Наваждение. Даже мой наплевательски настроенный спутник присмирел.

Кажется:

Вот из церкви или из голубого корпуса напротив выйдет сейчас какая-нибудь мать Платонида в высоком черном клобуке, сухо постукивая посохом, или шустрая послушница пробежит, повязанная по самые брови, и бросит на нас недоуменно-радостный и укрядчиво-жадный взгляд. Никого...

— Налудил: ехали в Самару, а выехали к Яру! — сплюнул наконец мой спутник. — Никакешими учреждениями здесь и не пахнет — ни мордовскими, ни русскими. К тому же жрать дьявольски хочется с полевых воздушух! Зайдем в какую-нибудь келью под елью, а?

Пристально всматриваюсь в голубой корпус напротив, и дымные нити воспоминаний свиваются, и никак не ухватиться за конец. Ах!.. странноприимный корпус.

Да, сюда водила меня мать прикладываться. К чудотворной самой долезть было нелегко: там вечно билась толпа калек и кликуш, и мрачными шерен-

гами стояли там монашки. Мать кулаком подталкивала меня, дрожащего и плачущего, — вплотную к коленкам склониться до-полу и руку у боженки поцеловать. Рука холодная, и долго после целования губы мои были скованы, будто приложился я к мертвецу.

А мать выталкивала из церкви, и шли мы в этот голубой корпус, где в огромной зале трапезной вповалку ели и спали простые богомольцы. Перед сном развязывала мать узелок с высохшим за дорогу, обветренным хлебом, красное яичко облупливала мне. Я притворялся спящим, боясь, как бы не заставила „закусывать“: тошнито от целования христовой руки. Что здесь теперь?

Идем гулким коридором. Темь. Сводчатые потолки — низкие. Далеко в глубине высосываются окна. Нащупываем дверь, — гам, хохот веселый, смешанный русско-мордовский говор обнимает, обвеивает нас, как жаркий летний ветерок.

— Го, на обед, кажись, нормались. Пошамать с дождю не вредно, а! — повеселел мой спутник.

Молодежь — несколько десятков человек — с мисками, с ложками шумно крутятся вокруг длинных столов, кишит в углу. Там в нише — глубокое окно на кухню, оттуда беспрерывно плывут дымящиеся миски. Толкаются у окна, переругиваются ребята, плотным кольцом окружают нас, тащат за стол. Отказываемся для виду потом покорно встаем у окошка ждать черед. Наливают нам шей из солонины — по всей большой столовой смачный такой слышится чвак.

Щи — весь обед.

После обеда повеселевшие и общительные сгруживаются вокруг нас мордовские ребята и девушки — студентки педтехникума. Высокие все и плечистые, — чуть раскоше глаза, широкие скулы, покатые лбы.

Из общей группы выделяется один здоровый энергичный парень с типично мордовским лицом. Он фразы строит не спеша и покнижнимо точно, русские слова произносит подчеркнуто правильно, как они пишутся. Смотрю на его сосредоточенное лицо и чувствую, что в его большой стриженной голове трудный процесс: каждую фразу в уме переводит на русский.

— У нас общий котел и система дежурных; есть дежурные по кухне, по коридорам, по умывальнику и прочее.

В это время как раз в столовую размахистой мужской походкой вошла рыжекудрая девушка с гитарой, в сапогах, в мальчишеской кепке, сдвинутой на затылок.

— Настя, ты косо улыньт? • — уже совсем строго встретил он.

Девушка засмеялась и лихо притопнула несколько раз сапогом, будто вызывая на танец.

„Ни стой, милая, под окошкым,
Ни стучи подборьми,
Ни нуждаюсь я тобой,
Твоими разговорими“.

Часто-часто пела, приплясывая.

— Брось дурачиться, товарищ, — не забывая, что ты есть дежурный!

Девушка засмеялась, не переставая притоптывать ногой.

• Настя, ты где была?

— Эх, аля, — извинись! Без меня яли не бабелити? Тынь ауль вишкнети! ••

Общий хохот, мордовско-русские меткие словечки сыплются как из мешка. А товарищ Драгунов не улыбается. Прозвав дежурную Настю укормизненным взглядом, он снова обращается к нам:

— Здесь вы видите только практикантов по сельскому хозяйству: 25 человек с первого и второго курса, а всего в мордпедтехникуме 130 человек.

— И все мордва? — удивился мой спутник.

Ободренная общим вниманием Настя дурашливо громко шмыгнула носом и лихо затрещкала на гитаре. И стало ясно: до чего же она курносая! Но это так идет к ней! Да, у нее очень симпатичный и немножко смешной вид: она вся нетронутый осколок военного коммунизма...

— Ашк тои! — снова крикнул на нее товарищ Драгунов. — Здесь почти все мордва. Культурный утолк мордвин!..

— В чем же конкретно выражается ваша практика? — спрашивает его мой спутник.

— В чем?

Товарищ Драгунов неожиданно рассмеялся и, обращаясь к своим, сказал:

— Кода лемдямс? •••

Все дружно захохотали. Мы недоуменно смотрим, не понимая.

Товарищ Драгунов мигом потушил улыбку и снова стал не двадцати, а тридцатилетним:

— Мы зато смеемся, что у нас в стеногазете такая статья есть, как я сказал. И как раз о нашей практике. Вот наша стеногазета, если интересуетесь.

На стене раскрылись большой разрисованный лист: „Од вий“.

— Это значит „новая сила“ порусскому, — объясняет товарищ Драгунов.

Мой спутник своим верблюдьим басом читает, коверкая мордовские слова, молодежь хохочет и наперебой переводит. Другая группа нетерпеливо перекликается:

— Что читать — дело ясное!

— Батрачим мы здесь, а не практику получаем!

— Сами не знай, кто мы здесь: студенты педтехникума или батраки учхоза!

— Используют нас как одну физическую силу! А товарищ Драгунов методически вводит нас в курс дела:

- Вы не маленьки!
- Как назвать?

— Недостаток сельхозмашин и ничего нам не показывают. Работаем, что и дома работали. Все это каждый мужик лучше сам знает, — а косилку как собрать, как жнейку наладить — не знаем, и в глаза этих машин не видели... Вопросы ставятся исключительно хозяйственные. А канicularное время кончается, — пора бы и о программах подумать.

По лицам, по словам чувствуем, что на самый большой вопрос для учащихся натолкнулись.

— Чего же смотрят ваши преподаватели?

— Преподаватели сами с ума сходят с этим надлствием: мы недавно здесь, полгода нет, как выворили отсюда монашек.

— Ну, а учоба?

— Да совсем плохого ждем. Есть преподаватели старой закалки, — с ними — конфликты. На зачетах ставят „неуд“ тому, кто хорошо знает, и „уд“ тому, кто умеет постарому подхалимничать.

Гурьбой провозжат нас по узким коридорам общежития, где раньше были монашеские кельи, — в открытые двери и сейчас видны еще большие божнички.

II

— В 1919 было году в Самаре Всероссийское совещание мордвы по инициативе Наркомпроса и мордсекции ВКП(б). На это совещание пришла делегация от крестьян села Малые Толкаи, Бугурусланского уезда, с просьбой открыть в их селе мордовские курсы. Так возникли первые в СССР мордовские педагогические курсы. Потом они преобразовались в центральный мордовский педагогический техникум Главпрофобра.

Зав рассказывает нам о педтехникуме, о мордовских школах, о работе мордовских учителей. Всего выпущено 120 человек, все работают в деревнях в мордовских школах. Оказывается, нужна в мордовских учителях большая: сейчас их нужно больше ста. А при общем обучении педтехникум не сможет покрыть даже естественной убыли мордовских учителей. Нужно будет еще 2—3 таких техникума на одну только Самарскую губернию.

Мы только что вернулись после осмотра монастырских угодий. Устали, проголодались, — отдыхаем и благодушествуем за самоваром. А зав говорит о заводских своих печалях. Здесь, по его мнению, нужно открыть сельскохозяйственный, а не педагогический техникум. Негде здесь устроить мордовского практика: окружающее население — русское, мордва, какая есть поблизости, обрусела. Взывали на педтехникум непосильное хозяйство: 600 гектаров земли, 200 гектаров яровых и озимых, посеянных еще монашками, надо убрать, 25 лошадей у них, 16 быков, 14 коров, 3 жеребца-производителя и сотня овец, 7 000 пудов сена залитого они накопили.

— А зачем все это нам — педагогическому заведению? — ищет нашего сочувствия зав. — Держат нас здесь только один кирпич: просторно покуда, но неудобно. А вот мордовскую семилетку сюда переведут из Самары — и простора лишится.

Слушаем зав молча, главное внимание наше обращено на мед и яйца.

— То быки заболели, то свиньи, то жеребцы на территории спины. Сад сохнет, пчелы дохнут, лошади обезножили, инвентаря нет. Хозяйство, как всякое учебное хозяйство, дефицитное. А недавно будит меня ночью пастух: в поле волки напали на овец. И с фо-

нарем, сквозя ливень и ветер, бежим в поле всем педагогическим советом. А зачем это нам — педагогическому заведению?! — снова еще более сокрушенно восклицает потерянный зав.

Заглох самовар. Тихо. И откуда-то сквозь каменные стены, будто издалека, просачивается густой стон гитары.

В коридорах общежития мигают ночники, шум, возня, попадают парочки. Останавливаемся перед дверью, на ней мелом крупно написано: „Комната шумного отдыха“. Внизу еще надпись: „В комнате соблюдать все, что полагается“.

За дверь бужет веселье и, как первоначальный гром, прокатывается хохот.

Открываем.

Настя наигрывает на гитаре, приплясывая. Зато товарищ Дрягунов неузнаваем: с растрепанными волосами, потный и красный, он вприпрыжку откалывает русского перед ней.

На кругу его сменил другой парень в заплатанной большими квадратами рубашке, он танцовал избоченясь, смеху останавливаясь против девушек и притопывая на месте.

Когда начались общие танцы, парни расселись по стульям. Это сразу напомнило деревенскую кадрили: парни в деревне редко танцуют с девушками. После танцев, по нашей просьбе, молодежь начала петь мордовские песни.

Своеобразные мотивы, непередаваемая поэзия мордовских песен! Мой спутник сидит, ловит каждое непонятное слово и подпевает басом, стараясь запомнить мотив.

А я разговорился с т. Дрягуновым. Он из бугурусланских краев, из коренной мордовской местности Клявдино.

— Пятнадцать мне было лет, когда я в первый раз попал в город Бугуруслан. Плакал, когда отправляли, было мне так боязно.

Смотрю в его лицо, светящееся умом и энергией, на его неправильную голову: удивительно, как за три года в педтехникуме вырос и развился этот безграмотный мордовский парень!

Да, умная, исключительная наша эпоха. Какие пласты она выворачивает, из каких низов да на какую высоту поднимает тысячи, десятки тысяч земляных людей.

Слушаю, а девушки педтехникума поют старинную грустно-лирическую песню:

„Бути вёксем, Ваня дёлай,
Вёчмикам“ *.

В мотиве, немного протяжном, построенном на высоких концах, чувствуется простодушная наивность целиной, первобытной любви, все отдающей любимому и ничего не требующей взамен. Никаких претензий: только любви!

„Бути саймс, Ваня дёлай.
Саймак“ * * *.

Добровольная обреченность, женская, нежная и просыпающаяся буйная страсть слышится в этих словах. А дальше мотив учащается, становится обрывистым:

- Если любишь, милый Ваня,
Так люби.
- Если захочешь, милый Ваня,
Так бери.

„Бути кадуме, Ваня лëял
Кадумак“ *.

Девушка не плачет, не жалеет, что любимый бро- сил ее, одна она будет знать, как это тяжело.

И, может быть, недавно, совсем недавно, каждая из этих студенток педтехникума жила в таких же вот улочках, была в таком же положении простой мордовской девушки.

Чистые молодые голоса, невольно передается на- строение этой песни самим поющим: все они как-то сосредоточенно присмирели.

В монастырской келье с остатками божниц — ста- рая мордовская волыная песня, поют ее студентки советского педтехникума! Какая гамма настроений, какое смешение старого с новым!

В этот самый момент в коридоре раздается тупой стук прикладов, и входят трое с берданками...

— Это еще что такое?... — опасно озирается мой спутник.

А перело мной на миг развернулась картина* пер- вых дней Октябрьской революции, связанная с этим монастырем. Больше-каменский ревком после декрета Совета народных комиссаров задумал взять на учет монастырское имущество. Выбрали комиссию четь- ствально, послали ее в монастырь. Монашки во главе с игуменьей встретили комиссию с хлебом-солью, про- вели в трапезную, угостили медом, спать на перинах уложили. А ночью сообщили в соседнее село, что из Каменки приехали грабить монастырь. Собралась армия церковников и ночью внезапно накрыла комис- сию. До полночи избивали их и в монастыре, и за монастырем, а потом отвезли в село и всю ночь чи- нили над ними „суд народа“, решали вопрос: убить или не убивать?

А вошедшие побросали берданки, как колья, и вмешались в общую кучу, кадрили затеяли. И това- рища Драгунова у меня утащила Настя. Пришлось ему быть барышней, так как Настя, оказывается, всегда танцует за кавалера...

Да. Десять лет после этого существовал еще мона- стыр нетронутым. А теперь — все наоборот: студен- там педтехникума приходится охранять бывший мо- настырь от этих самых „народных судей“. Прошлой зимой сделали они налет: приехали на подводах, полезли на стены, устроили поджог, но ребята открыли стрельбу. И каждую ночь студентам при- ходится дежурить с берданками на монастырской тени.

Ворочаясь на койке в бывших игуменьинных хоро- мах, нейдет сон. Слышу, в другом углу ворочается мой

* Бросить вадумал, милый Ваня,
Так бросай!

спутник. В открытое окно ветер шелестит нависшими ветвями лип и слышится тоскливо-радостная песенка:

„Бути вöкчемс, Ваня лëял...“

Ночь звездная, лунная, летняя.
Инстинктивно встаю с койки, одеваюсь. Смотрю — то же проливается мой спутник.

Во дворе встречаются парочки — молодежь не спит.

Целая группа направляется со двора. В тем- ноте чудовищно длинными кажутся удлинца в их руках.

— Сомат ловить на Сок с нами айда! Ночь-то месячная!

Мы — на берегу реки. На крюки насажены живки и лягушата. Торчат с обрывистых берегов жерлицы над водой.

Таинственна ночь на реке.

Рыбаки присосли к берегам. Радость просится на- ружу, когда вспыхивает вдруг костер на берегу. Жерлицы от костра становятся белей и выше — теребит их течением, так и кажется — заглатывает сом.

Стремглав мчится вода в прорвавшемся верхнике под мельницей. Жутко плещется крупная рыба в ло- пухах во тьме. И сотнями мелкая рыбешка выплески- вается над водой в сторону огня. Костер потухает, матово-белесая блеснет полоска реки, и начинаются ползут отовсюду незнанные, неопределимые шорохи, всплески, звуки. А вода шумит, обваливаясь с кручи верхника.

Шумит вода...

Замалиновело на востоке, и Сок задымился сизым лохматым туманом. Выше поднялись деревья над во- дою, будто на цыпочках встали, стараясь увидеть краешек красного невыспавшегося солнца. Торже- ственно.

Но молодежь нарушает торжественность летнего утра: один за другим сразу же бухаются в Сок силь- ные молодые, загорелые тела мелькают в прозрачных водах, вытягиваются отражения в воде, дробятся — будто в кривых зеркалах.

А после купанья как легко! Воды Сока, какую они силу имеют!

Чувствуем себя помолодевшими, бодро шагаем обратно в Каменку, и молодежь провожает нас гурь- бой. Они совсем не спали.

— Вчера у нас субботник был, а нынче воскрес- ник. Учхоз не поладил с рабочими, те бросили ра- ботать, а в поле рожь осыпается!..

Провожают нас до дороги.

— Расту! — любовно восклицает мой спутник, и долго, усердно машет фуражкой вслед удаляющимся по меже.

„ДЕТИ В ШКОЛУ СОБИРАЙТЕСЬ“...

Г. Г. Г.

Дружеский шарж.

Мои ПИТЕРСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Э. Я. Шиперович

Вима 1916 г. Жизнь женского медицинского института идет своим чередом. Лекции, практические занятия, клиники. Но где-то здесь, внутри этой размеренной уюбы и этих длинных серых строгих корпусов по Архьерской улице, бьется пульс незаметной, волнующей, непокорной мысли.

Общее собрание по поводу академических дел и — вдруг выступление.

— Товарищи, деньги в пользу ссыльных! Товарищи, долго ли война?!

И звонкий женский голос разрывает паутину спокойствия.

В один из дней зимы 1916 г. по поводу ссылки и расстрела матросов одного из военных кораблей большевистской группой института был созван летучий митинг с требованиями отмены жуткого приговора, и в знак протеста — однодневная забастовка. Помню, как на следующий день мы тайком пробирались в аудитории и лаборатории института и смотрели, есть ли „штрейкбрехеры“, и, помню, лишь очень немногие профессора (в том числе проф. Книпович) не пришли в этот день. Молчаливое сочувствие нам? На большевистскую группу стали посягать косо. Буржуазная часть студенчества была хорошо организована, имела легальный к.-д. кружок, возглавленный В. Винавер (дочь известного к.-д. социалиста Винавера, сбегавшего потом за границу), имела средства, устраивала вечера, но внешне, до поры до времени, не мешала нам работать.

Группа с.-д. (б), с.-д. (м) и с.-р. вместе работала до конца 1916 г., была конспиративна, и единственно более или менее легальная работа заключалась в Красном кресте (помощи политическим ссыльным и заключенным).

Мы связались (получая списки ссыльных и сидящих в заключении) с отдельными товарищами и, в качестве их „жен и невест“, посылали письма, деньги и пр. Так, одна из нас, будучи „невестой“ И. Джугашвили послала ему регулярно 10 р., а другие лишь после революции, после организации советской власти, узнали в некоторых вояжах и наркомвах тех товарищей, которых они „опекали“. К сожалению, за период гражданской войны все эти письма пропали, да многие в период дореволюционный предусмотрительно сжигались.

Душой большевиков в Красном кресте была Вера Зубова, одна из тех беззаветно преданных, светлых девушек, которые шли в революцию, ища ее героики и высших идеалов, и героики погибли. В начале 1917 г. она была зверски растерзана юнкерами на фронте.

Приближались выборы в 4-ю Государственную думу. Раздавались либеральные речи Милюкова и истерически „социалистствовал“ Керенский. Умы были возбуждены до крайности.

Питер стоял в хлебных очередях, лазареты были завалены ранеными, солдаты требовали хлеба, а фронт кричал сводками тысячей убитых.

Чувствовалось приближение бурн.

Заниматься не хотелось, и мы жадно тянулись к непосредственной работе. Но товарищи, связанные с подпольной большевистской организацией, не пускали нас, молодых, присматривались к нам, поручая те или иные мелкие задания.

Штаб-квартирой большевиков института была столовая, где в большом уютном помещении в углу стоял „наш“ стол.

Помнится, что за этим столом бывал и т. Молотов, Николай (Шмидт) и позже один-два раза М. В. Фрунзе.

26 февраля (в день открытия Думы) питерские рабочие вышли на улицу. Совместно с с.-д. (м) наша большевистская группа пошла на Невский. Это было наше последнее общее выступление. Сразу после февраля, а в особенности после июльских дней, с.-д. (м) и с.-д. (б) стали отходить друг от друга, и в Октябре из товарищей по учебе превратились в злейших врагов. А многих из нас связывала большая и крепкая личная дружба. Но наши пути в революции навсегда разошлись.

В феврале наша маленькая группа большевиков впервые узнала тюрьму, впервые понохала запах свежей типографской краски. Группу товарищей арестовали на демонстрации и отправили в женскую тюрьму (на Офицерской улице), а на следующий день с 6 часов утра мы разбрасывали по аудиториям института сведение прокламации РСДРП (б). Не забыть никогда этого первого чувства гордости, волнения, трепета, когда, держа в руках пахнущие краской листочки, рассовывашь их в ящики, под колбы, на кафедру профессору и стены аудиторий. Здесь в институте после февраля из нас никто почти не остался, все разошлись по районам и стали работать в только что

Вера Зубова.

организованных районных комитетах партии и в ПК, (Петербургский комитет РСДРП (6).

— Но вот настал день, который бывает раз в жизни, — для нас такого дня больше не будет, — приехал Ленин. Мы все забросили институт, горели, работали, спорили на непосредственной практической работе. Помню лишь один из многих митингов в институте, где одна из нас выступала с лозунгом «братания», так смело кинутом Лениным. Я помню, что в смысле тактики веления агитации против войны точка зрения Владимира Ильича один период не для всех партийцев была ясной, тем более для нас, юных большевиков. Но на митинге мы сочли своим партийным долгом выкинуть эти лозунги — «Долой войну, — братание солдат на фронте».

Под гиканье, свистки и крики «предатели» мы едва унесли ноги из аудитории. И, помню, бывшие «друзья» — эсеры и меньшевики — с негодованием отвернулись от нас, и одна из наших личных «подруг» спросила: — Неужели и вы продрались немцам? — и после ответа с презрением сказала: — теперь ни один честный социалист не подаст вам руки.

Да, наши пути диаметрально разошлись, и революция от этого только выиграла.

Апрель застал большевиков в тяжелом полулегальном положении, и тогда же ЦК постановил созвать конференцию. Но где? Кто даст помещение?

Это маленькое дело поручили нам.

Делегаты от большевистской группы института поехали к ректору проф. Верховскому и просили аудиторию для конференции, туманно сказав, что будут социал-демократы — вообще.

После длинных переговоров и его выпадов против большевиков, его удалось уломать, и на 5 апреля нам дали физиологическую аудиторию.

В первый же день в нашей студенческой столовой мы организовали обеды и, ввиду недостатка хлеба, поехали в Смольный, где получили несколько буханок черного хлеба. Когда привезли мы его в столовую, то слух о том, что здесь будут «предатели-большевики», распространился по институту, и весь персонал отказался готовить обед. Мы не унывали и, сменяя платья на поварские халаты, начали стряпать сами. К началу конференции столовая стала наполняться делегатами. Помню лишь отдельных: Калинин, Молотова, Зиновьева, Залеского, Шмидта.

В столовой — возбужденно, шумно, все стоит в очереди с тарелками к окошечку, где мы раздавали обед.

Вдур у окна появляется такое ласковое, чуть смеющееся лицо в серой кепке, и в голову ударила кровь — Ленин.

И на его тарелке вместо двух появляются три котлеты и два куска хлеба.

— Это зачем?

Мы сконфузленно молчали.

— Это не дело, товарищи, — и котлетка возвращается нам обратно.

Сколько неловкости и стыда мы почувствовали за эту нашу заботу. И, как странно, прошло одиннадцать лет, а помнится, эта незначительная мелочь, точно была сегодня. И — то же чувство радостной неловкости охватывает вновь.

Враждебное отношение со стороны слушателей

института возросло. Пустился слух, что мы обокрали столовую и на студенческие деньги даем обед, и все наши уверения, что хлеб мы привезли специально и обед сделан из других сумм, ни к чему не привели. Первый день конференции прошел относительно спокойно. Хотя к вечеру стали приходить группы студентов и атаковать нас с просьбой «показать» Ленина. Мы «геройски» защищали дверь и поочередно дежурили в аудитории и у двери.

На второй день заседания проф. Верховский заявил, что, так-как он дал помещение на 2 дня, то из «вежливости» отказываться не может, но категорически требует, чтобы Ленина «не было».

Второй день заседания был перенесен в Актовый зал, но мы предупредили ПК о заявлении Верховского и ждали Ленина с черного хода в саду.

Вдруг к главному подъезду подошел маленький мотоцикл, и человек в черной накидке и в серой кепке выпрыгнул из колески — и, не успев мы сообразить, как Ленин был в зале.

Его приезд заметили, и к стекляным дверям зала стали собираться враждебно настроенные студенты. В это время Владимир Ильич вышел из зала и очень горячо разговаривал с Раскольниковым (или Подвойским, точно не помню). Мы попросили Елену Дмитриевну Стасову отозвать Ильича, так как группа прибывающих студентов не внушала нам доверия.

Владимир Ильич как-то недоумевающе оглянулся, пожал плечами и после нескольких слов Елены Дмитриевны ушел в зал.

К концу дня нам заявили, что институт хочет объявить бойкот нашей группе, не допустить нас к занятиям и категорически требует прекращения конференции.

Когда об этом узнал Владимир Ильич, он сказал: — Жертвовать учебной группой товарищей из-за конференции мы не должны, надо что-либо сделать.

И конференция была перенесена на курсы Лесгафта. И, думаю, мне, что этим словом Владимира Ильича многие из нас обаяны окончанию высшего учебного заведения.

Июльские дни, октябрь и последующие месяцы и годы многие из нас не учились, пошли на фронт, на партийную работу, и лишь немногие после годов гражданской войны вновь вернулись к учебе и окончили вуз.

Здесь прошел период споров, дискуссий, здесь мы столкнулись с новым фронтом — строительства высшей школы, фронтом трудным, важным, на котором нас встретили также враждебно, как в 1917 г., но более скрыто и замаскировано. И это строительство высшей школы, завоевание ее новыми молодыми пролетарскими силами идет еще и сейчас. Но теперь с нами вся лучшая часть интеллигенции, науки, знания, теперь с нами молодые, неиссякаемые силы, теперь у нас 11 лет пролетарской диктатуры. И, когда однажды, сидя «у кормила власти» одного вуза, молодой товарищ, на отказ получить аудиторию для какой-то конференции (аудитория была занята), возбужденно сказал: «Это вам не семнадцатый год!» — захотелось весело, бодро засмеяться над прошлыми невзгодами, засмеяться великой радости настоящего.

И аудиторию товарищ тут же получил. Да — это не 1917 г., и высшая школа — наша.

К ИСТОРИИ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В СССР

из ВОСПОМИНАНИЙ

Когда-нибудь будет написана история организации высшей школы в Советском союзе. Теперь время для этого еще не наступило. Высшая школа еще не стабилизировалась; еще идет довольно энергичный процесс ее развития. Писать ее историю постому, может быть, и преждевременно.

С другой стороны, было бы неправильно забыть о том, что эта история когда-нибудь будет написана и что она предвстает собой чрезвычайно характерную страницу общей истории величайшей в мире революции. Надо собирать материалы уже теперь; надо отмечать те и другие характерные штрихи, подготавливая тем самым объективные данные для будущего историка. Время идет быстро; многое легко забывается; документы теряются, и целый ряд своеобразных эпизодов в развитии советской высшей школы может быть начисто забыт.

О двух таких эпизодах я и хотел бы рассказать в настоящей статье. Первый из них относится к началу жизни Ленинградского педагогического института имени Герцена, а второй—к попытке создания в городе Свердловске (Екатеринбурге) областного уральского университета.

1.

Летом 1918 г. при Комиссариате народного просвещения в Петрограде был образован так называемый Совет экспертов, председателем которого мне пришлось быть. В этом Совете экспертов принимали участие, кроме коммунистов и беспартийных, те из социалистов (социал-демократы, бывшие большевики, интернационалисты и пр.), которые, не считая возможным принять на себя ответственность за совершенный в Октябре переворот, в то же время считали необходимым работать в сотрудничестве с новой властью. Ряд видных петроградских педагогов вошел в состав этого Совета экспертов. В нем работали профессор Н. А. Рожков, В. А. Десницкий, М. Н. Николаевский, Н. П. Куминов, Л. Г. Оршанский, Н. М. Кипнович и многие другие. Совет этот был занят главным образом вопросами совпосовского характера; высшая школа не входила в круг его компетенции.

Сталкиваясь очень часто с тогдашним учительством, наблюдая жизнь начальной и средней школы, многие из состава Совета экспертов быстро пришли к убеждению, что коренную реформу народного образования провести будет невозможно, если не будет подготовлен новый советский учитель. При участии Совета экспертов были организованы многотысячные курсы в Петрограде и ряд курсов в области. Однако все это являлось паллиативом. Тогда в среде актива Совета экспертов появилась мысль о необходимости организовать педагогическое образование, положив начало новому типу педагогического учебного заведения.

Группа педагогов—в том числе пишущий эти строки, В. А. Десницкий, Н. М. Соколов, С. П. Аржанов,

А. Е. Кудрявцев и др.—надумала организовать учительский институт нового типа. Эта идея встретила живейшее сочувствие народного комиссара просвещения А. В. Луначарского и руководящих работников тогдашнего Наркомпроса. Был издан декрет об образовании Организационного комитета, и работа началась. Было подыскано помещение (одна из петроградских богаделен на берегу Невки, против Каменного острова), и там начались подготовительные работы. Объявлен был прием студентов, производились первые испытания и т. п.

Наркомпрос энергично помогал институту. Через некоторое время произошло объединение с вновь образуемым Учительским институтом курсов Раева, затем курсов Лохвицкой-Скалон, и к концу 1918 г. новое учреждение уже именовалось Педагогическим институтом наравне с другими педагогическими институтами, которые существовали в то время.

Небольшая группа организаторов с большим увлечением принялась за новое дело, которое так быстро развернулось. Тогда не было положения о высшей школе. Приходилось устанавливать нормы и законы жизни самим. Так, например, условия приема были выработаны нами самими. Мы не требовали от поступающих никакого обязательного минимума знаний. Испытания состояли в коллоквиуме, который производился коллективно почти всем тогдашним советом института. Принцип испытания заключался в том, чтобы обнаружить, какие знания имеет абитуриент, в отличие от обычного стремления на испытаниях—обнаружить и не а н а и е абитуриента. Поэтому мы во время коллоквиума не ставили никогда в вину экзаменувавшемуся, если он чего-нибудь не знает; напротив, самым обычным вопросом на этом коллоквиуме был вопрос: "Что вы лучше всего знаете из такой-то области",—и когда экзаменующийся заявлял, что он знает такую-то область или такой-то вопрос лучше всего, то по этому вопросу и велся коллоквиум.

Мы исходили из того убеждения, что характеризует человека не то, чего он не знает, а то, что он знает. Не знать, казалось нам,—явление довольно обычное; каждый человек чрезвычайно многого не знает. Но если экзаменующийся заявляет, что он данный вопрос хорошо знает и обнаруживает в этом хорошо ему известном вопросе беспомощность, то этим он вполне определенно доказывает свою непригодность для работы в высшей школе.

Мы задавали вопросы из области литературы, из области естествознания, математики, родного языка, высвистли элементарную грамотность экзаменующихся, и при таком способе подхода к испытаниям было немало неожиданностей. Так, я помню, как у нас экзаменовалось двое студентов старших курсов Института инженеров путей сообщения. Несмотря на то, что по математике и физике они знали все очень хорошо, однако в беседе по литературным и общественным вопросам по указанному выше принципу они проявили чрезвычайную неразвитость. Они были чрезвычайно изумлены, когда узнали, что совет не нашел удовле-

творительными их ответы и в число студентов института они не приняты.

Учебные планы составлялись также нами самими. Никакого утверждения ни с чьей стороны не требовалось: Главпрофобр еще не существовал, и Наркомпрос еще не успел ввести тщательный контроль за тем, как идет преподавание в высшей школе. Поэтому даже такие вопросы, как установление числа и характера факультетов, числа лет обучения и т. п., — все это разрабатывалось инициативной группой, организационным комитетом, довольно скоро оформившимся в Совет института, и фактически не подлежало ничьему утверждению. Правда, мы находились в живейшем и непосредственном контакте с Наркомпросом. В частности, нам много помогли своими советами А. В. Луначарский и один из активнейших работников тогдашнего Наркомпроса — В. Р. и Л. Р. Менжинские. Но все это было не формально, все это проходило в порядке товарищеского общения.

Хотя большинство студентов получало стипендию, что было по тем временам новостью, хотя навстречу нам шли все петроградские власти, тем не менее было чрезвычайно много трудностей. Знания как следует не оттапливались, читать лекции сплошь и рядом приходилось при температуре ниже нуля, не все кабинеты были в достаточной степени устроены и не во всех кабинетах можно было работать. Тем не менее, работа шла чрезвычайно дружно.

Хотелось бы здесь в особенности отметить ту исключительную роль, которую сыграло студенчество института. Это были главным образом учителя (при приеме в институт отдавались предпочтение тем, кто имеет стаж) — выходцы из крестьянской среды. Они принесли в молодой вуз чрезвычайно жажду знаний, приспособленность к лишениям и умение работать в самых тяжелых условиях.

Первые годы в институте было относительно немного студентов. Большинство из них жило в общежитиях института. Так как основная группа организаторов института находилась в тесном общении со студенчеством, то скоро между студентами и преподавателями установились товарищеские дружеские отношения, и институт представлял собой, по крайней мере, в своем ядре, некоторую общину, члены которой знали хорошо друг друга, были одушевлены идеей создания высшего учебного заведения нового типа и готовы были к перенесению лишений и трудностей, только бы удалось добиться поставленной цели.

Часто в актовом зале, находившемся в помещении бывшей богадельни, собирались по вечерам студенты и преподаватели, чтобы обменяться впечатлениями о развитии института и за стаканом чая с куском пайкового черного хлеба провести вместе вечер.

Этот период, естественно, скоро кончился, так как благодаря новым приемам институт разросся, число студентов перешло за тысячу, и постепенно Педагогический институт становился большим и развитым высшим учебным заведением. Однако тесное единение студенчества и преподавателей, характеризовавшее институт в первые годы его существования, пафос строительства, который характеризовал одинаково и студенчество и профессию, не пропал даром. Очень скоро молодой институт стал известен в Петрограде как одно из самых жизнеспособных и деятельных учреждений. К нему с большим вниманием приглядывался Петроградский исполнительный комитет. Его

почетным членом и частым гостем был Максим Горький. В целом ряде общественных начинаний представители института выступали очень активно.

Это положительное отношение к институту выразилось в том, что в 1920 г., когда имели место торжества по случаю пятидесятилетия со дня смерти А. И. Герцена, согласно постановлению Петроградского исполнительного комитета и ЦИКа республики, молодому институту было присвоено наименование института имени А. И. Герцена. Это была известная честь, и так это было понято коллективом быстро развивавшегося высшего учебного заведения.

Через два года Педагогический институт имени Герцена был соединен с Первым педагогическим институтом (до переименования своего Герценовский институт назывался Третьим педагогическим институтом), носившим до революции название Женского императорского педагогического института и бывшим единственным во всей империи государственным высшим педагогическим учебным заведением. Благодаря этому соединению Педагогический институт имени Герцена получил возможность развить чрезвычайно широко свою деятельность, и в настоящее время он является одним из крупнейших педагогических вузов СССР. Официальное открытие нынешнего Герценовского института произошло 18 ноября 1918 г. Поэтому Герценовский институт может праздновать в этом году свое десятилетие. Однако после слияния с бывшим Женским педагогическим институтом он получает возможность считать свою родословную с начала 60-х годов, когда были организованы так называемые Высшие педагогические курсы, превратившиеся потом в Женский педагогический институт.

Может быть, для работников Герценовского института и приятнее считать свою родословную с середины прошлого столетия, но мне (может быть, здесь говорит пристрастие первого ректора именно Герценовского института) казалось бы все же более правильным считать началом Герценовского института именно 1918 г. Герценовский институт обязан своим развитием, ростом и расцветом исключительно революции, революционному студенчеству и революционной профессуре. В этом смысле он может быть назван детищем революции в полном смысле этого слова, и для него должны быть характерны традиции именно революционного времени, а не того времени, когда развивался и действовал Женский императорский педагогический институт.

II.

Другим эпизодом из истории высшей школы, о котором хотелось бы сказать сейчас несколько слов, является образование так называемого Уральского областного университета, наследником которого является ныне существующий Уральский политический институт. Так как в его образовании играл исключительную роль тот же революционный пафос, который создал и Институт имени Герцена, — и он может быть назван детищем революции, хотя до его основания и существовал некоторое время Екатеринбургский горный институт.

Дело было так. Представитель Наркомпроса, председатель Уралпрофбора т. Я. Г. Раевский, в начале 1920 г. поднял в Екатеринбурге энергичную кампа-

нию за организацию в Екатеринбурге Уральского областного университета. Эта идея встретила горячий отклик во всех организациях Екатеринбурга, а там находились и находятся именно областные уральские организации. От слов быстро перешли к делу.

Летом 1920 г. был создан организационный комитет Уральского университета, в который были приглашены в качестве членов, кроме местных ответственных работников, и некоторые профессора Москвы и Ленинграда. В этот комитет, в числе других, входили академик Ферсанг, проф. Военно-медицинской академии Тонков, проф. П. С. Осалчин (ныне зампред Госплана), проф. Н. А. Рожков, проф. Тимирязевой сельскохозяйственной академии Е. Ф. Лискун, профессор Н. М. Соколов, скончавшийся несколько лет тому назад, И. Н. Кавалеров, А. Е. Маковецкий и пишущий эти строки — в качестве председателя. Первые собрания комитета состоялись в июле месяце в Екатеринбурге. В них приняли участие крупнейшие работники области: председатель Ураломоброю К. Г. Максимов, председатель Екатеринбургского исполкома г. Парамонов, представитель Екатеринбургского комитета партии Т. Тутунт и многие другие.

Комитет встретил с самых же первых шагов исключительную поддержку со стороны всего населения Екатеринбурга, со стороны всех рабочих организаций. Местная пресса посвящала ему очень много внимания, помещая статьи о значении университета для края. Устраивались многолюдные публичные собрания, на которых организаторы университета рассказывали о том, как этот университет будет организован. Лучшие здания города были переданы университету. Можно сказать без преувеличения, что несколько месяцев Екатеринбург больше всего интересовался судьбами Уральского университета, и это несмотря на то, что Урал, можно сказать, надих был отвоинан у колчаковцев и положение республики еще не было достаточно крепко.

План организации университета был самый грандиозный: он должен был состоять из нескольких институтов, в свою очередь распавшихся на отдельные факультеты, — целая уральская академия! Институт медицинский, институт горный, институт педагогический, институт лесной должны были составлять ядро Уральского университета. Приглашались отовсюду работники, собиравлись отовсюду средства, и в короткое время Уральский университет стал реальностью, — правда, просуществовав в таком виде сравнительно недолго.

В первый же год было принято много сот студентов, для обжития которых был отведен весь Екатеринбургский монастырь со всеми его зданиями и кельями. Занятия начались сразу во всех концах города. Ряд больниц был превращен в клиники. Был организован ряд новых просторных, хотя и сравнительно бедно оборудованных лабораторий.

К началу 1921 г. университет уже располагал 26 зданиями во всех концах города, в котором жилищный кризис не менее острем, чем в Москве. Университет сразу стал очень заметным и важным явлением в жизни Екатеринбурга. Наряду с университетом продолжал свою деятельность, также сильно расширившись, и рабочий факультет.

Для того чтобы усилить академическую сторону молодого университета, была введена система приглашения лекторов-гастролеров, которые приезжали из Москвы и Ленинграда и читали ряд лекций. На таких

правах посетили Уральский университет московские профессора Д. Н. Егоров и А. Н. Саввин. Из Ленинграда были приглашены Н. А. Рожков, В. А. Десницкий, А. И. Буковецкий, В. С. Иоф и др.

Центр шел также широко навстречу нашей работе. Были отпущены значительные кредиты, по тому времени прямо огромные, на закупку оборудования за границей. Когда Военное ведомство временно заняло одно из самых больших зданий университета, Владимир Ильич Ленин сам вмешался в это дело и предложил срочно вернуть его университету. В лице М. Н. Покровского, как председателя академического центра, заведующего Главпроброфом О. Ю. Шмидта и других мы имели самую живую поддержку. Нам удалось закупить огромное количество оборудования в Москве и Ленинграде. И там и тут существовали представительства Уральского университета (сейчас об этом как-то странно даже вспоминать!), которые собирали в разных книгохранилищах книги для университета, приобретали пособия и т. п. Многолетняя библиотека Александровского лицея в Петрограде была передана Уральскому университету. Много вагонов книг и разного оборудования было транспортировано за зиму 1920/21 г. из Москвы и Петрограда в Екатеринбург, Уральскому университету, как опыту организации областной высшей школы, широко опирающейся на общественность, на революционное студенчество, которое также было охвачено пафосом строительства, придавалось тогда чрезвычайно значение.

Интересно отметить, что и Максим Горький отозвался на эту работу специальным письмом к студенчеству в дни торжественного открытия университета (январь 1921 г.). Это письмо было оглашено на студенческих собраниях и напечатано в местной прессе. Так как, однако, оно вряд ли известно читателю, я позволю себе его привести здесь целиком:

«Одни за другим возникают в России очаги научной мысли, и бесспорно — это самое ценное и самое существенное из всего, что творится у нас.

Посылая мой сердечный привет университету Екатеринбурга, его профессорам и студентам, я уверен, что первые будут делиться сокровищами знаний своих так же задушевно и щедро, как жадно и внимательно студенты будут брать эти сокровища.

У человечества нет ценностей более существенных, чем ценности научной мысли.

Религия, искусство знакомы и дикарям, но мы все-таки имеем право называть дикарями людей, которым неизвестна наука.

Идеалы красоты, справедливости неопределенны, неустойчивы. Наше время особенно внушительно утверждает всей историей текущего дня, всеми требованиями его — незбылемость научных истин, необходимость научных знаний.

Если вы, юношество, пришли сюда, в храм разума, для того чтобы выйти отсюда умными, честными, смелыми борцами за свободу вашего духа, вашей мысли, за очеловечение вашего темного народа, — вы должны работать для усвоения знаний и дальнейшего развития их с полнотой чувства, восходящего до фанатизма, до религиозного вдохновения.

Ибо, хотя наука, все исследуя, ни во что не верит, она есть единственное нечто, чему человек может верить.

Верить в науку — это значит верить в силу общечеловеческого разума, стремящегося к самознанию

и познанию природы, — а дальше — это значит верить в силу своего разума, приобщившегося мудрости мира.

Это — единственно плодотворная вера, и только она одна не стесняет свободы духовного развития человека.

Я искренно желаю всем вам счастья этой веры.

Тот, кто сумеет зажечь ее в душе своей, войдет в жизнь усталой России могучим возбудителем скрытых сил ее, непобедимым борцом против вековой мерзости и тьмы, искавшей наш народ.

Что еще сказать вам?

Будьте бодрь. Учитесь. Не верьте. Исследуйте.

18 января 1921 г.*

Уральский университет просуществовал в таком виде около двух лет. Наступил зенит, начались повсюду сокращения. Был сокращен в своем размахе и Уральский университет. Ряд „институтов“ закрылся, другие превратились в факультеты. Многие из профессоров покинули Екатеринбург, перешли на работу в другие места. Сократилось несколько в своем числе и студенчество.

Однако, хотя Уральский университет уже не существует и на месте его стоит более скромный по своему размаху Уральский политехнический институт, тем не менее хочется верить, что тот пафос революционного строительства, который был характерен для первых дней существования университета, будет владет и современными работниками Политехнического института.

В БОРЬБЕ ЗА ВЫСШУЮ ШКОЛУ

Я долгие годы связан с высшей школой, и больше всего с I МГУ, где мне приходилось работать в качестве студента, оставленного при университете, и приват-доцента еще в „доисторические“ времена, когда МГУ именовалась „императорским“ московским университетом. Неудивительно поэтому, что в первые годы после Октябрьской революции мне пришлось принять участие в активной борьбе за завоевание высшей школы в интересах победившего рабочего класса (выражение „первые годы“ не нужно понимать буквально: около 2½ лет мне пришлось работать в Наркомфине в качестве члена коллегии и заместителя наркома, причем не только в центре, т. е. в Ленинграде и Москве, но и на Украине, в Северной коммуне и в Узбекистане). В течение этих лет мне не приходилось уделять высшей школе достаточного внимания. Однако один день целиком, кажется в конце 1918 года, мне пришлось участвовать в одном из первых „боев“ со старой профессурой. Этот эпизод, мне кажется, имеет известное значение, и я постараюсь описать его возможно подробно.

Нужно сказать, что борьбу за высшую школу Наркомпрос вел очень медленно и нерешительно. Официальные руководители его объясняли эту вялость действий общими политическим положением страны, которую в то время со всех сторон угнетали внешние и внутренние враги. Мне, однако, казалось, что более решительная политика и в этот период была бы возможной, так как оставление всего высшего образования в руках старой реакционной профессуры едва ли было в наших интересах, — и если тогда нельзя было сделать многого, то это было не оправданием для того, чтобы не делать почти ничего. Дело шло о преобразовании бывшего юридического факультета и выборах новых профессоров. В это время Наркомпрос назначил 30 профессоров, из которых больше половины были коммунисты, а остальные — прежние профессора, правда, во главе с новым деканом — известным экономистом С. Н. Прокоповичем, бывшим министром временного правительства Керенского. На этом совещании нужно было, чтобы назначенные 30 профессоров пополнили свой состав путем выборов остальных профессоров. Дело оказалось далеко не легким.

Среди этих коммунистов было немало „мертвых душ“. Старая же профессура держалась чрезвычайно упорно. Особенно свирепым хранителем „старых академических традиций“ был „социал-демократ“ Прокопович. Повидимому, все они чувствовали вялость и нерешительность Наркомпроса. Правда, на кое-какие уступки они шли, „выборы“ одно время проходили как будто удачно — при помощи длинных совещаний и немалых уступок с нашей стороны, — но в конце концов дело сорвалось из-за одной кандидатуры (Ю. М. Стеклова), на которую наши противники ни за что не соглашались. Так дело и кончилось полным провалом.

Этот эпизод мне кажется характерным и для всей последующей политики Наркомпроса, которая привела к такому положению, когда на пороге 12-го года пролетарской диктатуры мы стоим еще очень далеко от разрешения проблемы завоевания высшей школы. „Мы „запаздывали“, — говорил в своих „Заметах экономиста“ т. Н. И. Бухарин. — Проблему своих спонсоров поставили лишь после шахтинского дела*». Между тем для Наркомпроса она должна бы и в самом начале революции быть одной из основных проблем; да и сам он должен был бы встать во главе движения за завоевание высшей школы, а не плестись в хвосте мелкими шагами.

Эта медлительность привела к тому, что и к середине 1920 года, когда я, возвратившись из дальних странствий, был направлен для работы в Наркомпрос и назначен членом Государственного ученого совета (который в это время состоял всего из 12—14 человек), дело с преобразованием высшей школы подвинулось вперед лишь очень немного.

Нужно, однако, сказать, что на одном очень важном участке как раз в это время были обещаны решительные успехи. Я имею в виду образование рабфаков, которые были введены, и несмотря на упорное сопротивление старой профессуры. Но с реформой юридического факультета и управления высшей школой дело шло очень тихо.

Над первой работой комиссия под председательством одного из членов Гуса, в составе старых профессоров, которые, однако, вовсе не были настроены

* „Правда“ от 30 сент. 1928 г.

позволить себя изжарить, как карасей в сметане. Эта комиссия живо напомнила мне ряд совещаний с представителями банков в конце 1917 года, перед изданием декрета об их национализации. Члены этой банковской комиссии, как мне говорил потом один из ее участников, «валяли дурака» и, по его словам, держали бы себя совершенно иначе, если бы они знали о предстоящем решительном ударе. Тогда, — говорил он, — мы бы говорили совершенно другим языком».

Между тем в Наркомпросе, кроме введения рабфактов, мало было решительных действий, которые бы заставили заговорить другим языком хотя бы наиболее реакционную часть профессуры, ведшей себя так отвратительно, что часть ее через два года пришлось выслатъ за границу. Во главе же управления высшей школы продолжали находиться старые реакционные профессора. В частности, во главе 1 МГУ стоял кадет М. М. Новиков, также впоследствии попавший за границу. Как характерный факт следует отметить, что даже в третью годовщину Октябрьской революции на здании 1 МГУ демонстративно не были вывешены красные флаги и даже в зале правления не было портрета Ленина. Как видно, Октябрьская революция почти вовсе не коснулась ни университета, ни высшей школы в целом.

Моя личная доля борьбы прежде всего выразилась в докладной записке, поданной мной непосредственно В. И. Ленину, — ее, конечно можно найти в архивах Гуса, которым она с некоторыми незначительными поправками была впоследствии принята. Основные принципы ее, насколько я могу припомнить, заключались в следующем: 1) наука только для коммунистов (В. И. Ленин поправил: «наука только для бедных»), 2) уничтожение «свободы преподавания», 3) лучшее материальное обеспечение высшей школы и в частности профессуры.

Что касается первого принципа, то он имел в виду произвести настоящую революцию в установившейся в царское время системе подбора студентов. Правда, в то время противоположный принцип не провозглашался открыто, — если не считать «тонких» намеков министра народного просвещения Делянова о «кухаркиных детях», которым в университете не место, — но зато фактически весьма энергично проводился в жизнь. В эти времена наукой фактически могли заниматься только обеспеченные люди, и в частности введение платы в высших учебных заведениях преследовало вовсе не столько увеличение бюджетов, сколько классовый отбор слушателей. За последние годы перед Октябрем этот принцип проводился весьма усердно, и состав студенчества становился все более и более реакционным.

Мне казалось тогда, — а последние события только укрепляют мои тогдашние убеждения, — что нужно резко и решительно проводить противоположный принцип, не смущаясь воплями о «гибели» культуры, о «варварстве» и т. п. Если раньше наукой могли заниматься только богатые люди, то теперь, с переходом власти в руки рабочего класса, он должен был те небольшие средства, которые были в его распоряжении, тратить исключительно для подготовки своих людей, из которых впоследствии могли бы выйти свои спецы. Поэтому я и ставил вопрос так резко: наука только для коммунистов.

Владимир Ильич не согласился с моей формулировкой, так как она ставила коммунистов в приви-

легированное положение, что противоречило принципам коммунизма. Его редакция более правильно передавала мысль, которую я хотел выразить: в высшую школу необходимо дать самый широкий доступ рабочим, крестьянам и трудовой интеллигенции и устранить всякую возможность траты народных средств на просвещение паразитических классов.

Что касается второго принципа — уничтожения свободы преподавания, — то в настоящее время оно не настолько общепризнано, что распространяться о нем не приходится. Теперь все программы должны быть строго согласованы с Гусом, учебники должны получить санкцию Гуса, словом о «свободе» говорить не приходится. Не так, однако, обстояло дело в первые годы революции. На юридическом факультете преподавалось и римское право — под разными соусами, и основы буржуазного права, а о советском праве не было и помину. Самое же содержание курсов отличалось резко выраженной антисоветской пропагандой. Нам приходилось отвечать на примитивнейший вопрос: должны ли мы за свой счет оплачивать пропаганду явно враждебных нам идей? — Когда впоследствии этот вопрос обсуждался в Гусе, то защитников «свободы преподавания» не нашлось. Случайно присутствовавший на заседании Максим Горький только удоризанно качал головой.

Наконец, по третьему вопросу — об улучшении материального положения высшей школы и в частности значительного увеличения оплаты преподавателей, многие из которых в то время вели буквально нищенское существование, — разногласий и прений не было. Однако и теперь этот вопрос является далеко не разрешенным и все еще продолжает быть одним из самых серьезных тормозов для нормальной деятельности высшей школы.

После того как вопрос был обсужден с Владимиром Ильичом и по его указаниям составленная мною записка была ему послана, я получил приглашение от т. Ф. А. Ротштейна (в настоящее время член коллегии Наркоминдела) явиться к нему для переговоров. В результате был намечен ряд решений, которые были впоследствии оформлены на заседании специальной комиссии под председательством самого Ленина. Здесь было намечено создание особой комиссии для разработки вопроса о преподавании общественных наук, комиссии преобразованной впоследствии в научно-политическую секцию Гуса. Здесь т. М. Н. Покровский был поставлен вопрос о привлечении для преподавания ряда новых преподавателей-марксистов и о создании Института красной профессуры.

Вскоре после описанных совещаний было решено, наконец, вырвать 1 МГУ из рук реакционной профессуры и управление им создать на новых основаниях. Новый президиум состоял из 11 человек: кроме нескольких человек, назначенных Наркомпросом, в него входили выборные от профессуры, студентов, служащих и — отдельно — от преподавателей и учащихся рабфака. Персонально в президиум в большинстве вошли коммунисты. Как курьез, следует отметить оригинальное представительство от студенчества. Все представители студенчества (а они сменялись по очереди по факультетам) были мажорные реакционеры, а в качестве представителя студентов рабфака введен был почему-то профессор из правых, правда, довольно смиренный.

В ноябре 1926 г. состоялся выборы председателя временного президиума (ректора), и таковым оказался

выбранным я. Мое положение в этой должности было крайне затруднительным, и должен сознаться, что хотя мне и раньше приходилось работать в достаточно тяжелых условиях, тем не менее, работа в качестве „первого коммунистического ректора университета“, как представил меня на собрании комачейки т. М. Н. Покровский, оказалась более трудной, чем даже революционная работа первых лет революции.

В самом деле, здесь приходилось быть между десяти огней. С одной стороны, реакционная профессура была настроена до крайности враждебно, и ее представитель в правлении, неудурый юрист, очень ловко использовал весьма неудовлетворительно составленное положение о президиум, положение, при котором мы иногда не были в состоянии собрать необходимого большинства, а приходилось прибегать к обходным путям, вроде создания бюро президиума, что вызывало постоянные протесты. Не лучше обстояло дело и со студенчеством: коммунистов среди студентов было всего вразм так мало, и отношение к ним было таким враждебным, что порою они даже не решались выступить под собственным именем, иначе их вовсе не стали бы слушать. Служащие были настроены более сочувственно, и их представитель в президиуме нас даже поддерживал (хотя далеко не во всех вопросах). Но и среди них был рад весьма неприятных элементов, бывших охранников и членов союза Михаила архангела. И когда председателем месткома является бывший член одной из реакционнейших организаций царского правительства, то это едва ли облегчает работу. Были среди служащих и активные меньшевики и эсеры, которые, пользуясь своим — действительно трудным — материальным положением, разводили дешевую демагогию.

Еще более неудовлетворительными были отношения с Главпрофборм, руководителем которого (а они в то время часто менялись) не учитывали всей сложности положения в И МГУ и нередко подавлялись напештываниям реакционной профессуры. Вести при этих условиях борьбу за овладение университетом было нелегко, а не вести активной борьбы, лавируя среди противоположных течений, я не мог: этого не могла мне позволить моя совесть старого большевика.

В самом деле, только в эту эпоху Октябрьская революция дотронулась до университета, — до этого времени она в нем чувствовалась очень мало, и нужно было железной рукой выметать весь сор и мусор старых традиций. Борьба с этими традициями, при крепости и организованности старой профессуры, вложенной кадetsкой партией, не могла не быть достаточно жесткой и упорной, чего не понимали даже такие видные большевики, как т. Л. Б. Каменев, не один раз спрашивавший меня, — созем ли я разгромил университет? На самом же деле это был не разгром, а борьба за звание командных высот, которая, как я рассчитывал, должна была дать ощутительные результаты через 5—10 лет. Нужно было, вовервых, удалить наиболее реакционную часть профессуры, особенно из факультетов общественных наук, вторыхх, не давать старой профессуре издеваться над советскими декретами, которые они, пользуясь свисокдительностью власти, обходили без ззрения совести, и, наконец, вторыхх, необходимо было вести упорную борьбу за обновление личного состава сту-

денчества, служащих, профессуры, — добиваться постепенной коммунизации университета.

Задача обновления профессуры представляла собой колоссальные трудности, хотя и состояла не в немедленной замене всей старой профессуры, что являлось, конечно, невозможным, а в решительном укреплении нашего влияния на выбор преимников, на выбор молодых сил, ассистентов, оставленных при университете, и т. п.

На этой почве и завязалась борьба, так как и противная сторона прекрасно понимала, что именно в этом тогда лежал центр борьбы. К сожалению, руководители Наркомпроса не только не поддерживали нас, но порою оказывали и противодействие, невольно подаваясь постоянным напештываниям старой профессуры. Когда я провел на медфак коммунисту т. О. Б. Лепешинскому, которая и раньше работала в университете и имела формальное право вернуться к работе наравне с другими, это вызвало взрыв негодования со стороны реакционной профессуры, справедливо усмотревшей в этом покушение на их исключительные привилегии. Когда же была проведена вторая коммунистка, т. Бабай, то это переполнило чашу их терпения, и они нажали все пружины.

В одно майское утро 1921 года я являлся в университет и там от служащих узнал, что уже назначен новый президиум и я ректором больше не состою.

Конечно, здесь дело не обошлось без клеветнических заявлений о том, будто мной проводилась политика „бить по мордам“. На самом-то деле формы обращения были очень мягкими, а отдельным профессорам и учреждениям оказывалось даже всяческое содействие: доставлялись дрова, оказывалась помощь в получении газа для лабораторий (в это время был резкий газовый голод) и т. п. Ставила также в вину чрезмерное отставание интересов рабфака, — но ведь это был один из наиболее могучих способов обновления состава студенчества!

Я полагаю, что если бы вместо политики колебаний подобная „жесткая“ политика проводилась Наркомпросом, то в области подготовки новой смены не получилось бы таких результатов, о которых говорил недавно новый начальник Главнауки т. Лядов. „Одним из основных вопросов является улучшение социального состава аспирантов. Здесь дело обстоит далеко не благополучно. Из 1638 аспирантов только 91 являются рабочими и 345 крестьянами, — 118 чел. — сыновья помещиков и буржуазии, 43 — духовного происхождения. Среди аспирантов только 158 членов партии и 21 — ВЛКСМ“.

При существующем положении, — продолжает т. Лядов, — совершенно не известно, воспитываем ли мы себе научную смену, или старе профессора готовят смену себе“. („Правда“ от 5 окт. 1928 г.)

Если вспомнить еще вышеприведенные слова т. Бухарина о нашем „запозывании“, то именно этим недочетом положения объясняется то обстоятельство, что в своей борьбе за смену я не получил необходимой поддержки Наркомпроса, который только теперь, на пороге 12-го Октября, вспомнил об этой задаче. Конечно, за этот период сделано немало в области завоевания высшей школы, — в особенности в смысле обновления состава студенчества, но здесь весьма немало существенных упущений.

ВО ВРАЖЕСКОМ СТАНЕ

СТРАНИЧКА ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О РАБОТЕ В 1 МГУ

В 1920 г., вернувшись из провинции в Москву, я решила продолжать облюбованную мною линию научной работы по избранной специальности. Мне казалось, что я, имея в прошлом двухгодичный стаж ассистентуры по кафедре гистологии еще в довоенное время и почти год работая на этом же поприще в 1920 г. в Ташкенте, имею право поступиться в двери Гистологического института при 1 МГУ с предложением своих преподавательских услуг. К этому последнему обстоятельству присоединялся еще и тот мотив, что научных работников по этой специальности у нас очень мало, а гистологов-коммунистов — и совсем не было, и я, пожалуй, являлась в то время единственной в своем роде „белой вороной“, затесавшейся в кучу черного воронья, хлопавшего крыльями около такого безобидного инструмента, как микроскоп. Относительно умности моих претензий на работу по моей специальности в 1 МГУ на ту же точку зрения стал и т. Покровский, в то время ведавший Отделом высших учебных заведений в Наркомпросе, и директор университета т. Боголепов.

Заручившись этими авторитетными „благословениями“ для вступления на довольно-таки тернистый путь завоевания права на научную работу среди буржуазной профессуры, я направила свои стопы в Гистологический институт, чтобы получить там согласие на работу от завпривл этого учреждения.

Прозектор N, важно осведомившись о моей партийности, кратко ответил:

— Свободных мест нет: если мы возьмем вас, то придется кого-то выкинуть.

— На живое место я, конечно, и сама не пойду, — ответила я. — Но думаю, что, ввиду малого количества работников по гистологии могут увеличить штат на одну единицу и послать меня сюда, никого не убирая.

В ответ я выслушала целую отповедь. Я должна была принять к сведению, что мое назначение нарушило бы автономию университета, идя в разрез с существующими традициями относительно подбора сотрудников самим профессором, ведающим данной кафедрой. Это соображение было подкреплено прозрачным намеком на то, что, буде я поступлю на службу в Гистологический институт против желания его „хозяев“ — мне придется очень не сладко.

— Нет, в Гистологическом институте места вам не найдется, — довольно откровенно резюмировался смысл ответов.

Неудовлетворенная этой беседой с прозектором, я сделала попытку говорить с самим профессором, но... „за отсутствием свободного времени“ мне было отказано.

Тов. Боголепов, после моих неудачных переговоров с профессурой, еще больше убедился, что в данном случае необходимо идти „против течения“ и ввести коммуниста в гнездо твердокаменных хранителей старых университетских традиций, благо такой коммунист имеется налицо и сам подвергается под руку.

Тотчас же собирается правление, в котором главную роль играют коммунисты (т. е. Боголепов, Тимирязев и др.). Приглашенный для участия в решении вопроса представитель Гистологического института не решается решительно выступить с протестом против предложения т. Боголепова, и я таким образом оказываюсь принятой в качестве ассистентки.

Едва я успела переступить порог института, как там началась моя — напророченная прозектором — „несладкая жизнь“. Мне была уготована „первая встреча“: когда я вошла в лабораторию, никто (кроме Г. К. Хрущева) не протянул мне руки, никто не ответил на мое приветствие хотя бы даже простым кивком головы. Студенты — стильная публика. Пролетарским духом в этой среде и не пахло. Эти буржуазные сынки вполне достойны быть своих профессоров. Они тоже не могли переварить факта „назначенства“, и сразу же свистками выразили мне, нежеланной назначенке-коммунистке, свое приветствие. Я затаила огорчение и жду, что будет дальше.

Мне для „удобства“ работы любезно отводят „отдельную комнату“. Ах, какая честь! В общей рабочей комнате, отапливаемой в те беадровные времена, скучиваются все сотрудники института, а я, такая счастливица, пользуюсь отдельной комнатой!. И, ображаю, как должны были завидовать мне, располагающей „отдельным рабочим кабинетом“! К этому нужно добавить такие аксессуары, как промозглая сырость от мытья посуды и вонь от газа.

Не все, однако, было скверно в окружающей меня обстановке. С чувством большого удовольствия и благодарности вспоминаю я о стороже института, Василии Петровиче Нестерове. Советски настроенный (редкое тогда исключение в описываемом мною учреждении!), он был единственным человеком, который взял меня под свое покровительство и старался в затруднительных случаях оказать мне дружескую помощь. Он облюбовал себе роль разведчика во вражеском стане и впоследствии даже предупреждал меня о том, как в профессорской среде идет разговор о разнесении „в пух и прах“ моего предполагаемого доклада на съезде гистологов и даже распределены были роли, кому, в каком порядке и с какой речью выступить против моего доклада.

Этот же Василий Петрович выискивал мне посуду для работы: постать ее невозможно было и за деньги, а рассчитывать на готовность коллег „поделиться“ со мною той посудой, которой располагали они, было бы „бессмысленным мечтанием“.

К занятиям со студентами начальство меня не допускало под тем предлогом, что я должна сначала пройти длительный стаж технической выучки.

Ввиду этого я сделала ставку на углубление своих познаний в области техники. И я очень была благодарна моему покровителю за эту откуда-то набранную им бросовую посуду, которая так пригодилась мне в качестве „орудия производства“ в моих лабораторных занятиях. Однако и тут мне не повезло. Однажды прихожу я на работу, и Василий Петрович с печальным лицом сообщает мне, что часть моего посудного фонда перебита, а часть „неизвестно куда“ делась.

В конце концов передо мной возник вопрос что же делать? Как реагировать на тысячу мелких щипков вроде битья или захвата моей лабораторной посуды, вырывания из рук весов, разного рода оскорблений, в виде, например, похвалы бросаемого вслед за мною злобного словечка „назначенка“ и т. д. и т. д.? Жаловаться, „доводить до сведения“? Да ведь это же означало бы только, что я дам своим недоброжелателям лишний козырь в руки!.. И я решила молчать.

Прошло 2—3 месяца, — я продолжала быть перманентным объектом мелких притеснений. Шеф института несколько раз пытался разговаривать со мной повышенным тоном, но этот тон ему плохо удавался, ибо я в таких случаях не отказывала себе в удовольствии „ошкетиниться“.

Но вот однажды я получила запрос от директора об условиях моей работы. Дав ему откровенный ответ, копия с ответа я послала своему ближайшему начальству в доказательство того, что я вовсе не намерена действовать исподтишка. В результате я имела удовольствие впервые висеть в своей рабочей комнате „своего“ профессора, который повел со мной мирный разговор на тему о том, чего бы я хотела и что я представляю собой в своей гистологической ипостаси.

Я охарактеризовала себя как начинающего гистолога, сказала, что дисциплина эта мне очень нравится, что я тянусь к этой специальности и что буду чрезвычайно благодарна ему, если он даст мне возможность идти вперед, что в моей энергии и трудолюбии он может не сомневаться, что я очень хотела бы полностью овладеть навыками в области микроскопической техники и т. д. После такого разговора „по душам“ профессор отправился на совет факультета, где должен был стоять вопрос об утверждении меня в должности младшего ассистента, и там заявил.

— Кого вы мне подсовываете? Ведь она сама про себя говорит, что ничего в гистологии не смыслит?

Вся эта обстановка была так тягостна для меня, что мною стало овладевать отчаяние. Я в конце концов смалодушничала и, потеряв уже всякую надежду дожить до улучшения своего положения и принести какую-нибудь пользу делу, решила перейти на другую

Гистологический кружок с экскурсантами крестьянами, приехавшими на занятия в кружок (1924 г.)

службу. Я договорилась с Н. А. Семашко и получила назначение на работу в одной из крымских санаторий. Уже и вещи мои были сложены, но перед самым отъездом из Москвы я получаю директивное указание, что, в интересах университета, мне надлежит продолжать работу в Гистологическом институте.

Нечего делать, пришлось снова ежедневно по утрам совершать невеселую прогулку на своем голофу, где меня ждало очередное издевательство.

Но вот однажды правлением университета мне было предложено подать заявление на получение академического пайка. Я отказалась от этого блага, пока не будут удовлетворены пайком другие мои сотрудники. Об этом провела я мои коллеги и... вдруг — о, чудо! Прихожу на работу и, повидимому, в связи с этим маленьким обстоятельством, мне благожелательно протягивают руку, вступают в дружеские разговоры,

Семинар по гистологии в 1924 г. Рук. т. Делешинская

предлагают свои услуги и вообще снимают свой бойкот с несчастной «назначенки»... У только глаза тарашу: «что сей сон значит?» Оказалось, что мое «пайковое благородство» действительно произвело на моих коллег впечатление, и они сменили свой гнев на милость.

Но эта перемена вовсе еще не означала, что я стала в их среде своим человеком. Препрежде недовере к моей большевистской природе перешло из формы открытой в потенциальную, и только. Попржнему начальство не допускало меня к занятиям со студентами (из опасения, должно быть, что я внесу в их среду коммунистическую заразу), попрежнему меня кормили исключительно изучением техники, попрежнему держали в черном теле.

Но я решила не выходить из состояния равновесия и придерживаться тактики «тихих ходов», воздерживаясь от принятия открыток боев не по принципиальным вопросам. Я прилагала все усилия, чтобы не нарушить служебной субординации, затаила в душе свои претензии на дополнение меня к занятиям со студентами, подчинилась требованию «высидеть» свой стаж по приобретению технической выучки, и только лишь в принципиальных вопросах, когда вопрос касался нарушения интересов того общественного дела, на почве которого я была связана с ними, я позволяла себе возвышать свой протестующий голос. Короче сказать, мое поведение было таково, что никто не мог поспекулировать на обвинении меня в намерении поскандальить. В то же время я не пропускала ни одного случая, чтобы изменить свое положение к лучшему. Так, например, проходя по лабораторию, я как бы случайно подсаживалась к студентам, помогая им разбираться в препаратах под микроскопом. У меня было достаточно гистологического опыта для того, чтобы они почувствовали во мне знатока своего дела. Мне оставалось только ждать, что — рано или поздно — они проявят самостоятельную инициативу по части официального привлечения меня к занятиям с ними.

Так оно и вышло. В начале нового учебного года профессора вынуждены были под давлением громко выраженного общественного мнения заинтересованной в этом части студенчества допустить меня к этим занятиям.

Мои житейские отношения с преподавательской средой тоже как будто стали приходить в «нормальное состояние». Мои коллеги скоро облюбовали для меня роль ходатая по их частным делам в тех случаях, которые для меня были более доступны, чем для них, и я никогда не горюшила отклонить от себя то или иное задание по части оказания товарищу по работе необходимой услуги.

И если говорить откровенно и судить по человечески, то эти труженники науки, как бы они там ни расценивались в идеологическом отношении, имели полное право на внимание к их вопиющим материальным нуждам. Жили они в холоде, холоде и вообще в условиях полунищенского существования. Поэтому не грешно было помочь 70-летнему старикну получить обратно свою мебельку, где-то затерявшуюся во время революции и ценпо удерживаемую какими-то новыми ее собственниками, или посодействовать какому-нибудь отцу семейства получить лишнюю сажень дров, от которой зависела жизнь и здоровье его детей, и т. д. и т. п.

И вот я уже перестала быть игроем в гистологической лаборатории, и — штука ли сказать — стала

даже получать приглашение пить чай за общим столом во время обычных перерывов на завтрак. Тут, в этой интимной обстановке, у нас частенько завязывались горячие дискуссии, бед বিভিন্ন, однако, экзессов. Мои коллеги обычно начинали свои бесконечные lamentации по поводу того, что вот, мол, наступили лихие времена, «кому-то зачем-то понадобилось превратить университеты в конюшни» и пустить «в храмы науки» безграмотное хамье.

Я всегда принимала бросаемый мне вызов и брала на себя совершенно безнадлежную в этой непоколебимой среде роль коммунистического агитатора. Несмотря на неприемлемость для них моих общественных взглядов, они все-таки в конце концов примирялись с фактом моего диссонансного вторжения в их старорежимный мирок, и мне даже иногда приходилось слушать уверения в их своеобразной симпатии ко мне.

— Знаете ли, Ольга Борисовна, — говорила, например, мне одна из моих сотрудниц, — я люблю и уважаю вас, как человека, но ненавижу как коммунистку. Я очень хотела бы, чтобы вы жили как человек, но как было бы хорошо, если бы вы умерли как коммунистка.

Одна из сотрудниц института, — ныне вполне добросовестная советская труженица, — позволяла себе выступать среди студентов против советской власти. Тут уж я не могла не проявить своей коммунистической «колючести».

— Милая моя, — сказала я ей за чайным столом, — в разговоре со мной вы можете свободно выражать свои критические отношения к современному политическому строю, — вам, пожалуй, такой разговор будет даже полезен, — но я не смогу остаться равнодушной к таким же речам перед студентами. И если хоть раз услышу, что вы продолжаете восстанавливать студентов против советской власти, то я немедленно сообщу об этом, куда следует.

Она расплакалась, как следует обложивла меня, но с тех пор держала язык за зубами, а впоследствии, когда мы с ней вспоминали об этом эпизоде, она даже сказала мне искреннее спасибо за мой грубоватый окрик, который, быть может, во-время спас ее от неприятных положений.

В те же далекие времена в университете прокатилась волна профессорской забастовки. — «Жалованья не платят!»... «Над университетской автономией издеваются!»... Итак, — да здравствует забастовка! Эта забастовка снова обострила мои отношения с институтскими моими коллегами.

Аудитория и зал для практических занятий производят впечатление выморочного царства. Со студентами некогда заниматься, и они слоняются, как сонные мухи. Преподаватели выдерживают забастовку, и только два «штрейкбрехера» в Гистологическом институте на своем посту: пишущий эти строки и тот самый сторож Василий Петрович, о котором упоминалось выше.

Забастовка вызвала репрессии со стороны правительства. Несколько профессоров, наиболее ярых представителей забастовочного движения, были высланы за границу. Этот призрак «избиения младенцев» быстро успокоил контрреволюционные страсти, и началось поспешное «отступление». И мне пришлось в то время проявить некоторую актуальность в смысле наиболее благоприятной ликвидации профессорских боевых настроений. Дело в том, что Наркомпрос,

действительно, был повинен в задержке жалования университетскому персоналу, и это-то обстоятельство главным образом и питала забастовочные настроения в этой среде.

Некоторые профессора просили меня поговорить на этот счет с наркомом, и я с тем большей охотой взяла на себя такое поручение, что считала своим долгом предупредить А. В. Луначарского о возможности новой вспышки забастовки.

Я так горячо убеждала Анатолия Васильевича принять все меры для предупреждения забастовочного рецидива, что, — чего доброго, — он, пожалуй, заподозрил и меня в солидарности с забастовщиками. Дважды я навязывалась на переговоры с ним по этому поводу и шла на риск вывести его своей стойчивостью из терпения. Залержка в выплате жалованы зависла, конечно, не от его „злой воли“, а от объективных обстоятельств, но я продолжала упорствовать на том, что какую-то комбинацию, хотя бы в форме жалкого паллиатива, нужно и можно придумать, тем более что профессура, почувствовавшая после репрессии, что с советской властью шутки плохи, готова будет помириться и с компромиссным разрешением. И что касается моего положения в институте, то оно, после описанных событий, упрочилось и сделалось терпимым.

Нормальная работа, однако, не скоро еще налаживалась. От прямых и открытых форм бойкота преподаватели перешли к формам „итальянской забастовки“, т. е. и от дела не бегали, и дела не делали. Профессора погуливали по лабораториям, о чем-то всегда совещались между собой или прохаживались за чайным столом, а предоставленные самим себе студенты без толку топтались у столов с микроскопами. Громкий протест против саботажников рвался у меня, но я сдерживала себя и решила пустить в ход „пропаганду делом“. На фоне саботажного абсентизма мои занятия со студентами резко выделялись. Не говоря уж о том, что я довела свою аккуратность до скрупулезности — приходила на работу, не опаздывая ни на одну минуту, и уходила из института последняя, — я повела занятия со студентами совершенно поновому, делая ставку на сознательность и заинтересованность молодежи и подлинной, а не только формальной выучки. Начиная свою серию бесед с объяснения очень важного значения гистологии для медицины, затем аноимиала их с методами гистологического мышления, стимулировала их мысль к самостоятельной проработке встречающихся проблем, стараясь давать исчерпывающие объяснения на их вопросы и т. д.

Студенты были очень довольны тем обстоятельством, что я игнорировала скучную процедуру регистраций посещений ими занятий, целиком полагаясь на их добросовестность. И действительно, мои столы никогда не пустовали. Часто я видела около себя студентов соседних групп, приснившихся к другим преподавателям. Наряду с объяснениями всему коллективу я не отказывалась и от индивидуальной проработки вопросов, возникавших в процессе работы с каждым студентом в отдельности, и это обстоятельство было особо ценно моей молодой аудиторией.

Таким образом я сознательно стремилась к достижению двух целей: с одной стороны — дать максимум знаний студентам, а с другой — зарыть моим примером остальную часть преподавательского персонала. Что касается этой второй цели, то и здесь победа мне досталась не легко. Мои коллеги не скупилась

на упреки вроде того, что я, мол, хочу „выслужиться“ перед студентами, „подлизывался к ним“, „дискредитирую“ остальных товарищей по работе и т. д.

Но, тем не менее, завидные результаты моей работы прямо были в нос. Не будучи в состоянии не замечать факта перелопачивания групп, желающих заниматься у меня, все преподаватели видели, как хорошо студенты относятся ко мне. На их глазах студенты нередко „разыгрывали“ меня, т. е. вопрос о записи в мои группы разрешали путем жеребьевки. Помню, например, такой курьезный инцидент, который сначала напугал меня, а потом насмешил до слез. Однажды вижу студент мчится через весь зал прямо на меня, хватая меня за плечи и начинает вертеть во все стороны. Я — в полном недоумении.

— Что вы?!. Что с вами??.

— Выиград, Ольга Борисовна, выиград!.. — кричит восторженно он.

— Что такое вы выиграли?

— Вас, вас, Ольга Борисовна!..

— Фу, ты!.. — вздохнула я облегченно. — А я уже заподозрила, что вы с ума сошли!..

Такого рода показательные сценки происходили на глазах у преподавателей и, в результате, „дел тронулся“. Сначала один, потом другой, а затем и все остальные пустились на путь соревнования со мной и между собою. Каждый из них давал волю своему педагогическому творчеству и стал отыскивать новые улучшенные способы преподавания.

Все вышеописанное иллюстрирует положение одиночки-коммуниста, попавшего во враждебную ему среду непримиримо настроенных представителей старорежимного уклада университетской жизни. Здесь еще не чувствуется столкновения двух миров в форме организованной и систематической борьбы. Подлинная борьба началась лишь с момента образования так называемых „предметных комиссий“, имевших целью эмансипировать университетскую науку от мертвящего принципа пресловутой „университетской автономии“, произвести систематический пересмотр и обновление методов и программ университетского преподавания и улучшить способы ведения университетского хозяйства. В этих комиссиях был представлен и голос студенчества в лице его делегатов (обычно в большинстве коммунистов) в количестве одной трети всего состава.

Как ни неприятно было чиновным жрецам науки сидеть рядом с юными представителями учащейся молодежи („хмятя“), тем не менее им ничего другого не оставалось, как только „делать веселое лицо“ в неприятной для них игре. Многие, конечно, зависели от качественного подбора студенческой делегации, — от ее выдержанности, стойкости, сознательности, серьезности. Иногда прямо-таки руки опускались, когда этих качеств не хватало в ответственный момент борьбы двух фракций комиссий, тем не менее на предметных комиссиях всегда ясно вырисовывались политические физиономии противостоящих друг другу лагерей. Они резко были настроены против всех новшеств, вводимых в университетскую жизнь ненавистными „завоевателями“, и с пеной у рта отстаивали старый уклад жизни. На практике они всеческими путями прилагали все усилия к тому, чтобы затормозить реформу высшей школы, проводимую пролетарской частью предметной комиссии.

И именно здесь-то, в предметных комиссиях, и развернулась настоящая классовая борьба на универ-

ситетском фронте. Заседания затягивались, споры разгорались, позиции обеих сторон становились отчетливее. Большинство все чаще было на стороне студенчества. И налицо тот факт, что эти комиссии сделали свое дело, многое улучшили и внесли свежую струю в затхлую атмосферу университетов.

У студентов, работавших в моих группах, очень скоро интересы к гистологии перешли за пределы студенческой программы, и являлась потребность углубить свои знания. Иля навстречу, я предложила приняться за дело такого углубления у меня на дому. Сначала ко мне пришло человек пять. Беседа получилась очень оживленная, и в следующее воскресенье пришло уже десять человек, в том числе несколько студентов других групп, и мне пришлось перенести занятия из своей квартиры в клуб О-ва старых большевиков. Целый год мы собирались по воскресеньям с девяти часов утра до трех—четыре дня. Из этих частных занятий у нас в конце концов сконструировался официальный гистологический кружок материалистов, поставивший своей задачей изучение гистологии с точки зрения диалектического материализма и борьбы с витализмом в науке.

На одном из собраний было постановлено привлечь к участию и остальных преподавателей Гистологического института. Но наши намерения натолкнулись

на отказ одних, и на кисло-сладкое согласие других (повидимому, страха ради иудейского — воизбежание оказаться на худом счету у „начальства“). Впрочем, за этим согласием и не последовало сколько-нибудь активных попыток согласившихся выйти из состояния „мертвых душ“.

После утверждения устава кружка ему была предоставлена в институте маленькая комната, а затем, когда кружок, уже зарекомендовавший себя целым рядом докладов по диалектике в естественных, вырос до 30 человек и некоторые члены его принялись за экспериментальную работу, ему предоставили и большую комнату в два окна. Комната стала не только местом собраний и занятий кружка, но и своего рода клубом, куда сходились студенты побеседовать между собой и поговориться со мной по разным вопросам, часто выходящим за пределы непосредственной компетенции кружка. Таким образом кружок просуществовал три года.

На этом я хочу оборвать свои воспоминания о первых годах социализации высшей школы, так как после атмосфера в университете стала постепенно проясняться. В стенах вуза появилось большое число новых студентов — рабочих и крестьян. Громадное большинство преподавателей стало на сторону советской власти и т. д.

А ТИМИРЯЗЕВ

ЗА ВЫШЮЮ СОВЕТСКУЮ ШКОЛУ

Т е воспоминания, которыми я предлагаю поделиться с читателями нашего журнала, при всей их разрозненности, объединяются в одну тему — эта тема: борьба за высшую советскую школу. Форма воспоминаний удобна в том отношении, что она освобождает от обязанности приводить таблицы цифр и диаграммы. Я думаю, что всем нам, работникам высшей школы, учамим и учащимся, полезно оглянуться назад на пройденный путь и поставить вопрос, готова ли наша высшая школа, — и готовы ли мы сами — к тому, чтобы не на словах, а на деле принять участие в строительстве социализма?

Роль, которую работники высшей школы должны будут выполнять в этом строительстве, будет расти с каждым годом. На этом пути будет еще немало препятствий. Но если мы вспомним, что пришлось пережить за истекшие одинадцать лет, каких трудов стоили первые шаги на этом пути, то без всяких колебаний можно будет сказать: самое тяжелое уже позади!

Скажут, когда и у кого зародилась первая мысль о реформе высшей школы, я не берусь. Я впервые узнал о подготовляющейся реформе в половине марта 1918 года. Вернувшись домой поздно вечером, я узнал от моего отца, что к нему заходили т. М. Н. Покровский и П. К. Штернберг, и что все трое несколько часов говорили о предстоящей реформе. По рассказам отца, — насколько это у меня сохранилось в

памяти, — речь шла больше о недостатках старой школы, с которыми все три собеседника были хорошо знакомы, чем о формах новой.

Из трех участников этого совещания, — я думаю, — современное студенчество всего менее знает тов. П. К. Штернберга, а, между тем, оно его должно было бы знать. Он представлял собой редкое сочетание ученого и революционера-бойца: он принимал активное участие в пресненских боях 1905 года, был одним из руководителей боевых действий в Замоскворецком районе в Октябрьские дни 1917 года и активным участником гражданской войны в 1918/19 году — вплоть до своей смерти. Кроме того, он был... за-служенным профессором астрономии 1 МГУ и — директором астрономической обсерватории.

Тов. П. К. Штернберг был одним из организаторов первого совещания по реформе высшей школы, на которое были вызваны представители всех учебных заведений, не отрезанные фронтом гражданской войны.

Совещание состоялось в июне 1918 года. Незадолго до этого совещания проект положения о высшей школе (составленный недолго умершим тов. М. А. Рейснером) был прочитан в небольшом собрании, на котором присутствовали тт.: А. В. Луначарский, М. Н. Покровский, П. К. Штернберг, Д. Б. Рязанов, В. Н. Сторожев, Д. Н. Артемьев и пишущий эти строки. Заседание продолжалось очень долго; никаких

сколько-нибудь серьезных споров по поводу доложенного проекта не было. Первое совещание по реформе высшей школы открылось на следующий день после дево-зерского восстания. Делегаты собирались крайне медленно. Помню это хорошо потому, что мне пришлось быть в манлатной комиссии.

Вспоминается один маленький эпизод, весьма, однако, характерный для т. П. К. Штернберга. К нему с вопросом обратилась группа делегатов:

— Скажите, совещание, вообще состоится?..

— А почему же нет?

— Да как же, ведь вчера на улицах была стрельба?

На это П. К. с необыкновенно веселой улыбкой ответил:

— А разве сегодня стреляют?

— Нет...

— Ну, если начнется стрельба, мы возьмем винтовки и пойдем на улицу, а если стрельбы не будет, так что же может помешать нашему совещанию?..

Сказано это было с такой твердостью и бодрой уверенностью, что, насколько я помню, обступившие П. К. делегаты только молча и смущенно переглянулись и сейчас же перевели разговор на то, как будут распределены доклады и сколько дней продлится совещание.

На совещании этом подавляющее большинство не хотело и слышать о реформе. За отдельные положения, выставленные в проекте, высказалось несколько робких голосов. Как бы то ни было, совещание все-таки высказалось за необходимость вопроса о реформах обсудить на местах и через месяц собраться еще раз и выделить из своего состава представителей в комиссию Наркомпроса для переработки проекта нового устава к следующему совещанию.

Выделенные эти проявляли какую-то необыкновенную подозрительность, и в комиссии Наркомпроса, в которой мне пришлось принять участие, споры шли буквально из-за каждого слова.

Второе совещание собралось незадолго до взятия Казани Красной армией. Помню, как все делегаты в дождливое утро собрались в большую (ныне Коммунистическую) аудиторию на доклад т. П. К. Штернберга и выслушали следующее сообщение: проф. Штернберг не может сделать доклада, — в ночь на сегодня он получил назначение в армию и уже выехал по назначению.

Я хорошо помню, как через несколько недель, в первую годовщину Октябрьской революции, в газетах за подписью того же Штернберга была напечатана телеграмма о взятии Ижевских и Воткинских заводов. Вот в какой обстановке работали над реформой высшей школы десять лет тому назад.

В результате этих двух совещаний, получилось нечто удивительное: положение о вузах было уже выработано, но так и не было, однако, утверждено, хотя, правда, через несколько лет, в основном оказалось проведенным в жизнь.

По этому проекту каждая высшая школа разделялась на три ассоциации: научную, учебную и просветительскую. То, что представляло собой учебную ассоциацию была обычной организацией вуза, научная — осуществлялась в наших вузовских исследовательских институтах, просветительная — воплотилась в рабочих факультетах и воскресных университетах.

Больше всего нападок было на научную ассоциацию. Говорили, что это «обезначать преподавание». В числе приветствовавших это оформление и некоторое

обособление научной работы высшей школы был мой покойный отец К. А. Тимирязев; он по состоянию здоровья не мог присутствовать на совещании и поэтому изложил свои мысли о реформе в небольшой брошюре, которая была роздана членам совещания. Вот что он писал о научной ассоциации:

«С недавнего времени все чаще и чаще высказывается мысль, что современный истинный университетский ученый и на Западе, и, особенно, у нас подавлен своими обязанностями преподавателя: лекциями, практическими занятиями, а, главным образом, у нас доведенной до абсурда, системой хронической экзаменовки, представляющей позор и вопиющее зло наших высших школ, требующей коренной реформы или, скорее, искоренения. Учреждением научного отдела осуществится двоякая задача: во-первых, ученому, доказавшему свои способности двигать науку (и учить тому другим) будет обеспечен необходимый ему досуг и материальная обстановка оборудованной лаборатории и т. д.; во-вторых, страна получит возможность эту более ценную творческую деятельность ученого использовать более производительным образом, чем растрачивая ее на широко распространенную и доступную деятельность преподавательскую... Учреждение этого научного отдела может вызвать только сочувствие всех истинных ученых, хотя, конечно, встретится обычно предвзятое в этом случае возражение, — университет — не академия. А между тем, всякий, стоящий близко к науке, знает, что не академия, особенно не наша, двигали и двигают науку. Известны слова Гексли: „По счастью, в Англии не было академии“.

Против этой научной ассоциации яростно выступали наиболее консервативные настроенные представители профессуры и, к великому удивлению, еще совсем недавно сурьба научно-исследовательских институтов при вузах висела на волоске: по проекту НРКИ предполагалось их ликвидировать. Однако, постановлением Совета народных комиссаров этот наиболее жизненный план исследовательского института был утвержден. Только в тесной связи с вузом институт может получить необходимый ему приток людских сил. Нишней эти строки не раз высказывал мысль, что все институты, до ведомственных включительно, должны быть тесно связаны с вузами и вузами, но они, конечно, должны иметь свою, до известной степени обособленную, организацию и свой бюджет.

Как мы уже сказали, проект устава 1918 года принят не был. Был объявлен декрет, по которому каждый гражданин, достигший 16 лет, может посещать все лекции всех высших школ, были объявлены выборы всех профессоров и преподавателей, которые проработали более 10 лет, а все приват-доценты со стажем более 3 лет получили профессию. Наконец, один за другим стали открываться рабочие факультеты.

Нам всем, работникам высшей школы, крайне горько, сознавать, что реформа была отложена надолго. Но это было неизбежно. При господствовавших тогда настроениях преподавательской и студенческой массы не на кого было опереться: пришлось ждать, когда рабочие факультеты подготовят кадры пролетарского студенчества.

Осенью 1920 года в строительстве высшей школы были сделаны новые шаги. Прежде всего, был организован первый классовый прием, правда в весьма несовершенной форме и притом ограниченный размерами

медицинскими факультетами. Кроме того в Первом московском университете было проведено положение о временном президиуме. Пишущему эти строки пришлось быть членом этого президиума и председателем его научно-учебной комиссии, т. е., фактически, проректором по учебной части. Ректором был тов. Д. Н. Боголепов. Президиум на половину состоял из выбранных, наполовину — из назначенных.

Выбранные от профессуры и, особенно, от студенчества (кроме медфака и рабфака) всегда и по каждому поводу спорили, — работать было исключительно трудно, так как нового устава или положения о вузе еще не было, и большинство научных работников старый устав царской России считало для себя обязательным. Приходилось, пользуясь немногими указаниями Наркомпроса, прибегать к революционному творчеству и выдерживать отчаянную борьбу. Этот опыт был, однако, очень интересен, так как послужил материалом для составления ныне действующего положения о вузе, которое было принято на конференции 1921 года. Особенно интересен был опыт научно-учебной комиссии, в которой пересматривались те из решений факультетов, какие не утверждались ректором. Заседания комиссии проходили раз в неделю и занимали часа два-три; по всем делам были заранее назначены докладчики и, несмотря на порой ожесточенные споры, за это время мы успевали пропускать по 20—25 дел. И нельзя сказать, чтобы дела решались наспех. Мне кажется, что опыт этой комиссии мог бы сыграть большую роль и теперь.

Мы много работаем, а еще больше говорим о рационализации, но еще ничего не сделали для рационализации нашей „заседательской работы“, которая заставляет нас тратить время самым непроизводительным образом. Для этой работы очень трудно выработать какие-либо правила, и, мне кажется, надо было бы изучить условия работы тех комиссий, которые хорошо работают, а времени на это тратят мало. Это вопрос в наших вузах приобретает большую остроту: вся система управления вузами через предметные комиссии (выделяющие бесконечные подкомиссии), отделения и факультеты и их президиумы и бюро отнимает массу времени у наиболее активных научных работников, отвлекая их от занятий со студентами и от научной работы.

Остановилось еще на одной маленькой картинке из той поры, когда в студенческой массе хорошо мне знакомом физико-математического факультета I МГУ произошёл перелом. В эту пору в коммачейке физмата было всего 25 членов партии и кандидатов, опиравшихся на очень небольшую группу беспартийного студенчества. Всего на факультете было тысячи три студентов. Предстояли перевыборы академической

секции и вот небольшая кучка пошла в бой, выставив свой список и наказ. Перевыборы шли несколько дней и на перых двух курсах кончились нашей победой. В эти дни происходило почти непрерывное заседание ячейки, куда приходили совещаться записавшиеся ораторы. Помещение у нас было нетопленое с одной тусклой лампочкой, лестницы темные, на них поминутно спотыкались и падали, — многие ходили с повязками на лице от ушибов. Это „перманентное“ совещание, длившееся, кажется, три суток, по внешнему виду напоминало картину Ренина, изображавшую запорожцев, пишущих ответ турецкому султану. И было это не так давно, всего только осенью 1922 года.

С тех пор, как говорят, много утекло воды. Теперь мы можем уже говорить о пролетарском студенчестве, — многое изменилось и в наших планах преподавания, особенно по сравнению с тем, что было в дореволюционных высших школах. Хотя и медленно, но меняется и настроение профессуры. Оправдываются слова Ленина: „Инженер придет к признанию коммунизма не так, как пришел подпольщик, пропагандист-литератор, а через данные своей науки, — посвоему придет к признанию коммунизма агроном, посвоему — лесовод и т. д.“.

Что же надо сделать для того, чтобы этот процесс пошел быстрее?

Мне думается, что самое важное сейчас это тесная спайка всей научно-учебной работы вузов и втузов с производством. Об этом говорят очень много, и все-таки и до сих пор в наших даже самых крупных предприятиях не знают, что могут, что отчасти уже выполняют, и что могли бы еще выполнить научные работники и руководимые ими студенты в вузовских и втузовских лабораториях!

С другой стороны, и научные работники за немногим исключением не знают, какие очередные научные и научно-технические задачи встают перед теми, кто работают непосредственно в производстве.

Чем больше и чем прочнее будут устанавливаться связи вузов и втузов с производством, тем каждому научному работнику будет яснее, что только при строительстве социализма он сможет во всю ширь развернуть свою научную и научно-техническую работу и что в правильно составленном плане строительства найдут себе место и теоретические исследования, за судьбу которых многие боятся и которые только выиграют от того, что они найдут себе практическое приложение.

Это убеждено, что только с помощью науки и можно построить социализм и что только при социализме наука и может развиваться, — и приведет нашего научного работника „к признанию коммунизма“.

ПЯТЬ ЛЕТ ЦБ ПРОЛЕТСТУДА

ЦБПС минуло пять лет! Как будто можно уже писать о первых годах борьбы пролетарского студенчества за высшую школу. Но когда приступаешь к делу, то чувствуешь, как еще рано писать о прошлом. Вопросы недавнего прошлого в большинстве случаев до сих пор еще не потеряли своей свежести. Однако все это не мешает в день пятилетнего юбилея ЦБ поделиться тем, как работали и боролись первые отряды пролетарского студенчества за создание нового комсомола социалистического хозяйства и культуры, за «создание новой смены старой профессуры из новых советских людей».

1. В красном зале МК ВКП(б).

Осень 1922 года.

В красном зале МК партии происходила конференция коммунистического студенчества Москвы. Собравшиеся мало походили на обыкновенных студентов с золотыми пуговицами мундиров, белыми воротничками, синими фуражками, — нет, они напоминали скорее красноармейцев, так недавно сражавшихся в широких украинских степях, в горных хребтах Кавказа, в Уральских горах и за Уралом, на великом сибирском пути, на Перекопском перешейке, на ледяных полях Балтики, против мятежного Кронштадта. Да, многие из собравшихся были вчерашними бойцами Красной армии, недавно смотревшими в глаза смерти, на лицах их еще не зажили следы великих классовых битв.

Волею партии люди, переброшенные с фронта порохового дыма на фронт культурного строительства, не могли не перевооружиться, не приспособиться к новым условиям еще незаключенной классовой борьбы. Надо было выработать новые методы борьбы, надо было ковать новое оружие победы.

И в Красном зале Комитета партии на конференции обсуждались именно эти вопросы, выработывалась тактика наших действий в новых условиях борьбы. Обсуждались нужды пролетарского студенчества, подводились итоги классового приема в вуз и делалась крепкая наметка того, как организовать живую силу нового советского студенчества, которое фактически одно несло на плечах всю тяжесть строительства высшей школы.

На этой конференции я был делегатом от 1 МГУ. Для меня студенческая среда, вопросы студенческой жизни были совершенно неизвестны, но по горячим прениям я чувствовал всю важность обсуждаемых вопросов. Центральным пунктом работы был организационный вопрос: «О необходимости создания центрального бюро коммунистического студенчества». Вокруг этого вопроса боролись две точки зрения, — одна, защищаемая т. Иоффе, и другая — т. Зелинским. Тов. Иоффе так мотивировал правильность своей точки зрения: «Обстановка сложная, имеется целый ряд особых специфических задач политической борьбы, пролетаризации, проведения нового устава и т. д.

Первый состав ЦБПС 1922 г.

Необходимо, чтобы этот отряд партия организовала максимально централизованно, чтобы партия имела централизованно ученный опыт работы коммунистов в вузах, рабфаках и чтобы такой центр — ЦБ помог партия в решении всей сложной системы вопросов жизни вузов и рабфаков».

Аргументы т. Зелинского сводились к следующему: «Организационные принципы построения нашей партии исключают построение каких бы то ни было особых организаций, кроме производственных, по вузам, которые на общих основаниях должны входить в партийные районы. Сложные задачи, стоящие перед партией в вузах и рабфаках, нужно решать не посредством особых студенческих партийных межрайонных организаций, а посредством проявления интереса всей партии к этим вопросам, поскольку все эти вопросы являются частью общей работы партии по завоеванию влияния среди студенчества, с одной стороны, и по пролетаризации вузов, — с другой» (см. «Красное студенчество», № 4—5 за 1927/28 г., статья Зелинского — «Первый студенческий штаб»).

Конференция приняла точку зрения т. Иоффе и, решив вопрос о создании ЦБ положительно, однако влпютную вопросы о формах будущих беспартийных студенческих организаций не занялась. Разрешение этой задачи она возложила на новый состав ЦБ комстуденчества, а между тем и по этому вопросу уже существовали две точки зрения, защитниками которых были те же т.т. Иоффе и Зелинский.

Забегая вперед, кратко изложу их взгляды. Исходной точкой обоих была одна: новые студенческие организации должны быть классовыми. Но форму этих классовых объединений они мыслили различно. Так, например, т. Иоффе говорил, что наиболее подходящей классовой организацией беспартийного студенчества является союз стипендиатов. Ведь, на самом деле, кто получает у нас стипендию? — рабочие и крестьяне, дети трудовой интеллигенции, — в вузах они составляют солидное количество, почему бы их не организовать, и через них не проводить наше влияние на остальное студенчество и на жизнь вузов вообще?

Тов. Зелинский, выступая против этой точки зре-

ния, так мотивировал свое предложение (вернее идею т. Пурина, студента МВТУ) «Организация стипендиатов, это — „бутербродная“ организация, не охватывающая всего студенчества. Многие классово близкие к нам элементы, вследствие того, что не получают стипендий, останутся вне этого союза. И, наконец, что это за распределительский принцип построения студенческих объединений?»

Студентству надо объединиться по „образу и подобию“ организаций рабочего класса, т. е. в вузах должен быть тот же авангард — коммунистические ячейки и массовые организации беспартийного студенчества: профсоюзы, не говоря уже об органах советской власти, организации комсомола и т. д. Таким образом, основной организационной формой пролетарского студенчества должна быть профсоюзная. Она имеет те преимущества, что студенчество, во первых, не теряет связи с производством и своими массовыми организациями, во вторых, она объединяет все большие и большие слои студенчества и, наконец, дает возможность студентам получить от профсоюзов материальную поддержку и втиснуть их в строительство высшей школы.

На конференции обсуждался еще ряд важных вопросов, затрагивающих жизнь и быт нашего студенчества и высшей школы, однако на них и останавливаться не буду. Конференция в Красном зале МК закончилась в необычайной обстановке. Во первых, выборы всеююзного органа происходили на московской конференции, во вторых, секретарем ЦБ был избран человек, который все время выступал против организации ЦБ. В дальнейшем это обстоятельство отразилось на работе ЦБ, но об этом ниже.

Итак, осенью 1922 г. центральный штаб московское студенчества был избран в составе тт. Зелинского, Иоффе, Когана (Борисова), Восканяна, Гирконта, Торгованова и Моисеевой.

2. На Воздвижение.

Вновь избранное ЦБ комстуденчества разместило на Воздвиженке рядом с бывшим зданием ЦК партии, в одной из комнат двухэтажного маленького дома. Работа его началась в ненормальной обстановке. Разногласия, возникшие на конференции между тт. Зелинским и Иоффе, продолжались с новой силой. Правда, в большинстве случаев они были беспредметными, но серьезнейшим образом мешали работе. Идеино победившая на конференции сторона в самом Центральном бюро руководства не получила и, поскольку находилась в составе ЦБ, волей-неволей должна была за это руководство бороться. Но все понимали, что такое положение долго продолжаться не может, должен быть какой-нибудь выход. Положение осложнялось еще тем, что ЦБ, избранное на московской конференции, хотя и помещалось рядом с ЦК, но не было еще всеююзным органом. Для этого требовалась соответствующая санкция ЦК. А в ЦК дело с утверждением почему-то загибалось. Воспользовавшись этим обстоятельством, группа товарищей — Иоффе, Коган и Моисеева — подали в ЦК партии персональные заявления об их освобождении от работы в ЦБ. И когда мы собрались на заседание ЦБ после утверждения его состава ЦК, то с большим удивлением узнали об уходе со студенческой работы упомянутых товарищей. Новый состав ЦБ —

Зелинский, Восканян, Гирконт, Торгованов и Глебов (студент курсов при Комкадемии) — приступил к работе без особых трений и разногласий. Это сказалось на работе положительно, а работы было хоть пруд пруди. Основная центральная задача ЦБ комстуденчества была в том, чтобы создать массовые и в то же время классово выдержанные студенческие организации с центральным руководством.

Но прежде чем перейти к организации в вузах профсекций и в частности ЦБ пролетарского студенчества при ВЦСПС, бегло остановлюсь на некоторых моментах работы самого ЦБ комстуденчества. Может быть, они не особенно важны сами по себе, но чрезвычайно характерны для того периода.

Естественно, в работе своей ЦБ сталкивалось со всеми областями жизни студенчества и строительства высшей школы. Не надо забывать, что в те годы огромная часть тяжести завоевания высшей школы лежала на плечах партийного и небольшого кадра пролетарского студенчества. Студент партиец и активист в то время учился очень мало и очень плохо. Он с утра до вечера работал в бесконечных организациях и учреждениях вуза. Дело доходило до того, что вся эта вузовская суетня выработала даже своеобразную идеологию: совершенно серьезно высмеивали тех коммунистов, которые все-таки пытались учиться, — обвиняли их в академизме, в отрыве от общественной, партийной жизни. И чтобы нагрузить общественной работой все, порою выдумывали совершенно ненужные, никемые организации. Это обстоятельство очень подробно критикует т. Бухарин в своем докладе на XV съезде партии. И само собою понятно, что ЦБ не было свободно от этих „пороков“. Но наряду с этой вузовской суетней там выковались новые, очень здоровые традиции. Борьба со старыми, отравительными религиозными традициями, с эсеро-меньшевистскими шептунами велась, как говорится, „на ять“. И одним из эпизодов такой борьбы было учреждение общестуденческого дня против старого, реакционно-религиозного студенческого праздника, так называемого „Татьянина дня“.

„Татьянин день“ в руках старого студенчества и реакционной профессуры был оружием духовного угнетения учащейся молодежи, а в условиях советской действительности — легальным средством борьбы коммунистическими идеями. Официально запрещать этот „праздник“ не имело смысла, надо было вести борьбу так, чтобы отвлечь от него студенчество. Для этого, взамен религиозного праздника, требовалось выдвинуть какой-нибудь новый — революционный.

Откровенно говоря, ЦБ само не смогло быстро выдумать этого нового праздника. Обратились к помощи МК партии. Тов. Зелинский, секретарь МК, рекомендовал общестуденческому празднику наметить какой-нибудь день, совпадающий с революционным массовым выступлением студенчества в прошлом, и сам же указал на 8 февраля 1899 года. Мы за это и ухватились. Поручили т. Торгованову оформить дело: собрать соответствующие исторические данные и подкрепить их соответствующим марксистским анализом. Торгованов — большой энтузиаст, за каждое новое дело берется с увлечением, за оформление „общестуденческого дня“ он принялся горячо. „Сорок дней и сорок ночей“ он провел в Центральном, пылко наглотался вдоволь, но собрал нужные сведения.

После этого мы пошли к т. М. Н. Покровскому

за консультацией. Он одобрил наш замысел, сам же сообщил еще новые сведения о происхождении „Татьянина дня“. После этой подготовительной работы ЦБ постановило 8 (21) февраля считать общестуденческим днем и ежегодно его праздновать. По этому случаю было поручено г. Торгованову написать воззвание ко всему студенчеству и организовать торжественное заседание в Колонном зале Дома Союзов. Торгованов выполнил поручение ЦБ. Воззвание напечатано в типографии МК партии, и за несколько дней до торжественного заседания оно было уже готово. Сам Торгованов был очень увлечен этой работой. Он часто заходил в МК партии и информировал меня о ходе подготовки. С особенной радостью он подчеркивал, что на заседании выступят старые большевики, а затем, быстро повернув разговор в другую сторону, указывая на кипу воззваний ЦБ, лежащих у меня, говорил: „А, ведь, удачно намечен день общестуденческого праздника. Ведь 8 февраля в прошлом создало свои праздники, свои песни в студенческой среде. Ведь не случайно, что и до сих пор участники 8 февраля поют „нагаечку“. И, увлекаясь, сам начинала подпевать:

„Нагаечка, нагаечка.
Нагаечка моя,
Помни нагаечка
Восьмое февраля“...

Вечер, организованный Торговановым в Колонном зале, прошел блестяще. Только с самого начала вечера у входа был небольшой конфликт. Собралась масса „безбилетников“ которые требовали впустить их в зал. Торгованов хотел, чтобы на этом вечере был образцовый порядок, поэтому сопротивлялся, а те напирали. Он решил призвать их к сознательности, устроил митинг и произнес речь, чтобы безбилетники ушли, но это не произвело должного впечатления. После митинга „безбилетники“ еще сильнее нажали на дверь и выдвинули стекла. Торгованов уже собрался вызвать милицию, но, посоветовавшись с нами, решил пустить всех безбилетников и этим ликвидировать „инцидент“. Говорят, что и во „втором доме советов“, где был устроен вечер 2 МГУ, был такой же инцидент, но по полученным ЦБ сведениям, во всех остальных вузах и городах все прошло великолепно. Таким образом, в противовес старому религиозному празднику — „Татьянин день“ — был учрежден революционный „общестуденческий праздник“, связанный с массовым выступлением петербургского и московского студенчества 8 февраля 1899 года.

Этот праздник сослужил свою службу. Внимание учащейся молодежи было обращено на другое: „Татьянин день“ постепенно был вытеснен и забыт. Впоследствии этот общестуденческий день стал ненужным и постепенно отмер.

Важным моментом в работе ЦБ было издание печатного органа журнала „Пролетарское студенчество“. Первый номер вышел в апреле 1923 г. Журнал был интересным, с богатым содержанием и руководящими статьями. Однако ему не было суждено долго существовать: после первого же номера он перестал выходить. Причиной этому послужило идейное расхождение между работниками журнала и ЦБ. В журнале работали главным образом товарищи из комвузов, а тогда в некоторой части студенчества комвузов и рабфаков был так называемый „енчинизм“ (по имени автора нескольких путных брошюр „О новой фило-

софии“, „О новой науке“; критику этих енчиновских открытий см. у т. Бухарина в его книге „Атака“), и влиятельная часть редакции была заражена этим „енчинизмом“ и подготовила к печати второй номер журнала в „енчиновском духе“, ничего не сообщив об этом ЦБ. Такое поведение редакции, ясное дело, не могло встретить сочувствия ЦБ, — нельзя было допустить чтобы под фирмой официальной организации издавались енчиновские упражнения небольшой кучки товарищей! Ясно, что мы должны были задержать выход второго номера и, раскраснев состав редакции, назначить новую редакцию. Но второй номер так и не вышел. Помехой этому послужили наступившие каникулы, когда работа среди студенчества прекращается, а также назревший кризис в самом составе ЦБ. Руководитель ЦБ, его секретарь, сильно заболел и принужден был уйти из состава ЦБ навсегда. Торгованова постигла та же участь.

Кризис, назревший в ЦБ в июле 1923 г., был кризисом не одного ЦБ, а всей той организационной системы, которая породила и ЦБ комстуденчества. ЦБ, как руководящий орган, далеко стояло от студенческой массы. Хотя оно и имело письменную связь с местами и посылало своих представителей в провинцию, но вообще-то было слишком оторвано от студенческой среды, для того чтобы смочь объединить и организовать все пролетарское студенчество. Доказательством может служить хотя бы то обстоятельство, что рабфаковцы, опора ЦБ комстуденчества, неоднократно легально и даже нелегально пытались создать свою самостоятельную организацию. Вместо того чтобы понять сущность этого рабфаковского движения, ЦБ боролось с ним и тем самым еще больше отрывалось от масс, — ходом событий оно должно было стать перед жестоким кризисом. И дальнейшие мероприятия должны были быть направлены не на восстановление ЦБ комстуденчества, а на его удачную ликвидацию, на создание такой организации, которая могла бы мобилизовать творческие силы широких беспартийных масс пролетарского студенчества.

3. Во дворце труда.

Профессиональные секции в вузах и рабфаках организовывались стихийно: профсоюзы за три года в один только рабфак посылали своих членов около 30 тысяч человек, а в вузы за один только 1922/23 г. 12 тысяч. Но помимо профсоюзов в комплектовании советской высшей школы принимали участие и партийные, комсомольские и советские организации, которые тоже посылали в вузы и рабфаки в большинстве случаев членов профсоюзов, так что к началу 1922/23 учебного года число членов профсоюзов в вузах можно было насчитать около 60 000 человек, если не больше. По отношению ко всему студенчеству вузов и рабфаков это составляло около 43%. Это был солидный человеческий материал, чтобы от стихийных форм организации студенчества приступить к более плановой, сознательной. ЦБ комстуденчества очень серьезно содействовало этому переходу. Но дело было нелегкое. Надо было еще очень многим доказывать целесообразность создания в вузах профсоюзных объединений студенчества, их межсоюзных организаций (Губбюро) и самого ЦБ Пролетстуда при ВЦСПС.

Помню, как трудно было убедить президиум ВЦСПС в необходимости организации студенчества по про-

фессиональному принципу. Особенно оживленные прения вызвало наше предложение организовать при ВЦСПС ЦБ пролетарского студенчества. Не раз пришлось мне ездить на Солянку 12, во Дворец труда, к гг. Сенюшкину, Антипову и другим — согласовывать будущий устав профсоюзных студенческих организаций. Президиум ВЦСПС два два, кажется, обсуждал этот вопрос. Первый раз наше предложение было отклонено. Второй раз, только после детального обсуждения, решено было создать временное центральное бюро пролетарского студенчества при ВЦСПС и одобрить профессиональную форму организации. В состав временного ЦБ Пролетстуда входили Восканян (ответ. секретарь), Шабловский, Хохлов (зав. академ. секцией), Гирконт, Веселов (зав. культсекцией), Юрисов (зам. секретаря), Димитроченков (зам. экономсекцией). Из этого состава только Веселов не был студентом, но работал не хуже любого из нас. Любил он это дело, занимался студенческими вопросами с особой заботливостью. Кто из тогдашних студенческих работников не помнит г. Веселова, жизнередастного, вечно веселого старого металлста и члена партии! С ним как-то легко было работать, мы забывали все трудности, заражались его смехом, веселостью и с юношеским задором рвались в бой со всеми препятствиями, встречающимися на нашем пути.

Итак, в 1923 году, по постановлению президиума ВЦСПС, начало функционировать Всесоюзное центральное бюро пролетарского студенчества при ВЦСПС. С этого момента начинается новый этап в жизни нашего студенчества. С организацией ЦБ Пролетстуда кончается свою работу ЦБ комстуденчества при ЦК партии.

4. Первое Всесоюзное совещание.

В наследство от ЦБ комстуденчества мы получили только адреса и фамилии отдельных лиц, работающих среди студенчества. Надо было строить все заново. А строить было не так легко. Не было денег, не было поддержки, а главное у руководителей вер-

хушки ЦБ было очень мало опыта профессиональной работы, поэтому первые месяцы его работы шли как-то незаметно, вяло. Но затем и мы постепенно освоились с новыми условиями, и к нам привыкли, — мы начали больше проявлять себя, давать знать о себе и о своей работе. Первым делом мы начали усилить и укреплять аппарат ЦБ студентами „добровольцами“: организовали различные секции, приблизительно по типу тогдашнего Главпрофобра, выделили своих представителей в различные секции Гуса, начали завязывать связь с Госиздатом, взялись всерьез завоевывать Центральную степендиальную комиссию, а главное отдел обслуживания Главпрофобра.

Месца через 3—4 ЦБ стало уже совершенно реальной силой, с которой считались всюду. Редко без нас решались вопросы, касающиеся жизни и быта студенчества. И мы начинали выходить из пассивной роли: если раньше мы ждали, когда нас позовут и спросят, то теперь сами уже стали выдвигать проекты и предложения, направленные к улучшению быта студенчества. Постепенно мы стали активной силой, с которой уже не могли не считаться.

Параллельно с укреплением нашего центрального аппарата, мы усиленно старались регулировать то стихийное движение, которое создалось в связи с переходом организации студенчества на профессиональные рельсы. Наша связь с местами началась оживляться. Во многих городах появились уже губернские бюро Пролетстуда при губпрофсоветах. Национальные республики потянулись за РСФСР. На Украине, в Грузии, Азербайджане и в ряде других крупных центров организовались студенческие профессиональные объединения. Наряду с этим возник и целый ряд вопросов, требующих обсуждения и общего решения. На почве общего оживления профессиональной работы на местах и в центре среди студенчества возникла идея созыва всесоюзного совещания, где можно было бы подытожить опыт проделанной работы, подвергнуть обсуждению спорные вопросы движения. Это было необходимо еще и потому, что ЦБ было временным, назначенным, и требовалось подкрепление его авторитета. Таким образом,

почва для такого совещания была вполне подготовлена, и созвать его надо было более или менее организованно.

Первое всесоюзное совещание было созвано в 1924 г., 23 марта. Оно продолжалось три дня и проделало колоссальную работу. В первую очередь оно подвергло обсуждению организационную форму профессиональных секций. Принципиально все признавали, что организация пролетарского студенчества по профсоюзной линии — наиболее подходящая форма. Но возникли разногласия о том, как организовать сами профсекции, по какому признаку принимать членов. Большинство совещания считало нужным перейти на производственный принцип, т. е. зачислять студента в тот

Студенты ТСХА на тракторных испытаниях (опытная станция академика).

или другой профсоюз по его будущей специальности. Большинство это отвергло, стоя за статус кво, т. е. за принадлежность к тому или иному союзу до поступления в вуз. Эта последняя точка зрения и победила. Соответствующее место резолюции совещания гласит: „Професии ставят основной своей задачей сохранение связи рабочих и служащих, посланных фабриками и заводами в вуз и рабфак, со своими производственными союзами, и в силу этого следует подтвердить построение професии по принадлежности студентов к тому или иному союзу во время его работы на предприятии и отклонить предложение о построении професии по принципу будущей специальности“ (т. е. по производственному принципу.—Г. В.).

Это означало, что в вузах должна была продолжаться существование множественность студенческих организаций, но постановление это имело свои глубокие корни. Впервые, профсоюзы материально помогали своим членам. Реорганизация професии означала лишение этой помощи многих пролетариев, и, вторых, сами профсоюзы не были еще подготовлены к восприятию смысла этого изменения, и, наконец, еще во многих местах, даже и в центре, студенческие организации еще не вошли в быт профсоюзов, и на студентов еще смотрели око. Все это было достаточно веским мотивом для того, чтобы принести в жертву материальной необходимости организационную стройность в вузах.

Б. Переходный период.

Между I Всесоюзным совещанием и I Всесоюзной конференцией — год времени. За этот период происходили события чрезвычайной важности. Впервые, в мае 1924 года мы имели XIII съезд партии, вторых, в ноябре того же года VI съезд профсоюзов СССР, третьих, в январе — постановление Оргбюро ЦК партии о работе среди студенчества, в феврале — Всесоюзное совещание секретарей вузовских ячеек и, наконец, в мае 1924 года — академическую проверку студенчества.

XIII съезд партии заслушал специальный доклад т. Бухарина о работе среди молодежи. Докладчик специально остановился на жизни вузовских партийных и комсомольских организаций, подверг резкой критике их работу, множественность студенческих организаций, указал съезду на неприглядное материальное и академическое положение студенчества. В результате этого доклада было то, что XIII съезд в своих резолюциях наметил пути дальнейшего улучшения положения студенчества и упрощения его организаций.

Резолюции XIII съезда и легли в основу работы как Наркомпроса, так и ЦБ студенчества. Первым конкретным проявлением осуществления директив партии была академическая проверка состава студенчества.

В общедоме Вхутемса (Москва).

Академическая проверка взволновала все толщи студенчества и наделала много шума. Было много и ошибок, и несправедливости. Дело было тяжелое, за-тяжное. Во все водворот этой проверки были втянуты все студенческие организации. На долю ЦБ пала тяжелая ответственность — одновременно и проявить защиту интересов пролетарского студенчества, и способствовать государственным органам вычистить из вузов академический балласт и социально вредные элементы. Несмотря на весь шум, поднятый по этому поводу внутри страны и за границей, несмотря на бешеное сопротивление реакционной профессуры, академическая проверка имела свои положительные стороны: 1) она освободила вузы от студенческого балласта, от людей, которые не учились, а занимались политиканством и манкировали; 2) подняла на должную высоту учебную дисциплину и академическую успеваемость; 3) улучшила социальный состав студенчества и 4) до некоторой степени улучшила и материальное положение вузов и студенчества.

Если вопрос о сокращении количества вузов и учащихся практически решался сравнительно быстро, то вопрос о сокращении количества студенческих организаций решился не так быстро, ибо большей частью он упирался в наличие множественности професий. На самом деле, если вспомнить тогдашнюю организационную схему профсоюзов в вузах, то только в одних крупных вузах имелось до 80 организаций.

Несмотря на это, профсоюзы не хотели идти по линии сокращения. С другой стороны, от I Всесоюзного совещания студентов до VI съезда профсоюзов прошло уже около 8 месяцев. За это время многое изменилось. ЦБ пришел к тому выводу, что пора взяться за сокращение професий, перейти на производственный принцип их организации. Тем более, когда по этому вопросу уже есть директива XIII съезда партии. Центральное Бюро профсоюзов этот поставило на VI съезде профсоюзов. Съездом было принято половинчатое решение. В резолюции по этому вопросу сказано: „Съезд, подтверждая в общем ра-

нее принятые принципы построения профессиональной секции по принадлежности студентов к тому или иному союзу до его поступления в вуз, вместе с тем признает возможным в вузах, готовящих работников, будущая специализация которых предопределена самым характером вуза, как медиков, педагогов и т. п., перестройку профессиональных секций по принципу будущей специальности студентов данных вузов* (см. Бюллетень VI съезда, № 6, стр. 36—37).

После VI съезда профсоюзов вопросами студенческих организаций начинает вплотную заниматься ЦК партии. И форм студенческих объединений он не обходит молчанием. Все это находит отражение в январских постановлениях ЦК (1925 г.). Ясно, что и партия и профсоюзы считают единственно целесообразной формой — объединение пролетарского студенчества в профессиональные секции.

Возражал и выступал против этой формы и держал себя изолированно от всесоюзного студенческого движения Ленинград, второй вузовский центр Республики. Это было наше самое уязвимое место. И при существовании ЦБ комстуденчества Ленинград обособлялся, и тогда его нельзя было втянуть в орбиту всесоюзного студенческого движения. А сейчас, когда всюду выросли профсоюзные организации, когда по всей стране мы имели единую систему организации, когда ЦБ превратилось в крупный организационный центр, когда его все признавали за единственного представителя пролетарского студенчества, когда фактически оно занималось и делами Ленинграда, когда и в Ленинграде стихийно возникли профсекции в отдельных вузах, — тогда немисливо было продолжение изолированного положения Ленинграда. Надо ставить вопрос со всей большевистской резкостью: или система, существующая по всему Союзу, правильная и общепризнана, тогда и Ленинград тоже должен войти в эту систему, или — ленинградская организационная форма верна, и именно она и должна быть общепризнанной.

В чем же заключались организационные формы Ленинграда? Ленинградцы признавали для вуза общестуденческий комитет без всякого профсоюзного объединения, в каком бы то ни было масштабе. Почему они на этом настаивали? Потому что они утверждали: профсекции объединяют не всех студентов, часть студенчества остается „дикой“ и не поддается нашему воспитательному влиянию. Испробовано профсекций тоже с этой задачей не справляется, так как оно есть тоже чисто профсоюзная организация. Объединять „студкомы“ нет нужды, поэтому не нужно ни Губерно, ни ЦБ Пролетстуда. Но жизнь являла лучшей критикой этой точки зрения. Эта концепция была отвергнута и соответствующими руководящими органами: резкой критике она подверглась в феврале 1925 г. на совещании секретарей вузовских членек. Это совещание постановило: „Опыт работы общестуденческих организаций (студкомы), примененный в ленинградских вузах: а) усложняет структуру вузовских организаций, б) ослабляет влияние профессионально организованного студенчества на несоюзное, в) уменьшает влияние профессиональных организаций на реформу высшей школы и на установление связи с производством. Поэтому совещание считает необходимым распространение единой формы студенческих органи-

заций, установленной циркуляром ЦК, и на ленинградские вузы“ (см. материалы „О работе членек РКП(б) в вузах“, стр. 134).

После этих решений Ленинграду надо было сделать соответствующие организационные выводы. И он сделал. Кажется, в конце марта или в начале апреля 1925 г. я выехал в Ленинград на I губернскую конференцию ленинградского пролетарского студенчества для приветствия от имени ВЛКСМ и ЦБ Пролетстуда и для отчета о деятельности ЦБ.

6. „Красное студенчество“.

С первых дней своего существования ЦБ думало о создании своего печатного органа: всесоюзного боевого студенческого журнала. Сознывая всю важность и необходимость такого дела, ЦБ, однако, было бесильно сразу приступить к его осуществлению. Требовалось около десяти месяцев предварительной работы, прежде чем оно могло приступить к изданию своего журнала. Не раз приходилось ходить в различные учреждения, имеющие касательство к издательскому делу, не раз созывать совещание студенчества и знатоков этого дела, и каждый раз обязательно находились какие-нибудь препятствия. Отчаявшись в том, что можно наладить дело издания журнала собственными силами, я пошел в Отдел печати ЦК партии просить помощи и поддержки. Тогда во главе этого отдела стоял т. М. Яковлев. Он знал о журнале ЦБ комстуденчества. Я изложил ему наши соображения о необходимости издания общестуденческого журнала. Выслушав меня, он кратко ответил: „Мужик не может издавать два студенческих журнала, — надо иметь один“. Этот ответ меня озадачил: „Т. е. как это два журнала? Мы-то ведь просим не два журнала, а один? Откуда это получается два журнала, когда и одного с нас хватит“?

Потом оказалось, что т. Яковлев на нашем дебете считает и издаваемый Отделом рабфактов журнал „Знамя рабфактовца“ понятным было, что речь шла о слиянии двух и о создании одного общестуденческого журнала. Я из ЦК направился в Наркомпрос к т. Вихиреву для переговоров о слиянии „Знамени рабфактовца“ с нашим, несуществующим, но предположенным к существованию журналом.

В Отделе рабфактов мы долго спорили, — о бедности мужика говорил и я, приводил кучу доказательств необходимости одного общестуденческого журнала. К моей радости, я чувствовал, что Отдел рабфактов идет на уступки. И, наконец, было принято, что „Знамя рабфактовца“ можно слить с будущим журналом. Однако чувствовалось, что Отдел рабфактов хочет в этом журнале получить гегемонию. Я все время старался не „закабалить“ ЦБ различными уступками, „неравноправием и договорами“, хотя и знал, что самое важное — добиться согласия издавать один общестуденческий журнал, что потом он все равно будет нашим, т. е. ЦБ студенчества, ибо явится единственным студенческим органом во всесоюзном масштабе. Моя твердость объяснялась еще и тем, что я был уже информирован о материальной стороне „Знамени рабфактовца“, которое „дышло на ладан“, — поэтому если не сегодня, так завтра Отдел рабфактов должен будет согласиться на издание общестуденческого журнала.

После принципиального согласия Отдела рабфактов ЦБ внесло список редколлегии нового журнала на утверждение в Отдел печати. ЦК утвердил редкол-

легню в следующем составе: Молотов В. П. (ответ. редактор), Цейтлин Борис (зам. редактора), Восканян, Шуров, Колеснев и Коваленко (члены редколлегии). Согласно Вячеслава Петровича взялся редактировать студенческий журнал нас особенно радовало. Многие скептики думали, что т. Молотов не будет активно работать в силу своей занятости. Мы этого тоже опасались. Но на деле получилось иначе: т. Молотов оказался незаменимым руководителем журнала. Он очень подробно интересовался всеми сторонами жизни журнала, аккуратно руководил заседаниями редколлегии, но и он этим не довольствовался. Самое ценное, самое главное — он учил товарищей работать, был нашим старшим другом и учителем. От его присутствия журнал очень много выигрывал.

7. I Всесоюзная конференция.

I конференция была созвана 13/IV 1925 г. Она подтожила всю работу, окончательно сформулировала и отшлифовала основные положения организационных принципов профсоюзных объединений пролетарского студенчества. Мы думали, что на этой конференции соберется не больше 150—170 делегатов, но жестоко ошиблись: на конференции собралось около 300 человек. Тата низовых организаций к конференции была огромна.

Но если в организационном смысле I Всесоюзная конференция не вынесла ничего нового, то в деле определения политических задач пролетарского студенчества она впервые дала ясную, исчерпывающую формулировку. Это было сделано т. Сталиным в его знаменитом письме, адресованном конференции. Появление этого письма было результатом встречи нашей делегации, избранной на первом же заседании конференции, с т. Сталиным.

В чем сущность этого содержательного письма?

Победивший в нашей стране пролетариат приступил к строительству социализма. Для полного строительства социализма наша страна имеет все данные. Роль пролетарского студенчества в этом строительстве «важная, если не первостепенная». «Нельзя строить нового общества без нового комсомола»... «Преимущество нового комсомола состоит в том, что он призван строить не для эксплуатации трудящихся». И потому — Первая задача заключается в том, «чтобы пролетарское студенчество стало сознательным строителем социалистического хозяйства и социалистической культуры».

Вторая задача заключается в том, «чтобы пролетарское студенчество рассматривало себя, как неразрывную часть трудящихся масс, добиться того, чтобы студенты чувствовали себя общественниками и вели себя как подлинные общественники».

Третья задача, чтобы коммунисты-студенты сумели сочетать общественную работу с делом овладения наукой: «Овладеть наукой и создать новую смену старого профессорского состава из новых советских людей».

Вот те задачи, которые были поставлены года три назад перед пролетарским студенчеством. Можно ли сказать, что эти задачи устарели? — Нет, наоборот, они все время получают новые и новые подтверждения своей актуальности из практики советской действительности.

Заканчивая свои беглые очерки, хочу подчеркнуть, что после I Всесоюзной конференции в жизни нашего пролетарского студенчества начинается новая полоса за овладение наукой. Полоса подготовки смены старых профессоров и инженеров, полоса создания новых «советских людей».

1-я всесоюзная конференция пролетстуда 1925.

10 ЛЕТ

Проф. Е. МАРЦИНОВСКИЙ

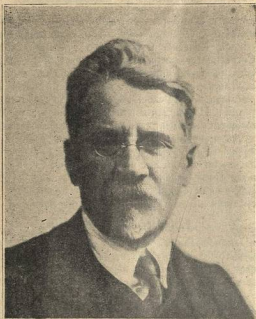
Волны революции, которые смели все гнилое, разрушающееся в нашей стране, не могли не освежить и несколько нездоровую атмосферу нашей высшей, в частности медицинской, школы.

Тяжелые годы эпидемий ясно показали нам, что врачи, которых выпускают наши университеты, недостаточно подготовлены для своей ответственной работы. С другой стороны, было ясно, что, для того чтобы сделать население здоровым и устойчивым по отношению к эпидемиям и вообще в борьбе за свое существование, необходимо перевоспитать его, выдвинув на первый план вопросы гигиены, санитарии и широкого санитарного просвещения масс. Что касается медицинских факультетов, то также стало совершенно очевидным, что, в связи с новыми задачами, преподаванию на них необходимо придать иной характер. И вот около 10 лет тому назад вопрос о постановке преподавания в высшей медицинской школе был поставлен на очередь благодаря энергичной деятельности небольшой инициативной группы, в которую, в качестве наиболее активных работников, входили: Брускин, Заблудовский и др. Эта инициативная группа, привлекая отдельных профессоров, провела большую работу по пересмотру всего плана преподавания в высшей медицинской школе по составлению программ, ликвидации некоторых устаревших кафедр и созданию новых, в связи с требованиями новой жизни.

Здесь трудно говорить о колоссальной работе, проделанной за те годы; я отмечу только, что в основу общего плана преподавания на первый план была выдвинута профилактика, которую по идее должны были быть проникнуты все клинические дисциплины. В связи с этим видное место в преподавании высшей школы должна была занять кафедра гигиены. Нужно отметить, что введение этой кафедры вначале вызвало большое сопротивление со стороны представителей клинической медицины.

К группе профилактических кафедр необходимо отнести и клинику инфекционных болезней, так как в борьбе с эпидемиями особенно ярко проявляется значение профилактики.

Эти кафедры были организованы при всех медицинских факультетах, но нужно сознаться, что и до сих пор деятельность их не проявлялась в должной мере, и постановка преподавания на них должна быть значительно улучшена. Причиной этого являются недостаток квалифицированного персонала и некоторые другие моменты, о которых здесь говорить не место.

ПРОФ. Е. МАРЦИНОВСКИЙ

Однако жизнь показывает, что все эти недочеты почти изжиты, и врачи последних выпусков с успехом развивают на местах свою деятельность по борьбе с эпидемиями.

Большие споры и сомнения вызвала кафедра частной патологии и терапии. Вначале было решено эту кафедру совершенно ликвидировать, оставив ее только в некоторых крупных центрах, где она была обеспечена и помещением и соответствующим опытным персоналом.

В таких условиях проходила тяжелая черновая работа по пересмотру плана преподавания в высшей медицинской школе.

В первые годы возникновения Наркомпроса при Главпрофобре была организована особая комиссия по медицинскому образованию, куда поступали все проекты и планы преподавания и где решались чрезвычайно важные вопросы, касающиеся университетской жизни, выбора профессуры и другого преподавательского персонала и т. д.

Я имел честь в течение долгого времени быть членом этой комиссии и считаю своим долгом отметить ту колоссальную работу, которая там была проделана под председательством Раухваргера, затем Ружейникова и Броннера, по окончательному оформлению всех планов преподавания в высшей медицинской школе и по созданию отдельных медицинских вузов, и пр.

Первые годы после революции большие требования на медицинский персонал дали толчок к организации медицинских факультетов и университетов. Более крупные губерские центры в деле создания медицинских факультетов проявили большую инициативу на местах. Однако в дальнейшем выяснилось, что не все медицинские факультеты обеспечены хорошо и помещением, и оборудованием, и особенно персоналом, и через несколько лет некоторые из них были закрыты.

В комиссии нередко происходили горячие дебаты и схватки различных представителей медицинской мысли.

Оглядываясь назад на прошедшее десятилетие, нельзя не задуматься над вопросом, насколько полезна была эта реформа высшей медицинской школы. Нужно оговориться, что те идеалы, к которым стремились при создании нового профилактического направления в высшей школе, еще и сейчас не вполне достигнуты, и, тем не менее, мы должны сказать, что врачи выпуска последних лет являются ценными работниками на народной ниве, и то здоровое поколение, которое растет в настоящее время, многим обязано улучшению постановки медицинского образования.

И. Д. УДАЛЬЦОВ

СОВЕТСКИЕ ВУЗЫ

Как известно, наши вузы далеко не сразу после Октябрьской революции приступили к своей реорганизации. Можно сказать, что и до сих пор еще в жизни наших вузов сохранилось немало такого, что требует своего устранения, — эти пережитки тяжелых гирями висят на теле обновляющегося организма вузов, мешают их творческой преобразовательной работе.

Нужно вновь и вновь приковывать внимание нашей советской общественности к жизни наших вузов, помогать им преодолевать те препятствия, которые порой даже и не под силу отдельному вузу.

В разных направлениях протекала преобразовательная работа. По одним из них мы уже можем подводить итоги, констатировать достижение поставленных целей. Это, прежде всего, — изменение кадров учащихся. Здесь приемами последних 2—3 лет окончательно разрешена проблема пролетаризации наших вузов, рабоче-крестьянский состав доводится до 60—70%, значительно выросла и партийно-комсомольская прослойка, достигающая в отдельных вузах также до 50—60—70%, а на отдельных факультетах (фак-тет Совправа 1 МГУ) даже до 91%. Широко развертывается общественно-бытовая сторона жизни студенчества. Не говоря уже о партийно-комсомольских организациях, начинает широко развертываться и клубная работа, с различными видами спорта и занятиями об общем физическом воспитании молодежи.

Мало-помалу вузы для студенчества становятся не только организаторами его учебы, но и его затростов.

Конечно, много и здесь есть тяжелых моментов, — переполненность и недостаток общежитий, недостаток количественный и недостаточность качественная стипендий, — все это еще слишком остро стоит и в настоящее время. Но все же установка здесь уже дана, остальное — вопрос времени, государственного бюджета и энергии, проявляемой самим студенчеством. На другой полосе вузовской жизни — на составе профессоры наших вузов — преобразовательная работа отразилась еще слишком слабо, явно недостаточно.

В дальнейшем необходимо сделать еще один шаг — теснее связать наши клинические учреждения с соответствующими научными учреждениями Наркомздрава, и Наркомздрава, а также с другими профилактическими учреждениями, которые густой сетью покрывают теперь наш Союз. Далее, нужно поставить в еще лучшие условия студенчество, чтобы, сделавшись более независимым в экономическом отношении, оно, наряду с учобой, могло уделять больше времени и внимания своему общему образованию.

Будем надеяться, что все тяжелое осталось позади, и что новый врач внесет свою лепту в оздоровление нашей страны, которая твердыми шагами идет к светлоте будущего.

В основной своей части во всех вузах (кроме общественных) кадр профессоры — прежний. Даже наиболее молодая часть преподавательского состава — ассистенты, аспиранты — в основной массе своей та же. Проблема подготовки смены научных работников еще в самом начале своего разрешения. Здесь предстоит долгая и упорная работа.

Но и работа с наличными кадрами научных работников недостаточно налажена внутри наших вузов, — большинство их остается вне жизни советской общественности, не втнуто в нее, хотя и не всегда по своей вине.

Мы недостаточно умело подошли к этой задаче, — как следует еще не осознали всех возможностей на этом пути, не выработали плана своей работы в этом направлении.

А между тем здесь многое и многое можно сделать уже теперь. Кое-что, конечно, и здесь делается, есть и сейчас уже кое-какие достижения. Уже простой факт преподавания в наших советских вузах, постоянное соприсхождение с пролетарским студенчеством, пользование новыми активными методами преподавания, — все это в состоянии преобразующее действовать на идеологию нашей старой профессоры, втягивая ее в активное разрешение стоящей перед советской властью задачи подготовки из пролетарских слоев новых «красных социалистов».

Большое значение имеет и увязка научно-исследовательской работы с практическими задачами социалистического строительства в нашей стране, заставляя наших ученых специалистов жить жизнью строящегося нового коммунистическую культуру рабочего класса.

Но есть еще одна область, где работа еще почти не велась. Это — область научной популяризации, к которой наши вузовские научные коллективы пока еще в сколько-нибудь организованном виде почти вовсе не привлекались.

А между тем в этих коллективах заложены большие возможности, запасы неизрасходованной научно-популяризаторской энергии представляют собой богатейший, почти неиссякаемый источник.

Это дело нужно во что бы то ни стало организовать. Надо дать выход общественным устремлениям преподавательского персонала и в этом направлении, — это будет новым привидным ремнем, связывающим его с общей советской общественностью и с широкими трудовыми массами.

Вместе с тем, это развертывание научно-популяризаторской работы со стороны преподавательского персонала наших вузов позволит поставить и разрешить еще одну задачу по преобразованию нашей высшей школы, задачу превращения вузов из учено-учебных учреждений в культурно-просветительские центры, обслуживающие широкие народные массы.

Задача эта в настоящее время может считаться только еще поставленной, — достаточно обильного опыта в этом направлении мы еще не имеем.

Но все же кое-что есть уже и сейчас, и это многое нужно знать, нужно изучать и учитывать всем вузам.

Сейчас у многих вузов мы имеем так называемые воскресные университеты одногодичной продолжительности учебной, где знания по преимуществу ведутся в виде лекций, надо сказать, недостаточно связанных между собой внутренней логикой; по существу это — отдельные доклады на самые разнообразные темы, только механически объединенные учебным планом воскресного университета.

Эта лоскутность учебных занятий должна быть устранена. И есть уже случаи отказа от нее. В Московский госуниверситет, работая совместно с Культотделом МГСПС, в этом году переходит на систему двухгодичных занятий, проводимых по факультетно, причем преподаются уже целые дисциплины (7—8 лекций), а вокруг лекций, правда, пока в очень скромной мере, развертываются семинарские занятия.

Организируются и кадры слушателей: это уже не случайная любительствующая публика из средних кругов служащих и — отчасти — учащихся, а организованные „абонементные“ кадры рабочих и служащих, формирующиеся через профсоюзные организации. Пересмотр программы занятий и организация аудитории есть очередная задача, стоящая перед всеми вузами, организовавшими воскресные университеты.

Эта работа по воскресным университетам сумела уже сплотить вокруг себя наиболее общественно-отзывчивую часть профессуры. Но область научно-популяризаторской работы профессуры уже выходит за пределы занятий в воскресных университетах.

Уже в прошлые годы лекторская работа профессуры была распространена на рабочие клубы и красноармейские казармы (1 МГУ). Эта работа также, несомненно, должна быть более систематизирована.

В 1 МГУ при воскресном университете организуется особое лекторское бюро, которое будет обслуживать спрос на научно-популярные доклады, идущие

как из города, так и губернии, и даже за пределами Московской губернии, особенно — в каникулярное время.

Здесь, при широком развертывании работы, можно вовлечь в общественную работу значительные кадры профессуры и преподавателей и даже наиболее подготовленную часть студенчества старших курсов. Вместе с тем значительно вырастает и культурно-просветительная роль вуза.

Но особенно повышает культурно-просветительное значение вуза, поистине делает его культурно-просветительным центром с колоссальным радиусом своего влияния — организация заочного образования. И в этом направлении мы имеем уже небольшую, но очень показательный опыт. Такие организации, как „Заочный коммунистический университет“ или „Факультет советского права на дому“, при 1 МГУ показывают полную возможность постановки высшей школы на рельсы заочного обучения.

Но и кроме этой все же чисто академической задачи, некоторые вузы выходят на арену широкой общественной работы, организуя повышение квалификации различных категорий трудящихся, объединяемых тем или иным профсоюзом. Такова работа 2 МГУ с преподавательским составом низшей и средней школы. Такова же работа и 1 МГУ, организуемая им совместно с ЦК профсоюза совторслужащих и заинтересованными наркоматами, работа по повышению квалификации различных категорий членов этого союза: работников судебного ведомства, милиции, уголовного розыска, среднего и высшего советского аппарата, РКИ, ГПУ и других государственных учреждений.

Все это бесконечно расширяет рамки культурно-просветительной деятельности вузов, заставляет их втягивать в общественную работу весь свой научный коллектив, и с этой стороны вовлекая его в дело социалистического строительства, организуя через научных работников повышение культурного уровня широких слоев трудящегося населения, популяризируя научные знания.

Этим разрешается и проблема вовлечения наших деятелей науки в русло советской общественности, и — проблема завершения преобразовательной работы в отношении наших вузов, которые таким образом становятся не только научно-исследовательскими и учебными учреждениями, но и широко любящими свет научных знаний в самую гущу трудовых масс, помогая последним стать сознательными строителями нашего Союза советских социалистических республик.

**ЗА ТЕХНИЧЕСКУЮ РЕВОЛЮЦИЮ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ И СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ НА
НАУЧНОЙ ОСНОВЕ! ПОДДЕРЖИМ ЧЕСТНЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ!
ОГОНЬ ПО ШАХТИНЦАМ!
СОЗДАДИМ КАДРЫ КРАСНЫХ ИНЖЕНЕРОВ!**

Д Е К Р Е Т

об учреждении Иваново-Вознесенского Политехнического Института •

1. В целях удовлетворения спроса рабочих масс на образование и ввиду особой потребности в высшем техническом образовании для рабочих текстильной промышленности, учреждается в Иваново-Вознесенске высшее техническое учебное заведение под названием «ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКИЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ», находящийся в здании Комисариата Народного Просвещения*.

2. Впредь до общей реформы высших учебных заведений, Институт существует на основании Временного Положения об Иваново-Вознесенском Политехническом Институте.

3. Всем студентам и вольнослушателям Рижского Политехнического Института предоставляется право продолжить и закончить начатое образование на соответствующих факультетах Иваново-Вознесенского Политехнического Института.

ПРИМЪЧАНІЕ: Впредь до утверждения в общегосударственном порядке устава высших учебных заведений, Иваново-Вознесенским Политехническим Институтом выдается оканчивающим курс удовлетворения образовательного ценза, аналогичные удостоверения соответствующих учебных заведений.

Председатель Совета Народных Комиссаров

В. УЛЬЯНОВ (ЛЕНИН)

Заместитель Нар. Ком. по Просвещению

ПОКРОВСКИЙ

Управляющий Д-лами Сов. Нар. Ком.

Вл. БИЧ-БРУЕВИЧ

Секретарь Совета Н. ГОРБУНОВ

Проф. Д. ЛАСТОЧКИН

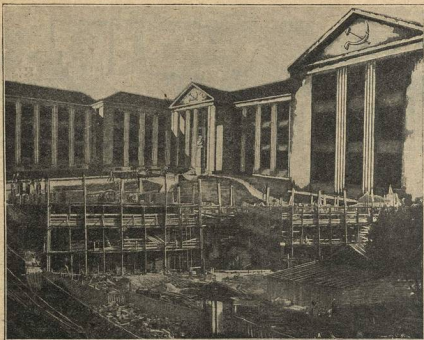
ИНСТИТУТ им. Т. ФРУНЗЕ

В наступающие радостные дни десятилетия Политехнического института более чем уместно остановиться на роли того, кто был первым председателем комитета по учреждению института, того, чье имя по справедливости присвоено институту. Возникновение института и первые, самые трудные годы его существования теснейшим образом связаны с М. В. Фрунзе. Весной 1918 г., когда оформлялся план создания губернии и губернских учреждений в Иваново-Вознесенске, возник вопрос о необходимости создания своего высшего учебного заведения в качестве последнего звена в системе профтехнического образования (в Иваново было среднее техническое училище). Момент, когда возникла эта мысль, сейчас же энергично поддержанная М. В. Фрунзе, вряд ли можно было назвать благоприятным. С одной стороны, для осу-

ществления ее необходимо было обратиться за помощью к ученым силам, которые были тогда к сотрудничеству с коммунистами настроены весьма скептически и мало верили в прочность нового государственного строя. А ведь с новым государственным строем существовал и Иваново-Вознесенск, как крупный губернский центр, только в новых условиях могущий стать и культурным центром. Вряд ли можно было предполагать, что этот крупный промышленный центр может рассчитывать на укрепление в нем вуза, если административное значение города (а Иваново-Вознесенск был затоптаным городом Владимирской губернии) останется прежним.

С другой стороны, надо было организовать губернские учреждения в городе, который смахивал скорее на большой поселок, привлечь опытных работников, организовать уезды и уездные центры, организовать продовольственное дело, а с середины лета 1918 г. организовать промышленность (после ее национализации). И вот при таком объеме задач губернская власть не побоялась поставить вопрос об организации гро-

* Печатается с соблюдением орфографии подлинника.
Ред.

Вверху: проект химического корпуса ИВПИ, внизу — его стройка.

моздкого высшего учебного заведения, требующего большого количества помещений, солидной финансовой базы, серьезного доверия к инициаторам.

Организовать высшую школу на пустом месте было, конечно, невероятно трудно. Поэтому вполне понятно, что организационно-прозорливый М. В. Фрунзе в должном образе оценил заметку „Известий ВЦИК“ относительно тяжелого положения студентов Рижского политехнического института, ввиду эвакуации института в занятую тогда немцами Ригу. И вот, в начале

кто собрался уезжать обратно в Ригу, кого уже проводили, кто уже заполнил анкету, подаваемую графу Мирбаху, 13 мая 1918 г. выступил М. В. Фрунзе с призывом остаться в Советской стране и переехать в новое место (Рижский политехнический институт в 1915 г. был эвакуирован в Москву). И, несмотря на такое безнадёжное, казалось бы положение, несмотря на то, что только что остались без внимания такие же предложения Тамбова, Нижнего-Новгорода и др., после убедительных, спокойных, очень кор-

Новые дома преподавательского корпуса. В овале — старый профессорский поселок.

мая 1918 года делегация иваново-вознесенцев во главе с М. В. Фрунзе предлагает ректору Рижского политехнического института собрать общее собрание всего преподавательского персонала и представителей студентов (неслыханная организация для института, где все дела решало правление и Совет профессоров) для обсуждения вопроса о переходе Рижского политехнического института в Иваново-Вознесенск.

Ситуация для такого собрания сложилась крайне неблагоприятная. За день до него состоялся прощальный чай, который Московское общество окончивших Рижский политехнический институт давало всему преподавательскому персоналу института по случаю эвакуации. И среди тех,

кто собрался уезжать обратно в Ригу, кого уже проводили, кто уже заполнил анкету, подаваемую графу Мирбаху, 13 мая 1918 г. выступил М. В. Фрунзе с призывом остаться в Советской стране и переехать в новое место (Рижский политехнический институт в 1915 г. был эвакуирован в Москву). И, несмотря на такое безнадёжное, казалось бы положение, несмотря на то, что только что остались без внимания такие же предложения Тамбова, Нижнего-Новгорода и др., после убедительных, спокойных, очень кор- ректных речей М. В. и его товарищей и после оживленных дебатов, собрание решило организовать комиссию для обсуждения предложений Иваново-Вознесенска. В эту комиссию вошло 7 преподавателей Рижского политехнического института. Кроме того, в состав комиссии было привлечено 4 лица из Общества рижских политехников в Москве и, в частности, председатель О-ва, С. Г. Гуревич, сыгравший видную роль в организации института.

Комиссия собралась 14 мая и из осторожности назвала себя комиссией по обследованию возможности создания политехнического института в Иваново-Вознесенске. Через 15 дней эта комиссия выехала в Ива-

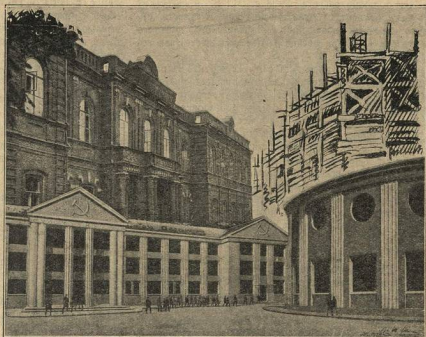

ново-Вознесенск, где под энергичным воздействием М. В. Фрунзе был организован комитет по учреждению Иваново-вознесенского политехнического института, в составе которого названные лица преподавательского персонала образовали учебно-организационную комиссию. В первом заседании комитета 1 июня 1917 г. М. В. был избран председателем, а С. Г. Гуревич — товарищем председателя. В заседании 19 июня М. В. Фрунзе докладывает о результате своих ходатайств в Наркомпросе (перед комиссарами Штернбергом и Покровским). В поданной им записке и личных переговорах затронуты были все основные нужды института: декрет об учреждении института, ассигнование средств, вопрос о постройке специальных зданий (эта постройка на самом деле начата весной этого года), передача эвакуированного в Нижний-Новгород ценнейшего имущества Рижского политехнического института. По ходу работ комиссии выясняется необходимость организовать подкомиссии по организации отдельных факультетов. В эти подкомиссии входят только члены учебно-организационной комиссии, но для М. В. Фрунзе делается исключение, и он избирается в состав подкомиссии по организации социально-экономического факультета (30 июля 1918 года).

Все важнейшие дела по организации института решаются при самом активном участии М. В. Фрунзе. Занятый многочисленными обязанностями, он все-таки находит время руководить делами комитета; иногда

организаторам института приходится упорно разыскивать М. В. Фрунзе по всему городу, так как скоро всем делается ясным, что за короткое личное свидание с М. В. удается быстро разрешать и правильно разрешать важнейшие вопросы по организации института. У меня в памяти врезались такие свидания иногда уже вечером на небольшой дачке за городом, где в спартанской обстановке в весьма мало приспособленном помещении жил с женой М. В. Сколько колебаний и раздумий рассеивалось, как дым, после таких встреч!

Надо думать, что личность М. В. Фрунзе сыграла

Вверху — главное здание ИВПИ (б. реальное училище), внизу — проект главного здания.

очень большую роль в сохранении всего состава учебно-организационной комиссии. Тревожные события лета 1918 г. — чехо-словачское восстание, восстание под боком Иванова, в Ярославле и Муроме, — мало располагали к созидательной работе. Но личность М. В. Фрунзе, его внимательное и покровительственное отношение к местной интеллигенции вселяло такое доверие в среде осторожных, скептически настроенных ученых, что дело не только не тормозилось, а, наоборот, комиссия обрала новыми силами из среды московских и провинциальных ученых, 6 августа последовал декрет СНК, 10 сентября состоялось первое заседание Совета института с выборами ректора, а 22 октября — открытие лекций. В начале 1919 г. было получено имущество Рижского института,

Фундаментальная библиотека ИВПИ в быв. оптово-мануфактурном магазине.

Уже в конце августа 1918 г. М. В. в известной степени отходит от дела организации института, будучи назначен начальником Ярославского военного округа, а в январе месяце 1919 г. покидает Иваново-Вознесенск.

Но этим связь института с М. В. Фрунзе не прерывается. В годовщину начала организации института институт получает приветственную телеграмму с выражением сожаления, что боевая обстановка не позволяет М. В. приехать на торжество. В дальнейшие годы, во время кратковременных наездов М. В. в Иваново-Вознесенск с продовольственными подарками рабочим от Туркестанской и Южной армий, руководители института всегда обращались к М. В. с просьбами о поддержке в центре важнейших хозяйств и всегда встречали самое внимательное отношение. Перегруженность работой не позволила М. В. Фрунзе прибыть на торжественное заседание по поводу пятилетнего юбилея института и заставила ограничиться поздравительной телеграммой:

„Приветствуя политехникум, маяк света и знания в пролетарском сердце Союза СССР, с первым пятилетием и желая ему служить втечение многих пятилетий рассадником красных специалистов, выражаю искреннее сожаление, что неотложные дела лишают меня возможности прибыть на юбилей. Зампредреволюсовета СССР Фрунзе“.

Когда весной 1924 г. НКП начал пересмотр сети вузов, и представители института потерпели пора-

жение в НКП и НКЗ при отстаивании агрономического и инженерно-строительного факультетов, первой мыслью было обратиться к М. В. Фрунзе, бывшему тогда зампредреволюсовета. Автор этой статьи, тогда декан агрономического факультета, без всякого труда получил согласие на свидание, и совместно с представителем студенчества А. М. Пярном очутился в приемной М. В., где многочисленные военные с некоторым недоумением смотрели на необычную делегацию. М. В. очень быстро ориентировался в вопросе и категорически обещал помощь по сохранению агрофака. После кратковременного закрытия агрофак был восстановлен Президиумом ВЦИК. В этом восстановлении М. В. Фрунзе сыграл решающую роль.

Пишущий эти строки никогда не забудет и последней потрясающей встречи — с прахом создателя политехнического института 4 ноября 1925 г. во время скорбных и торжественных похорон на Красной площади.

После получения ошеломляющего известия о смерти М. В. Фрунзе, первым общим порывом мысли — и преподавательского персонала, и студенчества — было обратиться к хозяйствому о присоединении институту имени усопшего вождя Красной армии. Ходатайство было удовлетворено, и та крепкая связь, которая соединила первого председателя комитета по организации политехнического института с его детищем во время жизни, закрепилась навсегда и после его смерти.

Студенческий актив ИВПИ
в 1923 г.

А. КАМЕНСКИЙ

Последнее время в порядке дня высших органов печати стоял и стоит вопрос о составе нашего народного хозяйства.

Апрельский и июньский пленумы ЦК ВКП(б) отметили недостаток в области подготовки технического персонала в количественном, а главное, в качественном отношении. Казалось бы, что количественный недостаток должен являться следствием недостатка вузов, учащихся, а вот на проверку дело совсем не в том. У нас наряду с недостатком специалистов в одних отраслях — избыток в других. Это происходит потому, что наша сеть вузов не увязана с интересами хозяйства.

Казалось бы, что если специалисты, качественно нас не удовлетворяют, это либо потому, что плохо обучает наша профессура, либо учащиеся наши плохо относятся к своей учебе, но и это неверно. Конечно, у нас есть определенный процент нерадивых профессоров и учащихся, но все же учеба не спорится потому, что плохо оборудование во вузах, плохи материальные условия и учащихся и учащихся, а главное, все же потому, что у нас порой учат не тому или не совсем тому, что требуется знать для руководства развитием народного хозяйства. Это происходит по той причине, что учебные планы, вся постановка дела учебы в наших вузах не увязана с интересами хозяйства.

Но было бы грубой несправедливостью думать, что в наших вузах нет достижений. Они велики вообще, их значение увеличивается при освещении тех мытарств, которые они пережили со времени начала гражданской войны.

Впервые я столкнулся с жизнью вузов в 1921 г. В качестве члена Коллегии Наркомзема я интересовался вопросами сельскохозяйственного образования, ибо дело агрономической помощи сельскому хозяйству настоятельно этого требовало.

Хаос в вузах был изрядный. Любопытнее всего было то, что наряду с нуждой, которую испытывали вузы, у нас в Москве совершенно зря, наряду с Петровской (ныне имени Тимирязева) сельскохозяйственной академией, существовали Голицынские курсы, в Ленинграде было три высших сельскохозяйственных вуза.

Нужно сказать, что и совместно с т. Осинским добился на X съезде советов передачи всего дела сельскохозяйственного образования в ведение Наркомзема.

Тогда это провести в жизнь не удалось, и мы пошли на компромисс, я был введен членом Коллегии

Главпрофобра, оставаясь членом Коллегии Наркомзема, и руководил сельскохозяйственным образованием. И мы, совместно с В. Н. Яковлевой, из этих пяти вузов оставили один в Москве и один — в Ленинграде.

Когда я представляю себе то, что я видел тогда, в 1921 г. (а в 1921 г. уже была закончена гражданская война, и жизнь улучшилась), в этих вузах и общежитиях с протекавшими крышами, нетопленными комнатами, с полуголодными, почти не занимавшимися студентами, с не менее голодными и вообще брызжащими на советскую власть профессорами, то, откровенно говоря, не знаю, как можно было тогда ожидать каких-либо результатов от такой «учебы».

Таково положение и в отношении сети и учебы было во всех вузах. Главное же, что жизнь вузов текла вне сферы влияния и участия заинтересованных наркоматов — в этом я совершенно убедился в начале 1923 г., перейдя целиком на работу в Главпрофобр, в качестве заместителя В. Н. Яковлевой.

Я уже выше отметил, что качественно и количественно продукция вузов не удовлетворяет потребности хозяйства Союза, но было бы несправедливо обвинять в этом только Наркомпрос. Незаберики и недостатков в Наркомпросе много, но все-таки еще до сих пор заинтересованные наркоматы не составили толком своих заявок на потребности количества специалистов, и ошибка Главпрофобра состояла в том, что он, вместо того чтобы об этом твердить и требовать, доказывая, что у нас все обстоит блестяще.

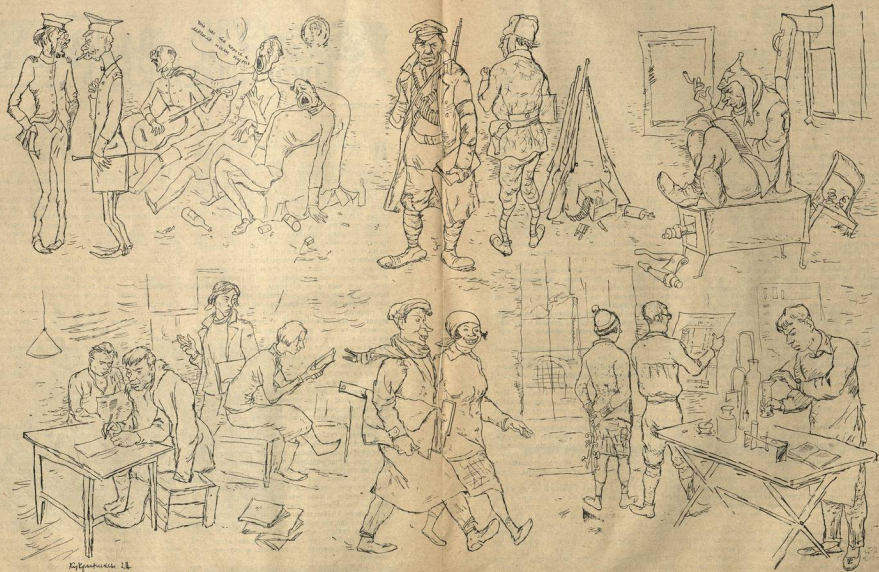
А если нет точной заявки, то нельзя упорядочить сети, нельзя увязать ее с интересами производства.

Помню, что еще в 1923 г. мы начали настойчиво требовать от всех наркоматов сведений, сколько и каких специалистов им нужно. Требовали мы, надеждами, а в результате получали необоснованные, друг друга опровергающие заявки.

Летом 1923 г. мы, я совместно с В. Н. Яковлевой, — согласованно с заинтересованными наркоматами, — представили свои доклады в Госплан. Там было потрачено несколько дней. Большое количество крупных профессоров (Осалчий, Круг, Вильямс и др.), работников Госплана, во главе с Кражижановским, ряд руководителей ведомств принимали участие в обсуждении вопроса.

Доклады Главпрофобра в то время были настолько полны и исчерпывающи, что заключительное слово В. Н. Яковлевой было покрыто аплодисментами (случай небывалый в стенах Госплана), а между тем... ничего особенного не изменилось, и в области заявки

КАКИЕ БЫЛИ СТУДЕНТЫ

сети с потребностями народного хозяйства Главпрофобору пришлось продолжать работу на-глазок², ибо те небольшие изменения, которые удалось провести, дали и небольшие результаты.

А сколько таких заседаний было и в ВСНХ, и в Наркомземе, и в Главпрофобуре с участием хозорганов и т. п. И все же результаты не менялись.

Хозорганы и особенно ВСНХ — руководитель промышленности (а наибольший процент профтехнического образования приходился именно на его долю) — не уделяли особого, я бы сказал должного, внимания профтехническому образованию, и в этом надо искать одну из заметных причин неудовлетворения промышленности специалистами. Я заостряю вопрос на промышленности, ибо, вопервых, она является основным потребителем, вовторых, моя работа последние 5 лет протекала именно в области промышленности.

В 1924 г. тт. Пятаков и Дзержинским я был приглашен на работу для организации и постановки дела профтехнического образования в ВСНХ. Нужно сказать, что именно вмешательство тт. Дзержинского и Пятакова было положено начало настоящего сближения промышленности с профтехническим образованием. Этим я не хочу сказать, что в 1924/25 г. стало все гладко. Нет — как раз работа 1924/25 г. и показала нам понастоящему ту пропасть, которая еще была между промышленностью и вузами. Но то, что руководители ведомства вплотную и так солидно заинтересовались делом профтехнического образования, дало большой толчок в сторону узвки интересов промышленности с постановкой учебы во вузах и техникумах. Конечно, развитие промышленности и неудовлетворение ее техническим персоналом само по себе настоячиво требовало вмешательства хозорганов в дело профтехнического образования. ВСНХ не мог оставаться при прежнем полунертном отношении, но то, что тт. Дзержинский и Пятаков смогли, независимо от этого, понять всю важность этого вопроса, значительно облегчило и двинуло дело узвки технического образования с промышленностью, привевшее в конечном счете к передаче части вузов в ведение ВСНХ.

Работая в Главпрофбуре и выступая против инертности хозорганов, я получал упреки в ведомственности, но то безобразное отношение со стороны хозорганов к вузам, которое я ощутил, работая уже в ВСНХ, укрепило меня в сознании необходимости отчаянной борьбы с руководителями хозорганов за признание ими важности поддержки вузов и узвки их работы с производством.

Размер очерка заставляет быть ограниченным. Немало можно было бы указать чудачеств и просто непонимания со стороны хозяйственников, и того, что в это время был Дзержинский, опираясь на которого можно было ускорить постановку дела на правильные рельсы.

Много можно было бы привести из выступлений и работ т. Дзержинского по вопросу о профтехническом образовании, но я ограничусь некоторыми выдержками из его речи на большом совещании руководителей наркоматов, профессоров под председательством т. Рыкова 24 июня 1925 г.

Он говорил: «...Надо прямо сказать — за дело восстановления квалификации рабочей силы должны отвечать те, в чем ведении находится данное дело. Если говорить о сельском хозяйстве, то отвечает Наркомзем, если говорить о технических силах промышленности, ясно, отвечает тот, кто их планирует.

Студенчество может учиться, если оно органически будет связано с фабрикой, когда оно это воочию будет видеть, и когда эта связь будет не искусственной, а органической связью, когда учащийся, который учится на данном заводе, будет желанным работником, из-за которого заводу управление будет биться.

В отношении преподавания. Как вы можете оторвать профессору от производственной жизни? Я утверждаю, что в общественных вопросах, чтобы быть хорошим профессором, нужно учесть всю общественную жизнь. Точно так же и здесь нужно знать хорошо производство, чтобы быть хорошим работником. Если этой узвки не будет, мы не можем поручить эту работу технику или инженеру, оторванным от практических потребностей. Для того чтобы с этим справиться, например, в отношении ВСНХ, это дело должно быть ему поручено.

Необходимо, чтобы посылка на практику происходила не только на лето, работа должна вестись постоянно и согласованно. Абсолютно невозможно, чтобы эта работа велась другим ведомством.

Два или три года тому назад Коллегия Наркомпроса согласилась с доводами НКПС, когда я там работал, создать просветительную организацию, которая органически была бы связана с НКПС. Результаты мы имели положительные. На транспорте все поставлено лучше, там она имеет известную материальную базу.

Что для ВСНХ значат те ничтожные гроши, которые необходимы для оборудования мастерских. Это пустяки, потому что они для производства сторичи окупаются. Но для того, чтобы найти этот источник, надо связаться с вузами.

Если вы хотите возложить ответственность за это дело на хозяйственные органы, вы должны и эту обязанность возложить на них, конституционно дать определенные задачи.

Каково же будет положение Наркомпроса в этом деле? Такое же, каково положение Наркомтруда в вопросах труда, Наркомфина — в вопросах финансов. Они являются руководящими органами. Точно так же, как существует Госплан в то время, когда есть и Крайплан. Уничтожается ли от этого Госплан? Нет. Точно так же и Наркомпрос. Наркомпрос должен в нас найти тот орган, который отчитывался бы перед ним и был бы перед государством ответственным. Недавно решен сложный вопрос о взаимоотношениях с НКВнутторгом ВСНХ. Из того, что существует НКВнутторг, не значит, что от ВСНХ нужно отобрать торговлю. ВСНХ торгует, но подчинен в этом деле распоряжениям и контролю НКВнутторга. В деле просвещения, которое является сейчас важнейшим вопросом, нужно сделать то же самое.

Я без преувеличения говорю, что меня пугает не столько недостаток средств, наша бедность и огромность задач, которые стоят перед нами, сколько то, что мы не будем иметь достаточно подготовленного кадра, который мог бы разрешать те задачи, которые перед нами стоят.

При таком решении никаких ведомственных склок не будет. Административно-хозяйственная работа в отношении вузов и техникумов, на которые я пре-

тенную, как представитель ВСНХ, была бы в наших руках. Все же руководство педагогической, методологической стороной и контроль оставался бы у Наркомпроса.

Тут есть еще один привходящий вопрос, который будет довольно трудно разрешить, но который разрешить необходимо. У нас нет общесоюзного Наркомпроса. Госплан ставил вопрос о том, чтобы образовать культурную ячейку, планирующую просвещение в общесоюзном масштабе. Ясно, что ВСНХ СССР может в этом деле принять участие и играть достаточно важную роль. В самом деле, можем ли мы, например, разделить металлургическое хозяйство по республикам, можем ли мы нефтяное дело сделать собственностью Азербайджанской республики, угольно-топливное дело, электрификацию и целый ряд других проблем, которые связаны с производством квалифицированной инженерной силы, сделать собственностью, специальным делом одной республики. Ясно, что такие вопросы должны разрешаться в общесоюзном масштабе. Следует привлечь к делу передачи и распределения учебных занятий на имеющие общесоюзное и местное значение, к этому большому делу, СНК и СТО СССР и весь аппарат.

В заключение я хочу сказать, что те побуждения, которые заставляют меня этот вопрос ставить, — не ведомственный империализм, если можно так выразиться, ибо у ВСНХ есть очень много задач, с которыми он не может справиться в той мере, в какой ему бы хотелось, а то, что вся производственная задача, которая на нас лежит, за которую мы несем ответственность, может быть нами разрешена лишь при разрешении этого вопроса*.

Заседание происходило 24 июня 1926 г. Кончилось оно в 12 часов ночи, а утром 25-го я уже получил от т. Дзержинского записку следующего содержания: „До следующей среды необходимо составить меморандум и наши конкретные предложения по вопросу как о втузах, так и техникумах, так и о всем профтехническом образовании. Для этой цели необходимо привлечь, между прочим, гг. Горбунова и Райзина. Было бы хорошо, если бы эту работу произвести совместно с НКЗемом.“

Главное, что нужно: обосновать необходимость органической повседневной увязки

профтехнического образования с производством от самого верха до низу, что возможно лишь в том случае, если это обучение будет у нас, оставляя общее руководство за Наркомпросом.

Необходимо дать критику предложения о связи Наркомпроса*.

Вот как смотрел, как относился т. Дзержинский к постановке дела во втузах, к его увязке с производством.

Он был „за органическую, повседневную увязку профтехнического образования с производством от самого верха до низу“.

Тов. Дзержинский занимался не только общей постановкой вопроса — он вникал в жизнь отдельных вузов. Имею ряд записок, написанных его рукой. Вот, например, записка от 8/1—26 г.:

„Т. Каменскому, копия т. Савельеву.“

Тов. Савельев рассказал мне о своей работе в Пром.-эк. институте и об учащейся там молодежи. Прошу вас, совместно с т. Савельевым, разработать план и ряд мер, как нам (ВСНХ) взять этот институт и Плехановский под наше идеологическое (в сторону индустриализации страны) влияние и как связать эту молодежь с нашей промышленностью и ее интересами. Ф. Дзержинский*.

Записка от 15/1—26 г.:

„Тов. Каменскому.“

Тов. Сулимов просил 1/4 отчислений с уральских трестов давать в пользу Уральского политехнического института. Они желают эти средства направить на постройку. Как вами решен этот вопрос? Институты ближе к промышленности — это правильно. Ф. Дзержинский*.

Под давлением такого руководителя, как т. Дзержинский, и возможно было создать ту обстановку в ВСНХ и хозорганах, которая уже дала возможность теперешним руководителям ВСНХ, целиком и полностью разделявшим точку зрения т. Дзержинского в этом вопросе, привести к тому, что втузы не на словах, а на деле получают возможность полной увязки с производством.

ПРОФ. Е. Д. ГИБШМАН

В настоящем кратком очерке я хотел бы осветить работу МИИТа¹ за одиннадцать лет, поделиться данными о постепенном изменении физиономии специалистов-транспортников, выпускаемых МИИТом, и, наконец, сказать несколько слов о ближайших задачах МИИТа в связи с постановлением Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров Союза ССР о подготовке новых специалистов, их распределении и использовании.

В 1919 г. в б. Московском институте путей сообщения одним из первых был организован рабочий университет. Сначала он не имел цели готовить будущих студентов для МИИТа, а был до некоторой степени профессионально-технической школой, так как программа рабфака заключала достаточное количество специальных предметов для того, чтобы окончившие рабфак могли выполнять обязанности младшего технического персонала.

В 1920 г. рабфак получил целевую установку на подготовку к высшим учебным заведениям; до 1924 г. рабфак помещался в одном здании с институтом, что было возможно, так как занятия в самом институте происходили по большей части вечером.

Рабфак МИИТа, дающий в настоящее время до 15% всего состава вновь поступающих в МИИТ, плюс 25—30% окончивших другие рабфаки, совершенно изменил социальный состав учащихся, что видно из нижеследующей таблицы:

Социальное положение	В процентах	
	1913 г.	1927 г.
Рабочих, крестьян и их детей	29,3	61,9
Служащих и их детей	52,4	37,8
Нетрудовой элемент	18,3	0,3

По предварительной школьной подготовке состав студента 1913 и 1927 гг. виден из нижеследующей таблицы:

Окончили	В процентах	
	1913 г.	1927 г.
Рабфак	—	57,5
Школа II ступени	91,4	38,0
Техникумы и др. учебные заведения	8,6	4,5

¹ До 1924 г. институт назывался Московским институтом инженеров путей сообщения (МИИПС), после 1924 г., когда МИИПС слаялся с б. Высшими техническими курсами НКПС, институт стал называться Московским институтом инженеров транспорта.

В 1921 г. поступили в МИИТ первые 44 студента, окончившие рабфак, в 1922 г. их поступило уже 85 человек.

Вполне понимая, что существовавший до 1921/22 г. метод поверки усвоения знаний в виде сдачи зачета не гарантирует действительной проработки курса, и учитывая, что новый состав студенчества хочет учиться и желает не только знать, но и уметь применять приобретенные знания, учебная администрация совместно со студенчеством занялась методикой преподавания. Уже тогда МИИПС остановился на лабораторно-групповом методе, который в последующие два учебных года закрепился и углублялся, так что к концу 1923/24 учебного года метод этот был проведен по всему МИИПСу.

В 1924 г. весной стал вопрос о слиянии МИИПСа с б. Высшими техническими курсами НКПС. На этих курсах преподавание велось по тому же лабораторно-групповому методу, поэтому слияние произошло совершенно безболезненно.

До слияния в б. МИИПСе были: строительный факультет, с отделениями построечным, конструкторским и эксплуатационным, и водный факультет с отделениями речным и морским. Так как Высшие курсы имели в своем составе четыре факультета: строительный, эксплуатационный, тяговый и электротехнический, то при слиянии организовано было 5 факультетов: строительный с двумя отделениями: построечным и инженерных сооружений, водный с отделениями: речным и морским, эксплуатационный, тяговый и электротехнический. Также были объединены оба рабфака при МИИПСе и при ВТК.

В первый 1924/25 учебный год в связи со слиянием пришлось истратить много труда и энергии, поэтому Научно-исследовательский институт, организовать который признано было необходимым, был открыт лишь в самом конце 1925 г.

В соответствии с 5 факультетами МИИТа НИИТ подразделен был на следующие секции: испытания материалов и конструкций, гидротехническую, пути, дорожного строительства и электрификация, тяговую и эксплуатационно-экономическую.

Научно-исследовательский институт выполняет две основных задачи: ведет научно-исследовательскую работу и подготавливает научных работников; согласно положению о НИИТе, лица, обнаружившие способности к углубленной теоретической и педагогической работе для дальнейшей подготовки к преподавательской деятельности в вузе, направляются в качестве аспирантов.

В настоящее время имеется 35 аспирантов, и из числа представленных Государственному ученому совету предстоит зачислить десять кандидатов. Из 35 аспирантов — 10 штатных и 25 нештатных, причем 21 аспирант состоит в аспирантах менее года, 5 свыше года и 9 — свыше 2 лет. О работе НИИТА за 1927/28 учебный год издан специальный бюллетень.

В 1926/27 учебном году начали организовываться научно-технические кружки; в МИИТе имеются следующие кружки: строительной механики и мостов, железнодорожный и водный, эксплуатационный, паровозный и по изучению изобретений и улучшений на транспорте.

Кружки работают в тесном контакте с НИИТом, и доклады, делаемые отдельными секциями НИИТ, посещаются кружками. Доклады членов НИИТА и НТК делались весьма часто в соединенных заседаниях НИИТА и НТК.

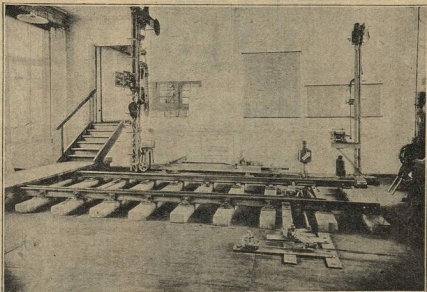
Переходя к вопросу об оборудовании, следует иметь в виду, что в связи со слиянием МИИПСа, с ВТК, в объединенный вуз перешли следующие лаборатории и кабинеты: теплосиловая, электроизмерительная и электромашинная, мастерские и кабинет связи. Все эти кабинеты организованы и оборудованы за время 1920—1924 гг., однако оборудование их было вполне закончено только после 1924 г.; кроме того для опытных поездок на тигговом факультете имеется паровоз и динамометрический вагон.

Надо иметь в виду, что МИИТ является единственным вузом, располагающим возможностью организовать опытные поездки; организация таких поездок оказалась возможной лишь благодаря помощи и содействию НКПС.

В прошлом учебном году начата и почти закончена постройка и оборудование небольшой гидротехнической и холодильной лабораторий; вопрос же о большой гидротехнической лаборатории стоит на очереди и подлежит разрешению НКПС, так как такую же лабораторию надо и для научно-исследовательской работы НКПС; в настоящее время обсуждается вопрос, где и в каких размерах будет построена лаборатория, которая должна предусматривать не только научно-исследовательские нужды транспорта, но и учебные нужды МИИТА.

Библиотека МИИТА за одиннадцатилетний период пополнилась технической литературой и журналами; надо отметить, что, несмотря на некоторое стеснение в получении валюты в настоящее время, б. МИИПС для приобретения технической литературы никогда не имел тех возможностей, которые имеются у него теперь.

В нижеследующей таблице приведены данные по пополнению библиотеки до 1917 г. и теперь.

Музей МИИТ — Отдел централизованной стрелки и семафора.

Пополнение библиотеки	За 1909— 1912 гг.	за 1923— 1926 гг.
Поступило книг	4635	30 404
Среднее пополнение за год	1 160	7 600
Поступило русских журналов за год	11	72
Поступило иностранных журналов за год	73	134

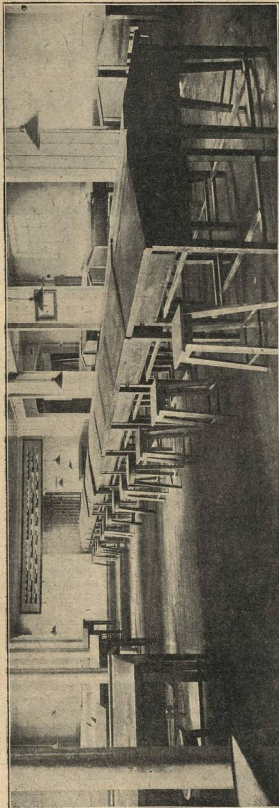
Из этой таблицы видно, насколько интенсивнее пополнение библиотеки в настоящее время.

Краткий объем настоящего очерка не дает возможности остановиться на вопросе организации и оборудования отдельных кабинетов и лабораторий за последние одиннадцать лет, однако необходимо сказать несколько слов о кабинете общественных наук, являющемся едва ли не самым молодым учебно-вспомогательным учреждением МИИТА. Общественные дисциплины проходятся семинарно-групповым способом, поэтому организация кабинета и консультации по дисциплине общественного цикла оказалась необходимой.

Кабинет имеет библиотеку примерно в 3 000 книг различных наименований. Консультация заключается в указании литературы по разным вопросам, даче разъяснений и указаний. Кроме своей, так сказать, внутренней работы, кабинет общественных наук руководит и следит за общественным отделом фундаментальной библиотеки и за правильным и целесообразным его использованием, работает по организации кружков, наконец организует отчетные выставки по тем или иным темам общественной жизни. Наиболее удачными по полноте разработки надо признать выставку по экономике СССР (1925/26 г.) и по экономическому состоянию советского транспорта (1926/27 г.).

Надо иметь в виду, что, при распределении студентов по факультетам, МИИТ старался приоритетно к требованиям производства; потребность в специалистах при слиянии, по данным 1924 г., была такова, что распределение студентов должно было быть следующим: строительный факультет—20%, эксплуата-

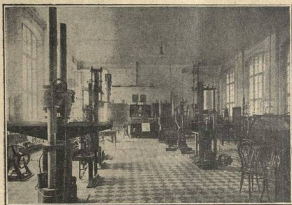
МИИТ — чертёжная 1-го курса.

ционный факультет—25%, водный факультет—25%,
тяговый и электротехнический факультет—30%.

В действительности, на строительном факультете
число студентов значительно более 20%, так как до
1924 г. определенных заявок о потребности в инже-
нерах по специальностям не было.

Число окончивших МИИТ за время его существо-
вания с 1896 г. (первый выпуск был в 1901 г.) со-
ставляет без малого 3 000 студентов, причем поло-
вина этого числа окончила за время с 1924 г. по
настоящее время, т. е. за 4 года, что объясняется
большим количеством студентов, принятых в 1920—
1923 г.

МИИТ, кроме научной и учебной работы, считает
необходимым нести и общественную работу, как втуз
в целом. В этих целях МИИТ считает, что его препода-
вательский персонал и учебно-вспомогательные учре-
ждения должны быть использованы во всех случаях,
когда по обстоятельствам дела это целесообразно.
В связи с изложенным при МИИТе имеются:

Механическая лаборатория — машинный зал.

1. Рабочий университет, имеющий целью поднять
технический кругозор масс—главным образом рабочих
и служащих на транспорте. Рабочий университет,
имеет трехгодичный курс, распадающийся на 6 семес-
тров по 15 недель в семестре, с 16-часовой нагруз-
кой в неделю, т. е. всего занятий за 3 года 16 ча-
сов $\times 15 \times 6 = 1400$ часов.

Университет предвидит углубление отраслей желе-
знодорожного хозяйства, в связи с чем имеются отде-
ления: путевое, эксплуатационное, тяговое, строительное,
электротехническое. Всего имеется до 500 слушате-
лей, из которых 87% рабочих и 13% служащих.

2. Курсы для повышения квалификации ответствен-
ных работников на транспорте (высшего комсостава).

В истекшем году эти курсы были одногодичными.
Административно-учебный аппарат курсов—самостоя-
тельный, но курсы пользуются помещением и учебно-
вспомогательными учреждениями МИИТа. Преподава-
тельский персонал состоит почти исключительно из
профессоров и преподавателей МИИТа. В истекшем
году курсы были организованы лишь для работников
железнодорожного транспорта, в этом году будет новый
комплект слушателей по железнодорожному тран-
спорту, кроме того организуются курсы по водному
транспорту для высшего комсостава.

Также в этом году намечается организация курсов
для среднего комсостава.

3. В МИИТе были организованы два года тому

назад двухмесячные повторные курсы для ответственных работников железнодорожного транспорта. Курсы эти имели целью ознакомиться с достижениями за последнее время как у нас, так и за границей. Такие курсы были организованы в 1927/28 учебном году в ЛИИПСЕ.

Из изложенного видно, что МИИТ принимает все меры к надлежащей постановке научной работы, учебного дела и использованию всех возможностей, коими он располагает.

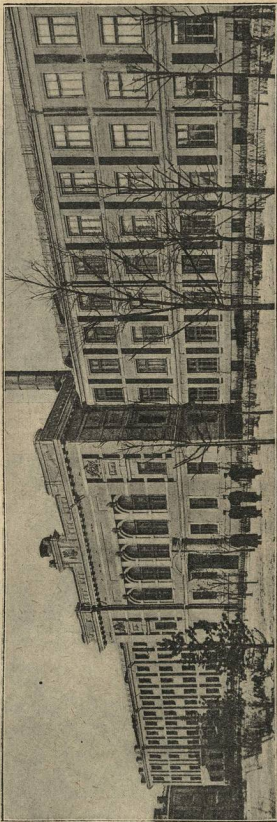
Постановлением Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров Союза ССР предложено разработать ряд мер по вопросу о подготовке новых специалистов. Часть этих мероприятий подлежит выполнению центральными органами — Наркомпросом и НКПС, но некоторые из них требуют предварительной проработки внутри МИИТа и выполнения самого МИИТа; таковыми являются (в порядке текста постановления):

Механическая лаборатория — цементный зал.

Повышение уровня научно-теоретической подготовки, — правильное соотношение производственного и теоретического обучения и установление между ними такой связи, при которой производственное обучение закрепило бы приобретенные теоретические знания и, в свою очередь, давало бы возможность немедленного применения их на транспорте (п. 7). — Пересмотр учебных планов и программ с учетом новейших достижений науки и техники (п. 8а). — Расширение кадра молодых ученых (аспирантов). — Обновление и пополнение оборудования, удешевление учебников и снабжение библиотеки технической литературой (п. 8 е). — Разработка плана использования МИИТа для разработки заданий НКПС (п. 13). — Урегулирование вопроса о летней производственной практике с тем, чтобы таковая имела место в течение всего года и чтобы общая продолжительность практики была не менее 10 месяцев (п. 14). — Принятие мер к увеличению рабочего ядра во вузах, к поднятию уровня рабочих факультетов (п. 20).

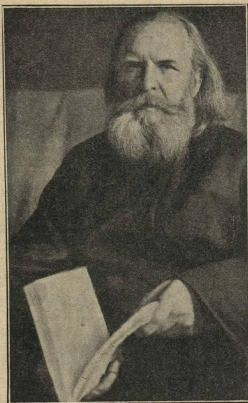
Мы выражаем полную уверенность, что учебная администрация МИИТа и преподавательский персонал совместно со студенческими организациями, представителями производства и профсоюзов сумеют под общим руководством НКПС разрешить поставленную перед МИИТом задачу и что связь с производством, всегда поддерживаемая МИИТом, благодаря переходу МИИТа в ведение НКПС, углубится и закрепится.

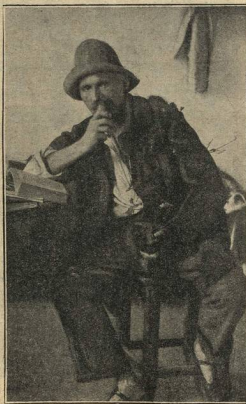
Главный фасад МИИТа.

ВУЗЫ КАМЕНЕЧЧИНЫ

Тип студента Камениец-подольского державного украинского университета 1919—20 г.

Тип студента КСХИ 1923 года.

В то время, когда советская власть в центральных областях и/СССР насчитывает уже 11 лет своего существования, у нас на Украине Каменеччину, которая лежит на границе буржуазно-фашистской Польши и боярской Румынии, советской власти пришлось пядь за пядью отвоёвывать у Центральной Рады, Директории, Польши и др. И долгое время велась здесь борьба с кулацкими атаманами (Шепель, Тютюнник), а после окончательного изгнания Красной армией белополяков в 1920 г., — с набегами банд, которые, переходя советские границы, не давали возможности вести нормальную работу по хозяйственному восстановлению разрушенного края.

Вузам г. Каменца пришлось пережить долгую историю, полную борьбы и реорганизации, которые заканчиваются только с окончательным укреплением в 1923 г. советской власти на Каменеччине.

Вузы г. Каменца своего хронологического предшественника имеют в лице Украинского государственного университета, который был открыт 22 октября 1918 г. гетманской властью. Открывая украинские высшие школы, гетманское правительство думало привлечь на свою сторону мелкобуржуазную интеллигенцию, которая в то время была в оппозиции.

В университете были факультеты: историко-филологический, физико-математический, богословский и юридический. В первом академическом году университет насчитывал 490 студентов, а во втором — 1401, но состав студенчества был по большей части случайный, — постоянный контингент студенчества был очень мал. Так, из записавшихся в первом академическом году на физико-математический факультет 183 человек посещало лекции только 50 человек. Причина была та, что считаться украинским студентом было модой и в университет поступали старшины петлюровских войск, духовенство и просто люди, окончившие среднюю школу. Следующие данные о социальном происхождении студенчества УГУ (которые относятся к 1919/20 академическому году) являются очень показательными: селян (кулаков) — 37%, духовенства — 25%, дворян(!) — 5,5%, кустарей-торговцев — 15%, служащих — 11%, учителей — 8% и врачей — 1,5%. Академическая работа велась без всякого плана и не давала никаких положительных результатов.

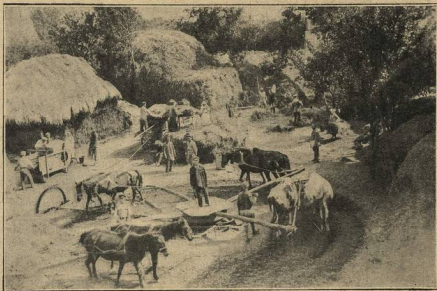
Университет и в особенности беднейшая часть его студенчества и профессуры, среди которых много эмигрантов из Галиции, находились в тяжелом материальном положении. Есть много свидетельств о том, что петлюровская власть не очень-то беспокоилась о благосостоянии своей школы. Беднейшее студенчество скоро начинает лезть и само организовывается в студенческие трудовые артели и ведет борьбу

с университетскими властями за совет студенческих представителей. На протяжении всей жизни университета до окончательного прихода красных войск на Подолье осенью 1920 г. студенческую массу раздражает национальная, а потом и классовая борьба. Сначала борется украинское студенчество со студентами других национальностей (евреи, русские), а потом ведется борьба между студентом, который сам себе добывает кусок хлеба, — с сынками кулаков, попов и ипр. Борьба велась за совет студенческих представителей, в котором сидела студенческая буржуазия. После долгой борьбы беднейшее студенчество организует свой студенческий временный совет представителей.

Такова краткая история нашего предшественника. Нужно только сказать, что советская власть до своего окончательного закрепления дважды приходила на территорию Каменеччины. Первый раз — 15 апреля 1919 г., когда, продержавшись недолго, она уходит назад. Этот интервал, из-за краткости своей, мало чем отразился на жизни университета, — даже богословский факультет продолжал существовать. Есть свидетельство о том, что Ревком оказывал содействие в работе университета.

Второй интервал, который начинается 11 июля 1920 г., хотя и совпал с каникулярным временем, оставил по себе заметные следы. Предгубревком назначается политкомиссар университета. Работа комиссара и положила начало организациям, реорганизации структуры университета и ипр. Революционное студенчество, которое до этого времени работало подпольно, теперь открыто бросает новые лозунги. Богословский факультет закрывается. Объявлен набор, который дал много бедняцкого студенчества. ярко выраженная солидарность части студенчества и профессуры к советской власти в этот период привела к репрессиям со стороны петлюровско-польских войск, под натиском которых Красная армия снова, но ненадолго, покидает Каменец 28 сентября 1920 г.

16 ноября 1920 г. советская власть окончательно укрепилась на территории Каменеччины, хозяйство которой в это время было в катастрофическом

Студенты института обрабатывают производственный живинку 1924 г.

положении. С этого времени идет плановая реорганизация университета. Снова закрывается богословский факультет, историко-филологический и юридический факультеты реорганизуются в факультет социальных наук, а 10 января 1921 г. приказом политкомиссара упраздняется должность ректора и проректора, — организован Научный совет в составе представителей от студенчества и профессуры. Сельскохозяйственный факультет, который вырос из естественного отдела физико-математического факультета, был преобразован в Сельскохозяйственный институт, а бывший украинский государственный университет реорганизован в Институт теоретических наук.

Этот ИТН долго просуществовать не мог, и в июле 1921 г. он реорганизуется в высший Институт на-

Лаборатория ИНО (Каменец-Подольск, 1924 г.).

родного образования с двумя факультетами: факультетом профессионального просвещения и факультетом социального просвещения.

Весной 1923 г. Наркомпросом УССР был упразднен факультет профессионального образования и ВИНО был переведен в Институт народного образования только с одним факультетом — социального воспитания. Наряду с этим, в 1921 г. Наркомпросом Украины был реорганизован из среднетехнической школы Химический техникум и по инициативе местных партийно-советских органов в 1922 году, в день 5-летия Октябрьской революции, при СХИ был открыт рабфак. Кроме того, длинным рядом реорганизаций ведется большая работа по улучшению персонального состава студенчества, в 1922 году производится политичка, которая выбросила за борт чуждый элемент, которого много осталось в наследство от старого университета.

Такова была линия развития каменецких вузов в первый период существования при советской власти, который заканчивается в 1923 году с окончательной ликвидацией старого университета, организацией 3 советских вузов (СХИ, ИНО и Химический технический техникум), организацией рабфака и т. д.

Тяжело были эти годы для советской власти на Каменеччине. Украину в 1921/22 г. постиг голод. Продолжались набеги банд петлюровских недобитков, мешая работе по восстановлению разрушенного войной и интервенцией сельского хозяйства. Все это отражалось и на работе наших вузов. Профессура и студенчество объединяются в производственные коллективы. Ревком дает землю, живой и мертвый инвентарь. Вводится обязательный труд, минимум.

Часть профессуры и студенчества (буржуазно-виннистическая) не стерпела такой постановки и удирает не только за пределы вузов, но и за пределы СССР. Свообразную жизнь вели тогда наши вузы. Днем — работа коллективом на поле, в огороде, вечером — занятия, работа кружков, лабораторий, читален и т. д. В это время развертывают свою работу партийные, комсомольские и профессиональные организации в вузах. Новые наборы все больше и боль-

ше дают процентов селян, рабочих и трудовой интеллигенции.

Огромное значение для пролетаризации каменецких вузов в смысле изменения персонального состава студенчества и в особенности своих пролетарских влиянием оказал рабфак. Там впервые зарождаются партийная и комсомольская организации, которые берут руководство вузовской жизнью в свои надежные руки.

Рабфаковцы были надежной опорой в руках местных советско-партийных органов. Неудивительно было встретить их на работе по сбору продналога, за много верст от г. Каменца политруками на всеобщее. Но несмотря на неблагоприятные условия, пролетарское студенчество тянется к учебе, к общественной деятельности. Профессура не отстает. При ИНО организуется научно-исследовательская кафедра по изучению природы, культуры и хозяйства Подолии, ведет работу научное товарищество.

Но скорым темпом идет восстановление хозяйства, и у советской власти есть больше возможности подвести твердую материальную базу под наши вузы. В связи с этим наши школы имеют возможность перейти ко второму периоду своего существования при советской власти, который характеризуется ясностью и плановостью в работе, буйным расцветом всех отраслей вузовской жизни. Профессура имеет возможность все свое время отдавать научно-академической работе, вырастают и развиваются новые кабинеты, лаборатории. Библиотеки имеют возможность пополняться советской и иностранной литературой. Хозяйство, которое служило раньше материальной базой для наших вузов, уменьшаясь количественно, уже имеет показательное-практическое значение.

Осенью 1924 г. производится вторая социально-академическая чистка, которая окончательно покончила с примазавшейся частью нашего студенчества, и с этого времени, получив твердую закалку, с честью слав визамем советской зрелости, вузы Каменеччины развиваются на грани 2 миров, служа символом могущества советской власти.

Каменец-Подольск.

РЕЗОЛЮЦИИ ПЛЕНУМА ЦБПС

(Приложение к журналу „Красное
Студенчество“ № 3—4)

ВВЕДЕНИЕ

С 26-го по 30 сентября включительно работал IV пленум ЦБПС. В работе его помимо 28 членов и кандидатов ЦБПС принимали участие представители крупнейших бюро пролетстуда, не являющиеся членами ЦБПС, а также представители московских и ленинградских вузов и техникумов.

IV пленум разрешил ряд важнейших вопросов студпрофработы, как то: о созыве 3-го всесоюзного съезда пролетарского студенчества, о проведении перевыборов студпрофорганизаций в 1928/29 г., об упрощении структуры студпрофорганизаций, о рационализации их работы и вопрос политико-общественного воспитания студенчества.

Кроме того, пленум обсудил вопросы о подготовке

среднего технического персонала и новых кадров научных работников. Эти вопросы были впервые поставлены на широкое обсуждение центрального руководящего органа пролетарского студенчества.

В настоящем номере напечатаны основные доклады, сделанные на пленуме ЦБПС: т. Эйдемана—о подготовке средней квалификации, т. Эйдемана—о воспитательной работе среди студенчества. В следующем номере будут даны доклады о подготовке научных работников.

Ниже мы публикуем резолюции пленума. Резолюция по вопросу о подготовке научных работников будет напечатана в сл. № журнала.

О ПЕРЕВЫБОРАХ СТУДПРОФОРГАНИЗАЦИЙ

1. При перевыборах студпрофорганизаций необходимо сосредоточить внимание студенчества на следующих основных вопросах: а) разъяснении решений июньского пленума ЦК ВКП (б) о подготовке специалистов; б) проверке выполнения директив и наказов избирателей переизбираемых профорганами; в) оживлении работы студпрофорганизаций, связав этот вопрос с необходимостью проведения широкой самокритики во всей работе и жизни учебного заведения.

2. При проведении перевыборов всех студпрофорганизаций, начиная с делегата и профкома и кончая республиканскими бюро пролетстуда, необходимо обеспечить проведение широкой профсоюзной демократии. Со всякими отклонениями и нарушениями принципов профсоюзной демократии необходимо бороться самым решительным образом, до касирования выборов включительно.

3. При проведении перевыборов студпрофорганов строго руководствоваться инструкцией ВЦСПС (газета „Труд“, № 135, от 15/VI 1926 г.), но вместе с тем, принимая во внимание специфические условия вузовской жизни и учитывая опыт перевыборов прошлых лет, при перевыборах профкомов считать возможным ограничиться лишь одним собранием (отчетным и перевыборным вместе).

4. Необходимо обеспечить широкое обсуждение кандидатов во вновь избираемые профком и исполбюро, для чего избирательные комиссии должны не позже чем за семь дней до выборов собраний вывесить на видном месте списки поступивших кандидатов в профком и исполбюро.

5. На собрании (конференции) по перевыборам профкомов и исполбюро необходимо привлечь несозванное студенчество на основе циркуляра ЦБПС ВЦСПС № 121 от 8 сентября 1927 г., опубликованного в газете „Труд“ от 14 сентября 1927 г.

6. При перевыборах профкомов и исполбюро предоставить право решающего голоса всем студентам, работающим по найму и состоящим на учете в профсекции соответствующего факультета.

7. Для действительного обеспечения активного и всестороннего обсуждения прошлой работы профкома необходимо на перевыборных собраниях профкомов ограничиться исключительно вопросами отчетов профкома и ревкомиссии и выборами, ни в коем случае не допуская постановки других вопросов.

8. Пленум обращает внимание всех студпрофорганизаций на недостаточное вовлечение студентов в студпрофорганы и на недостаточное выдвижение их на руководящую работу в студпрофорганизациях.

9. Пленум категорически высказывается за выдвижение на руководящую работу во все студпрофорганизации активных беспартийных пролетариев студентов и студентов.

10. Для ознакомления студенчества с состоянием профработы в губернии, области (крае) считать желательным постановку докладов совпрофов на губернских, областных (краевых) конференциях пролетарского студенчества.

11. Обратит внимание на усиление губотделами союзов руководства перевыборными профкомов.

12. Общее руководство перевыборными исполбюро

и разработка планов перевыборов студпрофорганизаций производятся соответствующими бюро пролетарского студенчества с утверждением их соответствующими совпрофами.

13. Установить следующие крайние ориентировочные сроки перевыборов студпрофорганизаций:

а) для перевыборов профкомов и исполбюро — октябрь и ноябрь месяцы,

б) для перевыборов окр- и губбюро пролетарского студенчества — декабрь месяц и

в) для перевыборов областных (краевых) и республиканских бюро — январь и февраль месяцы.

ОБ УПРОЩЕНИИ СТРУКТУРЫ СТУДПРОФОРГАНИЗАЦИЙ И О РАЦИОНАЛИЗАЦИИ ИХ РАБОТЫ

IV пленум ЦБПС ВЦСПС отмечает следующие недостатки в работе студпрофорганизаций:

а) Все еще чрезвычайно слабую связь профстудорганizations и студенчества с профсоюзными и слабое руководство со стороны последних, в отдельных случаях доходящее до полного отсутствия руководства низовыми студпрофорганизациями.

б) Отсутствие организационной четкости в структуре студпрофорганизаций, оторванность их от учебной работы студента.

в) Представители студенчества в академических органах все еще продолжают нести административные функции (прием, исключение студентов и т. д.).

Вследствие этих недостатков студпрофорганизации пользуются недостаточным авторитетом в студенческих массах.

Для усиления связи студпрофорганизаций и студенчества с профсоюзами, для улучшения материального и культурного обслуживания студенчества, а также и в целях усиления влияния профсоюзов и их студорганizations (профсекций) на учебную жизнь школы и поднятия на должную высоту академической работы студентов — пленум считает необходимым произвести следующие организационные изменения профстудорганizations.

1. В основу организации профсекции в учебных заведениях положить факультетное построение профсекций с отнесением к тому союзу, который является основным для данного факультета.

2. Во всех многофакультетных вузах на каждом факультете оставить только одну профсекцию согласно основной целевой установке данного факультета. Все остальные профсекции ликвидировать, и всех членов союза ликвидированных профсекций влить в основную факультетскую профсекцию.

Примечание 1. В многофакультетных вузах политехнического типа (МВТУ, Ленинградский политехнический институт и др.) на каждом факультете, независимо от того, имеются ли в данном вузе однородные ему по союзной принадлежности факультеты, создаются отдельные профсекции.

Примечание 2. В многофакультетных вузах с единой производственной установкой создается одна профсекция с присвоением профкомом этой профсекции прав исполбюро.

3. В техникумах, как общее правило, создаются единые профкомы. В политехникумах и техникумах,

имеющих различные отделения с явно выраженными производственными уклонами, профсекции строятся по отделениям по тому же принципу, как в многофакультетных вузах.

4. В отдельных и самостоятельных рабфаках профсекции создаются при наличии не менее 50 членом одного и того же союза.

5. Пленум считает необходимым, чтобы в результате проведения организационных изменений в построении профсекций материальная помощь, получаемая студентами от своих профсоюзов, не уменьшилась. Для осуществления этого постановления пленум поручает президиуму ЦБПС войти в ВЦСПС с соответствующими практическими предложениями.

6. Вся работа по участию студенчества в академических органах на факультете передать профсекции. Эта работа должна стать одной из основных работ профсекции.

7. Институт групповых старост ликвидировать и все вопросы учебной жизни групп возложить на профделегата, который в данной группе должен являться профуполномоченным профсекции по всем вопросам жизни студенчества.

Примечание 1. Профделегатов от групп выбирать не более одного.

Примечание 2. Поручить президиуму ЦБПС разработать положение о профделегатах.

8. Исходя из того, что студенческие представители в правлениях и деканатах продолжают нести административные функции, а студенческая масса фактически оторвана от участия в строительстве школы, категорически запретить студпредставителям исполнять какие бы то ни было административные или технические функции и передать их соответствующим органам учебного заведения.

Наряду с этим предоставлять исполбюро право достаточного отзыва студпредставителей, нарушающих данное постановление, с заменой их временно, до выборов, соответствующими товарищами.

Всех студпредставителей с оплатой правлений вузов снять, а отпускаемые ЦКПРосами республик средства на оплату студпредставителей передать студпрофорганизациям.

9. С целью ускорения подготовки специалистов предложить профстудорганizations студентам первого и последнего курсов освободить от всякой общественной нагрузки кроме посещения ими общих профессиональных собраний.

Освобождать от всякой общественной нагрузки академически неуспевающих.

Для всех руководящих работников профкомов и исполбюро установить срок пребывания на руководящей работе не более одного года.

10. По линии организации добровольных обществ в учебных заведениях для оживления и улучшения их работы рекомендовать студенчеству организацию

тех обществ в данном учебном заведении, которые имеют близкое соприкосновение с его уклоном.

Уполномоченных добровольных обществ рекомендовать избирать не от учебной группы, а от курса.

11. Поручить президиуму ЦБПС проработать к V пленуму ЦБПС вопрос о дальнейшем существовании землячеств.

ОБ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ СТУДЕНЧЕСТВА

1 Вопрос о подготовке нашими учебными заведениями новых кадров высококвалифицированных красных специалистов, которые были бы „активными участниками социалистического строительства“ не может быть разрешен независимо от правильного разрешения вопроса общественно-политического воспитания учащейся молодежи.

Важность вопроса классового воспитания студенчества еще усугубляется тем обстоятельством, что в значительной своей части наше студенчество состоит из молодежи, не прошедшей через производство и не имеющей стажа гражданской войны, т. е. людей, не имеющих соответствующей революционной закалки.

2. Наряду с этим пленум констатирует, что в отношении общественно-политического воспитания студенчества дело обстоит неблагоприятно.

3. Одной из основных причин неблагоприятия дела общественно-политического воспитания студенчества является то обстоятельство, что этим вопросом не были заняты профсоюзные организации, а профессиональные студенческие организации с этим делом не справились в должной степени. Само учебное заведение, как учреждение, непосредственно занятое подготовкой новых кадров специалистов, тоже мало интересовалось вопросами воспитания студенчества. Преподавание общественного цикла поставлено элементарно и плохо и не связано с будущей специальностью студента. Вопросам быта и настроений студенчества мало уделялось внимания также и со стороны советской общест-венности и печати.

4. Главнейшими недостатками работы профстудорган-изаций в этой области пленум считает: а) оторванность от студенческой массы и б) неувязку общественной работы с учебой.

5. Оторванность профстудорган-изаций от студенческой массы приводит к тому, что а) в студенческом активе отсутствует чувство ответственности за выполняемую работу; б) вопросы студенчества не получают должного отражения в работе профстудорган-изаций; в) новый актив не вырастает в должной мере; г) способствует росту всякого рода вредных уклонов, так как тем самым занимается общественная активность; и д) вызывает безразличное отношение студенчества к своей организации.

6. Пленум обращает внимание всех профстудорган-изаций, что основным средством борьбы с оторван-ностью профстудорган-изаций от студенческой массы является надлежащая постановка самокритики, которая до сих пор отсутствует.

Лишь правильно развернутая самокритика поможет изжитию недостатков и грубых нарушений интересов студенчества, привлечет внимание студенчества к работе студорган-изаций, поможет выявлению нового студенческого актива, даст возможность выявить интересное студенчество направление массовой работы и организации культурного отдыха, втянет всю студенческую массу в орбиту влияния профстудорган-изаций и тем самым чрезвычайно облегчит задачу политического воспитания студенчества в целом.

7. Пленум обращает внимание профстудорган-изаций на то обстоятельство, что разочаривание самокритики не должно быть поставлено в виде ударной кампании, но заключаться в повседневном воспитании сознания ответственности студента за всю работу учебного заведения и профстудорган-изаций.

В целях ознакомления студенчества с задачами самокритики рекомендовать профстудорган-изациям провести ряд разъяснительных собраний. Особая роль в этом вопросе должна быть отведена студечатам. Студечата должна стать подлинным коллективным организатором студенческих масс.

8. Второй большой вопрос работы профстудорган-изаций — неувязка всей общественной работы с учебой и неувязка всей задачи общественно-политического воспитания со специальной учебой студента — приводит к тому, что часто студенчество рассматривает эту работу, как неизбежную повинность, мешающую учебной работе, как средство пойти в союз и т. д. На устранение этой неувязки должно быть обращено главное внимание студорган-изаций. Вся общественная работа должна быть построена таким образом, чтобы она не мешала нормальному ходу учебных занятий, а являлась как бы ее неотъемлемой частью.

9. В деле общественно-политического воспитания студенчества пленум обращает особое внимание проф-студорган-изаций на установление тесной связи студента с производством и с рабочими. Принимая во внимание, что по учебной линии устанавливается связь между учебным заведением и предприятиями, необходимо создать такую же связь и по линии общественной работы, перенеся центр ее тяжести на предприятие.

Одновременно развивать привлечение студентов к работе в органах РКИ, как об этом говорит резолюция июльского пленума ЦК партии. Это значительно расширит возможности наиболее рационального использования студентов на общественной работе и вместе с тем со студенческой скамьи влетает студ-

Крем
обучения

дента в общественную обстановку, в которой ему как будущему специалисту придется работать.

10. Одним из основных мест проявления общественной студенчества внутри учебного заведения должен явиться научно-технический кружок. Работа научно-технических кружков со стороны студенческих организаций должна быть всецело поощряема. Активная работа в научно-техническом кружке должна быть приравнена к общественной работе, а работа научно-технических кружков — тесно связана с задачами социалистического строительства.

11. Пленум ЦБПС обращает внимание студпроф-организаций на необходимость изучения опыта построения ячеек коллективной жизни среди студенчества, имеющего места в отдельных вузах в Ленинграде, Северном Кавказе и т. д. Пленум поручает студпрофорганизациям развернуть среди пролетар-

ского студенчества активную пропаганду идей коллективной жизни (ЖБК, коммуны и пр.) и одновременно принять меры к организации на исключительно добровольном принципе — отдельных ячеек коллективной жизни.

12. В соответствии с решениями июльского пленума ЦК ВКП (б) необходимо ускорить работу по реорганизации общественного цикла. Профстудорганизации в этом деле должны принять самое активное участие.

13. Считая, что вся эта работа не может быть проделана без непосредственного участия и руководства профсоюзом, просит ВЦСПС дать профессиональным организациям конкретные указания о формах участия профсоюзам во всей системе подготовки новых кадров красных специалистов и их общественно-политического воспитания.

О ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ СРЕДНЕЙ КВАЛИФИКАЦИИ

1 Профессиональное образование, особенно в своей индустриально-технической ветви, должно органически являться составной частью всего плана индустриализации страны и реконструкции нашего хозяйства на более высокой технической базе. Без качественного укрепления и количественного роста профессионального образования эту перестройку совершить невозможно.

2. Необходимо отметить, что, несмотря на особую актуальность вопроса о подготовке среднего и технического персонала, ему не было уделено должного внимания как центральными, так и местными органами.

В связи с решениями директивных правительственных органов в этой области работы должен быть произведен решительный перелом как в смысле финансирования, так и в смысле внимания к ней со стороны хозяйственных и профессиональных органов.

3. Отмечая имеющуюся диспропорцию в развитии высшего и среднего профессионального образования и внутреннюю диспропорцию самой сети техникумов и считая необходимым на ближайшее пятилетие срочное насыщение социалистического народного хозяйства специалистами средней квалификации, пленум ЦБПС предлагает расширить имеющуюся сеть техникумов и в то же время считать ближайшей задачей работ ГПФ рационализацию сети уже существующей.

4. В отношении качественного состояния техникумов пленум отмечает ряд недостатков, выражающихся: а) в отклонении от нормальной учебной установки, принятой Наркомпросом в практике работ техникумов (от учебных планов и программ), б) в слабой активизации и отсталости методов преподавания, в) в недостаточной методической и педагогической квалификации преподавательских кадров и слабой организации дела подготовки новых преподавательских кадров, г) в организации производственной практики, стаж и производственного обучения (нехватка мест практики и стаж, предоставление мест практики в менее важных предприятиях, недостаточная продолжитель-

ность практики и пр.), д) слабую общеобразовательную подготовку поступающих, е) отсутствие учебной литературы для техникумов, ж) отсталое состояние учебного оборудования и отсутствие его в ряде техникумов и пр.

5. Пленум подчеркивает, что все перечисленные недостатки упираются главным образом в крайне недостаточное материальное обеспечение техникумов, почему категорически настаивает на увеличении в 1928/29 б. г. ассигнований на учебную работу техникумов.

6. Пленум считает необходимым просить Наркомпрос энергично воздействовать на Госиздат в смысле ускорения создания учебной литературы для техникумов, почему Госиздатом совершенно не уделяется внимания. Одновременно принять меры к обеспечению учащихся техникумов учебными пособиями (готовальни, логарифмические линейки и т. п.).

Отпускаемые на издание учебников ассигнования должны быть рационально и срочно реализованы.

7. Отмечая крайне тяжелое состояние общежитий и недостаточное стипендиальное обеспечение учащихся техникумов, что отражается на их социальном подборе, — считать необходимым добиться перед соответствующими правительственными органами увеличения ассигнования на оборудование и содержание общежитий и на количественное увеличение стипендий.

8. Подчеркивая значение научно-технических кружков, как дополняющего момента в деле улучшения подготовки средней квалифицированной силы, пленум считает необходимым включение содержания научно-технических кружков в сметы учебных заведений.

9. Считая важным в строительстве учебной жизни участие учащихся техникумов, предлагает местным студпрофорганизациям усилить качественную сторону работы в этом направлении.

В отношении отдельных видов среднего профессионального образования необходимо отметить и предложить следующее.

По индустриальному образованию.

1. Предложить ВСНХ и Наркомпросу в ближайшее время уточнить профессиональный профиль техника в связи с новыми требованиями, предъявляемыми реконструирующейся и социалистически рационализирующейся промышленностью, в направлении подготовки техников с достаточной общетехнической базой и узкой специализацией. Вместе с тем настаивать перед ВСНХ и Наркомпросом и другими заинтересованными хозяйственными и профессиональными организациями на уточнение правового положения оканчивающих техникумы.

2. Учитывая полную законченность специальной подготовки, даваемой техникумами по узкой специализации, степень квалификации оканчивающих, а также должности, фактически занимаемые ими в производстве, — признать целесообразным немедленное создание специальной комиссии при участии ВСНХ для разработки вопроса о переквалификации окончивших техникумы.

3. Признать целесообразным провести проверку целевых учебных установок индустриальных техникумов с точки зрения соответствия их требованиям производства и внесения в эти установки необходимых коррективов в смысле уточнения специальности и специализации, а также проверки планов и программ их, произведя ее в совместных совещаниях техникумов с заинтересованными предприятиями, и окончательно оформить их в ВСНХ и ГПФ.

4. В кратчайший срок составить заявку потребности промышленности в техниках на ближайшее пятилетие, на основе которой разработать план открытия новых индустриальных техникумов и отделений.

5. В целях усиления связи между техникумами и предприятиями в ближайший срок (не позднее января 1929 г.) прикрепить индустриальные техникумы к соответствующим обслуживаемым предприятиям (трестам, группам трестов, заводов) для большего согласования в деле постановки преподавания, распределения мест производственной практики, назначения конкретного плана использования оканчивающих. Особенно признать необходимым: а) представителей указанных предприятий ввести в состав президиума техникумов и в методические комиссии при них и при их участии техникумам разрабатывать свои производственные планы, программы читаемых курсов, производственной практики, темы заключительного проектирования и т. п.; б) самую работу советов техникумов и их отделений перестроить таким образом, чтобы выработка планов и программ, обсуждение результатов проведения производственной практики, метода занятий и пр. происходили с широким привлечением на эти совещания компетентных представителей от заинтересованных предприятий (трестов, заводов); в) обеспечить фактическое осуществление производственной практики в таких длительных сроках, чтобы они обеспечивали нормальную квалификацию техников; считая вопросы практики особо важными, обратить внимание ВСНХ и ГПФ на срочное и отчетливое рассмотрение этого вопроса во всем его объеме; г) считать необходимым участие отбывающих практику учащихся во всей производственной и общественной жизни предприятия (производственные совещания, совещания технического персонала и т. п.); д) руководству этой стороной практики учащихся привлечь профсоюзы и инженерно-тех-

нические секции; через ВЦСПС и ВМБИТ поставить вопрос об общем усилении руководства практикантами со стороны ИТС; признать необходимым создание инструктажа для практикантов по примеру вузов, для чего выделять необходимые средства; д) преподавателей специальных предметов техникумов во время каникулярных перерывов командировать на производственную практику предприятия для работы в исследовательских учреждениях и других соответствующих организациях; е) проводить созывы техникумами периодических конференций с представителями обслуживаемых ими предприятий и окончившими; в этом вопросе пленум отмечает необходимость планомерной, широко развернутой работы.

6. В целях повышения квалификации преподавательского состава считать необходимым правильно организовать дело подготовки и переподготовки преподавательских кадров техникумов. Предусмотреть в бюджете 1928/29 учебного года выделение на это средств. Разработать меры по привлечению лучших преподавателей обществоведов в индустриальные техникумы.

7. Улучшить материальное положение специалистов преподавателей техникумов, вопрос о чем поставить в соответствующих органах.

8. Считать необходимым принять меры к укреплению и оформлению вечерних рабочих техникумов и укреплению работы этого типа учреждений.

По сельскохозяйственному образованию.

1. В связи с задачами проведения кооперирования и коллективизации сельского хозяйства ГПФ необходимо перестроить учебные планы и программы сельскохозяйственных техникумов.

2. Вместе с тем ГПФ необходимо привлечь массовую сельскохозяйственную школу к делу широкого распространения сельскохозяйственных и технических знаний в деревне.

3. Пленум отмечает крайне тяжелое материальное состояние массовой сельскохозяйственной школы, отсутствие основного оборотного капитала, оборудования, плохой подбор работников и т. п. Пленум настаивает перед Наркомпросом о срочной необходимости улучшения состояния школ.

4. Просить Наркомзем принять меры к привлечению местных земорганов к активному участию в деле организации и строительства массовой сельскохозяйственной школы, связывая свою агрикультурную производственную работу в деревне с использованием сельскохозяйственной школы.

По педагогическому образованию.

1. Темп развития педагогических техникумов по всем четырем линиям подготовки чрезвычайно отстает от требований жизни и по отношению к подготовке учителей I ступени, и от требований закона о всеобщем обучении, по которому сеть педтехникумов к 1934 г. должна вполне обеспечить потребность школ I ступени в новых работниках.

2. Ускорение подготовки новых кадров должно идти по линии приема окончивших двенадцатую на II и III курсы педтехникумов (на III курс — для окон-

чивших школу с педучлоном). Необходимо в течение ближайшего года принять меры к усилению этого приема на основе опубликованного уже Наркомпросом положения.

3. Содержание работы и подготовка в педагогических техникумах будущих специалистов должны отразить на себе возможно более отчетливо следующие моменты: работник просвещения деревни должен быть достаточно ориентирован в вопросах сельского хозяйства и его современных проблемах. Это должно найти отражение как в более серьезной постановке преподавания курса сельскохозяйственного производства, так и в достаточном обеспечении педтехникумов своими учебными хозяйствами.

Проблемы кооперации также должны найти достаточное отражение в курсе педагогических техникумов, особенно подготовляющих сельских работников.

4. Необходимо точно так же поднять постановку преподавания технического труда в связи с повышением требований массовой школы на учащихся, имеющих достаточную трудовую подготовку как в смысле умений, так и знакомства с методами преподавания труда.

5. В связи с кинофикацией школы и радиофикацией деревни необходимо обеспечить достаточное внимание этим вопросам в курсе педтехникумов.

6. Особое внимание в текущем году необходимо обратить на выработку из учащихся педагогических техникумов методически подготовленных антирелигиозников.

7. В связи с ростом задач педагогического персонала в отношении обслуживания пионердвижения знакомству с историей, современным положением и методами работы пионерорганизаций в дальнейшем необходимо отвести значительно больше места, чем отводилось до сего времени.

По промышленно-экономическому образованию.

1. В силу постоянно меняющейся хозяйственной конъюнктуры, меняющегося характера работы в предприятиях и учреждениях, особенно в связи с проводимой рационализацией работы аппарата и сокращением штатов, меняются и требования заинтересованных хозорганов и учреждений на работников средних квалификаций промышленно-экономических специальностей. Причем, как общее правило, следует отметить, что требования к квалификации окончивших промышленно-экономические техникумы все время повыша-

ются. В соответствии с этим должна изменяться и подготовка этих работников (учебные планы, программы и пр.), в связи с чем, как особенность промышленно-экономического образования, следует отметить необходимость постоянно обновлять и приводить в соответствие с требованиями хозяйственной жизни учебные планы, программы и методы работы учебных заведений.

2. Продолжать улучшение социального состава промышленно-экономических техникумов путем вовлечения в техникумы рабочих, крестьян и особенно батрацко-бедняцкой молодежи. В этих целях провести организацию краткосрочных подготовительных курсов и подготовительных отделений при техникумах.

3. Для большего приведения работы техникумов в соответствие с требованиями хозяйственной жизни в центре и на местах необходимо теснее увязать работу по промышленно-экономическому образованию, особенно с теми органами, с которыми до сего времени сделать этого не удавалось (Наркомфин, ВСНХ).

4. Ввиду передачи большинства промышленно-экономических техникумов на местный бюджет провести совместно с Комитетом содействия промышленно-экономическому образованию мероприятия по укреплению финансовой базы техникумов и предотвратить этим дальнейшее их сокращение.

По медицинскому образованию.

1. Учитывая нужды в работниках по физическому воспитанию и культуре, пленум считает необходимым развертывание сети физкультурных техникумов.

ГПФ предлагается в 1928/29 учебном году обеспечить техникумы физкультуры необходимыми планами и программами.

2. Пленум считает необходимым НКП совместно с НКЗдравом оформить звание оканчивающих медицинские техникумы.

По художественному образованию.

1. Пленум отмечает тяжелое материальное состояние художественных техникумов и тяжелое материальное положение учащихся, что затрудняет и замедляет рост рабоче-крестьянской части учащихся техникумов.

2. Пленум считает необходимым в текущем учебном году пересмотреть сеть художественных и музыкальных техникумов, а также рассмотреть вопрос об их учебных планах и комплектовании.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА
ЛЕНИНГРАД

ЛИТЕРАТУРА К XI-ЛЕТИЮ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

НА ПУТЯХ К ОКТЯБРЮ

Ленин и Октябрьская революция. Сборник статей под ред. Н. Мещерякова. Стр. 151. Ц. 50 н.

В. И. ЛЕНИН. **Об Октябрьской революции.** Составил и снабдил примечаниями М. Пошерстник. Предисл. С. Кривцова. (Ленинск. биб-на партийца под общей ред. С. С. Кривцова.) Стр. 94. Ц. 50 н.

И. СТАЛИН. **На путях к Октябрю.** Статьи и речи. Март—октябрь 1917 г. Стр. 280. Ц. 50 н.

Н. БУХАРИН. **На подступах к Октябрю.** Статьи и речи. Май—декабрь 1917 г. Стр. 188. Ц. 75 н.

М. САВЕЛЬЕВ. **Ленин и Октябрьское вооруженное восстание.** Стр. 62. Ц. 20 н.

БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ

ВОЗНЕСЕНСКИЙ, А. И. Москва в 1917 году. Стр. VIII + 196. Ц. 1 р. 75 н.

СИМОНОВ, В. Разгром деникинщины. Почему мы победили в Октябре 1919 года. С 4-мя схемами. Стр. 64. Ц. 40 н.

ШУМЯЦКИЙ, Б. Сибирь на путях к Октябрю. Стр. 126. Ц. 60 н.

ЯКУШКИН, Е. Колчаковщина и интервенция в Сибири. Стр. 96. Ц. 30 н.

ПАРФЕНОВ, П. С. (Алтайский). Борьба за Дальний Восток 1920—1922. Стр. 368. Ц. 4 р.

1917 ГОД В ДЕРЕВНЕ. Воспоминания крестьян о 1917 годе. Районные и погубернские данные о крестьянском движении. Под ред. и с предисл. Я. А. Яновлева. (Печ.)

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ИСПАРТ ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ

Активные участники и организации

А Л Ь Б О М

Сост. **П. Ф. Куделли** и **П. И. Кулябко**

Таблицы работы художн. **Я. М. Гуминер**

Стр. текста 31 и 40 таблиц. Ц. 6 р. 20 н.,
в коллен. пер. 7 р. 50 н.

Цена 50 коп.

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ

**НА ЕДИНСТВЕННЫЙ СТУДЕНЧЕСКИЙ МАС-
СОВЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ**

Красное студенчество

**ОРГАН ЦЕНТРАЛЬНОГО И МОСКОВСКОГО
БЮРО ПРОЛЕТАРСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА**

В ГОД ВЫХОДИТ 18 НОМЕРОВ
ОБЪЕМОМ ПО 40 СТР. (6 ПЕЧАТ. ЛИСТОВ) В КАЖДОМ НОМЕРЕ.

ПОДПИСНОЙ ГОД С 1 ОКТЯБРЯ 1928 Г. ПО 31 МАЯ 1929 Г.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: НА ГОД (18 №№)—3 р. 50 к.
БЕЗ ПРИЛОЖЕНИЙ И 35 к.
ДОПЛАТЫ ДЛЯ ЖЕЛАЮЩИХ С ПРИЛОЖЕНИЯМИ: НА 1-ое
ПОЛУГОДИЕ (7 №№)—1 р. 50 к. БЕЗ ПРИЛОЖЕНИЙ И 20 к.
ДОПЛАТЫ ДЛЯ ЖЕЛАЮЩИХ С ПРИЛОЖЕНИЯМИ; НА 2-ое
ПОЛУГОДИЕ (11 №№)—2 р. 30 к. БЕЗ ПРИЛОЖЕНИЙ И
20 к. ДОПЛАТЫ ДЛЯ ЖЕЛАЮЩИХ С ПРИЛОЖЕНИЯМИ;
НА 3 МЕСЯЦА (6 №№)—1 р. 30 к.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО № В ПРОДАЖЕ—25 к.

для годовых подписчиков (НЕ СТУДЕНТОВ-
СТИПЕНДИАТОВ) ДОПУСКАЕТСЯ РАССРОЧКА:
ПРИ ПОДПИСИ—1 р. 25 к.; К 1 ДЕКАБРЯ—1 р.;
К 15 ФЕВРАЛЯ—1 р. 25 к.

**СТУДЕНТЫ—СТИПЕНДИАТЫ ПРИ УСЛОВИИ ПОДПИСКИ
В СТУДЕНЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ ИЛИ У ИХ УДОЛНО-
ЖЕННЫХ И ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ОБЩЕГО ГАРАНТИРОВА-
НОГО ПИСЬМА ПОЛЬЗУЮТСЯ КРЕДИТОМ НА СРОК
ПОДПИСКИ (ИЗ ЦИРКУЛЯРА НАРКОМПРОСА, ВСНХ И
ИКСО—ПУБЛИК. ЕЖЕНЕД. ННП № 39 ОТ 21/1Х—28 г.)**

ГОДОВЫЕ И ПОЛУГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ ПОЛЬЗУЮТСЯ
ПРАВОМ ПОЛУЧЕНИЯ КНИГ И УЧЕБНЫХ ПОСОБИЙ ПО ВЫ-
БОРУ ИЗ СПИСКА, ПУБЛИКУЕМОГО В № 2 ЖУРНАЛА—ГО-
ДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ НА 4 руб. ЗА ДОПЛАТУ В 35 коп.,
ПОЛУГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ НА 2 р. ЗА ДОПЛАТУ 20 к.

Книги высылаются по почте.

ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ УЧАСТВУЮТ В РОЗЫГРЫШЕ ПРЕМИЙ.

В число премий входят:

1 БИБЛИОТЕКА В 100 руб., 2 БИБЛИОТЕКИ ПО 50 руб.,
15 БИБЛИОТЕК ПО 30 руб., 20 БИБЛИОТЕК ПО 25 руб.,
а также отдельные фундаментальные учебники
лучшие литературные произведения.
По мере роста числа подписчиков количество премий
будет увеличиваться.

БИБЛИОТЕКИ КОМПЛЕКТУЮТСЯ САМИМИ ПОДПИСЧИ-
КАМИ ИЗ КАТАЛОГА ГОСИЗДАТА.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

Редакция журнала „Красное Студенчество“ Мос-
квы II, Солянка, 12, Дворец Труда, комн. 214, тел. 3-55-34.
Удостоверенный способ по профессии и проф-
комов в каждом учебном заведении. Главной и-рой
подписчик в периодические издания Госиздата Мос-
квы, центр, Пльняна, 3, Госиздат, тел. 4-07-19. В от-
делении, иносных и магazines Госиздата, во всех
иносных в СССР и иностранных почта на печати, а
также во всех почтово-телеграфных конторах.